

О. Димитрий Клепинин. Сентябрь 1939 г.

Жизнь и житие
священника
Димитрия Клепинина

1904–1944

Русский путь
Москва
2004

ББК 86.372
Ж 48

ISBN 5-85887-179-8

Составители

Т.В. Викторова, Н.А. Струве

© Русский путь, 2004

© Т.В. Викторова, Н.А. Струве, составление, 2004

От составителей

Эта книга готовилась как сборник материалов для возможного причисления о. Дмитрия Клепинина к лику священномучеников и была представлена весной 2000 г. в Синодальную комиссию Московской Патриархии.

16 января 2004 г., отвечая на прошение владыки Сергия (Коновалова) и его преемника владыки Гавриила (де Вильдера), епископов западно-европейских Русских Православных Церквей, Патриарх Вселенский Варфоломей причислил к лику святых мать Марию (Скобцову), ее сына Георгия, Илью Исидоровича Фондаминского, о. Дмитрия Клепинина и о. Алексея Медведкова.

Всенародное прославление новых святых состоялось 1 мая 2004 г. в Александро-Невском соборе в Париже.

Составители выражают глубокую благодарность Елене Дмитриевне Клепининой-Аржаковской за возможность работы с материалами домашнего архива и ее помощь в работе, а также о. Игнатию Крекшину за внимательный труд по прочтению материалов сборника.

Что есть сердце милующее?

Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари...

От великой и сильной жалости объемлется сердце, и от великого терпения умягается сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемой тварью.

Преп. Исаак Сирий. Слова подвижнические. Слово 41

Материалы к житию
священномученика Димитрия
1904–1944

Детство

Дмитрий Андреевич Клепинин родился 14 апреля ст. ст. 1904 г. на Кавказе, в городе Пятигорске. Он был третьим ребенком в семье известного архитектора и храмостроителя Андрея Николаевича Клепинина и Софьи Александровны, урожденной Степановой.

По свидетельству А.Н. Гиппиус¹, крестный путь Дмитрия Андреевича, окончившийся мученической кончиной в концлагере, начался с раннего детства.

Когда Диме было несколько месяцев, он заболел воспалением легких — в столь тяжелой форме, что от матери не скрывали уже неизбежного рокового исхода. В критическую минуту родных подозвали к мальчику. Софья Александровна подошла к кровати сына, взяла его посиневшую ручку, сложила пальчики для крестного знамения и перекрестила его ручкой. После этого прощания в ходе болезни умирающего мальчика произошел никем не ожидаемый перелом и Дима начал медленно поправляться.

Болезнь наложила, однако, свой тяжелый отпечаток, и Дима рос слабым и болезненным, развиваясь значительно медленнее своих сверстников. Все его детство прошло под знаком раннего приобщения к страданию, в осознании собственной беспомощности, умаленности по отношению к другим детям.

Однако помимо замкнутости и сосредоточенности на своем внутреннем мире это пробудило в нем чувство жалости ко всем слабым и обиженным. Поэтому среди друзей Димы всегда было много таких, кому недоставало силы или умения участвовать в жизни; в общении с Димой они забывали свою отчужденность и чувствовали себя вполне нормальными людьми.

Дима испытывал также сильную жалость и к животным, и они платили ему ответной любовью. Он даже научился подражать собакам и кошкам, как-то по-особенному нюхая воздух, — так что домашние животные его даже побаивались, как будто он знал их секрет. В семье, где чувство юмора определяло общий стиль общения, было принято давать родным прозвища из братии «друзей меньших». Так, сестра Татьяна была прозвана Лисицей, а Дмитрий — Собакой.

Помимо жалости к слабым родные вспоминают о его удивительной правдивости, интуитивном чувстве справедливости и душевного благородства, которые проявлялись в нем с ранних лет.

Дима рос в интеллигентной, музыкальной семье с широкими культурными интересами. Софья была двоюродной сестрой Зинаиды Гиппиус, муж которой, Дмитрий Мережковский, был крестным отцом Димитрия. Члены семьи были верующими, но не церковными, как пишет А.Н. Гиппиус, «людьми боголюбивыми и человеколюбивыми». Софья Александровна читала детям Евангелие, писала тексты молитв. Так, незадолго перед смертью она посвятила 17-летнему Димитрию текст молитвы, которую очень любила: *«Прими, Отец, молитву детей Твоих. Приди невидимо, благослови и подай детям Твоим долгие дни, здоровье, веселье и друг к другу любовь. Дай росу небесную для растений земных, наполни дома наши Твоей тишиной и Твоей радостью. Любовь совершенную, чуждую страха дай нам, Господи. Аминь»*. В жизни Димитрия, проходящей под сенью любви и щемящей жалости ко всему живому, эта молитва сыграла исключительную роль. Текст молитвы появляется в одной из его дневниковых записей в 1929 г.²

Софья Александровна была по образованию педагогом и уделяла детям много времени, посвящая их в свой собственный духовный мир. В Одессе, где несколько лет спустя после рождения Димитрия обосновалась семья, она основала

новаторскую школу, в которой поощрялось творчество. Сама она преподавала в ней Закон Божий, стремясь передать детям живой дух православия. Кроме того, Софья Александровна была одним из первых мировых судей в Одессе и активно занималась социальной помощью, обслуживая бедные одесские кварталы. Эта деятельность впоследствии спасла ей жизнь: когда она была арестована ЧК в 1919 г., ее выручил молодой чекист, знавший ее по работе с беднотой.

С этим арестом матери связана первая, и неудачная, встреча Дмитрия с церковью. Потрясенный случившимся, он почувствовал потребность пойти в храм. Он пошел к обедне в церковь женского монастыря и, не имея привычки бывать на церковных службах, стал среди молящихся, держа руки за спиной. Одна из монахинь, заметив это, сделала ему резкое замечание. «Для его восприимчивой души этого неделикатного формального замечания было достаточно, чтобы оттолкнуть его от церкви»³.

---

¹ Сведения о детских годах Дмитрия приводятся по дневниковым записям Анны Николаевны Гишпиус, тетки Д.А. Клепинина, которую митрополит Евлогий характеризовал как «...женщину высокого христианского качества, праведницу», подчеркивая, что «она имела большое духовное влияние на Дмитрия Клепинина и очень его любила» // *Слово митрополита Евлогия на собрании памяти о. Димитрия Клепинина*. См. раздел ВОСПОМИНАНИЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВА. ПОЧИТАНИЕ (далее – СВИДЕТЕЛЬСТВА).

Дневник А.Н. Гишпиус цитируется по рукописи (архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской, Париж).

² Запись от 11 февраля 1929 г. См. раздел НАСЛЕДИЕ о. ДИМИТРИЯ КЛЕПИНИНА (далее – НАСЛЕДИЕ). *Дневник Дмитрия Клепинина*.

³ Дневник А.Н. Гишпиус.

Эмиграция

После занятия Одессы добровольцами Дмитрий поступил на службу матросом на торговый пароход Добровольческого флота, где «команда в нем души не чаяла»¹. С семьей Клепининых он воссоединился в Константинополе, который дал им первое беженское пристанище. Дмитрий возобновляет здесь свое учение, поступив в американский колледж.

В 1921 г. Клепинины перебрались в Сербию, где встретились с семьями Зерновых², Лопухиных и Трояновых.

Дом в окрестностях Белграда, где жили эти семьи, прозванный ими «Ковчегом», стал местом для собраний православного студенческого кружка. Этот кружок был совершенно исключительным по силе религиозного чувства, по духовной взволнованности, по широкой открытости религиозным, философским, социальным и общекультурным проблемам. В этом кружке активно развивалась идея религиозного братства, обращенного к действию, и участие в этих встречах очень утвердило Дмитрия в вере. «Диму там сразу полюбили, и он нашел среди этой молодежи ту подлинную церковную среду, которую его душа, вероятно, уже давно инстинктивно искала и в которой произошла его настоящая и уже окончательная встреча с церковью»³.

С кружком Дмитрий часто ездил в Хоповский монастырь, где он познакомился с замечательным священником о. Алексеем Нелюбовым, «очень способствовавшим расцвету его души»⁴, а также с владыкой Вениамином, монастырь которого он также часто посещал. А.Н. Гиппиус вспоминает рассказ Дмитрия о том, как однажды, осенним вечером, идя в монастырь владыки Вениамина, он сбился с пути и до самой темноты бродил по лесу в поисках монастыря. Тогда Дима решил ночевать в лесу: нагреб опавших сухих листьев и лег спать. Когда он проснулся, уже светало, и, к своему

удивлению и радости, он обнаружил между стволами деревьев стену монастыря.

Неожиданная кончина матери в феврале 1922 г., с которой были связаны переломные моменты в его духовной биографии, еще больше сблизила Дмитрия с церковью.

Софья Александровна и после смерти сопровождает его в выборе духовного пути. Так, в сентябре 1930 г. Дмитрий пишет о таком опыте общения с матерью и ее духовном наставничестве С.С. Шидловской:

«...Я в первый раз понял значение страданий, когда осознал, что все, на что я надеялся в жизни, ушло от меня. <...> Но радость

Белград, 1925 г. В «Ковчеге» у Зерновых.

Справа налево: Н.М. Зернов, неустановленное лицо, Т.А. Клепинина, Дмитрий Клепинин, М.М. Зернова, А.Н. Клепинин (отец Дмитрия), неустановленное лицо, И. Троянов

посетила меня, когда на память пришли слова Спасителя: “Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть”. Я пришел на могилу моей матери с тяжелым игом житейским, и все казалось таким запутанным и безысходным, и нашел легкое бремя Христово. Не знаю более счастливого момента моей жизни и благодарю за все, что Бог дал мне перенести. После этого я иначе устроил свою жизнь и легче было отстранить всю запутанность разных обстоятельств...»⁵

С большой нежностью он обращается к матери в своих дневниках:

«Читая Твои письма, снова начинаю чувствовать, какое близкое участие Ты принимаешь во всей моей жизни. И теперь Ты со мной. Как тогда Ты любовью пронизала будущую судьбу, зная, что меня ожидает и что мне нужно в жизни, так и теперь Ты еще дальше и яснее видишь мой путь, закрытый от меня самого. Помоги мне, если имеешь дерзновение перед Господом идти по пути, удобному Ему.

Как я рад, что Ты знала, что я Тебя люблю, что, несмотря на всю мою слепоту, невнимательность к Тебе, Ты знала, что я Тебя люблю. Я сейчас пойду спать, а Ты будь со мной, как тогда, когда я был над Босфором, а ты в Ялте... Я еще буду писать Тебе, если даст Бог.

Вечная Тебе память».

17 сентября 1929 г.⁶

---

¹ Жаба С.П. Воспоминания // Вестник РСХД. Париж. 1980. № 131. С. 333–341.

² Николай Михайлович Зернов (1898–1980) и Софья Михайловна Зернова (1899–1972) – общественные деятели, сыгравшие активную роль в истории РСХД и православной миссии за границей.

³ Дневник А.Н. Гиппиус (рукопись).

⁴ Ор. cit.

⁵ См. полный текст письма в разделе НАСЛЕДИЕ.

⁶ Дневник 1929 г. (см. раздел НАСЛЕДИЕ).

Духовное образование

В 1925 г. Дмитрий поступил в только что открывшийся в Париже Богословский институт, где его главным наставником стал о. Сергей Булгаков. Позднее Ф.Т. Пьянов писал:

«Богословский институт был для о. Димитрия духовным домом. Хотя он не был богословом в точном смысле слова, тем не менее его духовная связь с о. Сергием Булгаковым была огромна. Я думаю, он воспринимал о. Сергия Булгакова не столько как ученого-богослова, но как личность, которая прошла тернистый, скорбный путь, как и вся русская интеллигенция, от марксизма к Церкви. Дмитрий поражался его огромным творческим даром. <...> Я глубоко чувствовал у о. Димитрия почитание Богоматери — несомненно, влияние о. Сергия. О. Димитрий почитание это применял к жизни — к скорби народа, ко всякой живой твари. К утешению этой скорби, мне кажется, и был призван о. Димитрий»¹.

Окончив Богословский институт в 1929 г., Дмитрий получил диплом и стипендию для обучения в Богословской семинарии в Нью-Йорке. Там он занимался главным образом писаниями апостола Павла, который стал для него «близким и дорогим»².

Следующий этап его жизни, важный в духовном отношении, связан с Братиславой (Чехословакия), где Дмитрий помогает в служении о. Сергию Четверикову, который становится его духовным отцом.

В 1932 г. Дмитрий предпринял поездку к отцу на Борские рудники, где вновь повстречался с гувернанткой семьи Клепининых, «Фрейлин», которая знала Диму с раннего детства и очень любила его. Приближение Дмитрия к православию очень сильно повлияло на нее, воспитанную в традициях католического вероисповедания. В это время она тяжело заболела. И, умирая буквально на руках у Димы, не отходившего от нее все последние дни ее земной жизни, она перед смертью приняла православие.

В начале 1934 г. Дмитрий вернулся в Париж, где в поисках заработка был чернорабочим, мыл окна, натирал полы. Одновременно он активно сотрудничал с РСХД³ (продолжая традиции зерновского «Ковчега»), обслуживал в качестве псаломщика и руководителя хора храм РСХД и летние лагеря и съезды Движения.

Большое место в его сердце занимал владыка Евлогий, которого он называл иногда старцем. Духовные поиски привели Дмитрия к мысли о принятии священства.

Первый курс Богословского института (1925)

В первом ряду сидят (слева направо): о. Георгий Шумкин, Л.А. Зандер, С. Безобразов, А. Карташев, о. Сергей Булгаков, митрополит Евлогий, еп. Вениамин, неустановленное лицо, В.Н. Ильин, П.Е. Ковалевский. Дмитрий Клепинин стоит во втором ряду (второй справа) за В.Н. Ильиным. Его сосед справа – Иван Шаховской. В третьем ряду (справа от студента в светлом) – Феодосий Георгиевич Спасский, Никон Греве, Михаил Соколов – друзья Дмитрия Клепинина

Митрополит Евлогий, всегда чуткий к призванию своих духовных чад, рассказывает с мягким юмором о том, что православная парижская среда решила даже «помочь» найти невесту «неловкому» Дмитрию:

«И вот тут Господь явил ему Свою милость и послал ему прекрасную во всех отношениях подружку жизни»⁴: на одном из съездов Движения Дмитрий познакомился с Тamarой Федоровной Баймаковой, секретарем РСХД и корреспондентом *Вестника* в Риге.

Дмитрий Клепинин с невестой
Тамарой Федоровной Баймаковой.
Лето 1937 г.

В 1937 г. они повенчались в церкви Коломбель в Нормандии. В тот же год Дмитрий был рукоположен в дьяконы, а затем и в священники митрополитом Евлогием и его помощником епископом Пражским Сергием (Королевым) в Александро-Невском кафедральном соборе в Париже.

Первоначально о. Димитрий был назначен третьим священником во Введенскую церковь при РСХД – приход, дорогой его сердцу, настоятелем которого был о. Сергей Четвериков, а его помощником – о. Лев Липеровский.

В июне 1938 г. в семье Клепониных родилась дочка Елена, ласково называемая родителями Ладиком.

О. Димитрий с дочерью Ладиком
(Е.Д. Клепониной-Аржаковской)

С 1 октября 1938 г. о. Димитрий служил в Озуар-ла-Феррьер, а осенью 1939 г. он был назначен митрополитом Евлогием настоятелем церкви Покрова Пресвятой Богородицы при общежитии матери Марии (Скобцовой) на улице Лурмель, где и устроилась молодая семья, в которой в 1942 г. появился сын Павлик.

---

¹ Воспоминания Ф.Т. Пьянова // Архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской (неопubl.).

² Письмо С.С. Шидловской (ор. cit).

³ *Русское Студенческое Христианское Движение.*

⁴ *Слово митрополита Евлогия на собрании памяти о. Димитрия Клепинина.*

Служение

Придите ко мне все труждающиеся
и обремененные, и Я успокою вас.

Мф. 11, 28

Отец Димитрий появился на Лурмель 10 октября 1939 г., за несколько дней до престольного праздника. О. Сергей Булгаков, служивший иногда в лурмельском приходе, с радостью писал об этом назначении «моего бывшего ученика и духовного сына, которого я люблю»¹.

Прихожане почувствовали необычайную доброту нового пастыря, его мягкость и готовность помочь другим. Вмес-

Приезд о. Димитрия на Лурмель, осень 1939 г.

С.Б. Пиленко (мать монахини Марии), Ю. Скобцов (сын монахини Марии), А. Бабаджан (псаломщик лурмельской церкви), монахиня Мария, Г.П. Федотов, о. Димитрий, К.В. Мочульский

те с тем, «когда вопрос касался Христовой Истины, он становился непоколебимым»². Это сблизило о. Димитрия и мать Марию — очень разных по возрасту и темпераменту, — которые тем не менее не только нашли общий язык, но и стали единомышленниками и друзьями и прошли совместный путь вплоть до мученической кончины.

Объединение «Православное Дело», задуманное матерью Марией как «общее дело», действительно становится для них такого рода сотрудничеством, основанным на глубоком понимании и взаимной любви.

Одной из сторон их совместной деятельности становится работа с психически больными, забытыми либо по недоразумению очутившимися в «психушках». Одна из таких больных рассказывает, как о. Димитрий спас ее от депрессии:

«...Он стал меня лечить, и лечение его состояло в отвлечении меня от моего горя указанием на горе чужое, на необходимость действительной помощи другим». И далее: «Он взял меня с собой в госпиталь, в приют, доверял мне детей, брошенных родителями. Благодаря ему я перестала думать о себе и вновь обрела свое душевное равновесие...»³

О приходской жизни на Лурмель вспоминает С.Б. Пиленко, мать монахини Марии:

«В последние годы какой-то особенный мир царил в нашей церкви, и даже во время войны и всяких ужасов что-то высокодуховное. Любовь к ближнему, желание помочь несчастным (что и делалось). У о. Димитрия было много духовных детей, которым он помогал переносить тяжесть житейских горестей.

О. Димитрий, болезненный и слабый, никогда не отказывался от каких-либо треб. Иногда бывало в день трое похорон, и все на разных кладбищах, и все больше бедняков, и он всех сопровождает, а на дворе — снег или дождь. Вернется домой, поест что-нибудь, а тут опять уже привезли покойника, и вновь едет»⁴.

На Лурмель, где въезд в церковь был удобен для погребальной повозки, устраивались сотни отпеваний. Для ни-

щих это делалось бесплатно. «Наша церковь превращается в кладбищенскую, — говорила мать Мария, — почти каждый день — похоронь!»⁵. В храме висело огромное полотно с вышитыми по краям ангелами⁶. На нем мать Мария вышивала в память почивших их имена.

Желая украсить службы, мать Мария вышивала и праздничные облачения для о. Димитрия. К.В. Мочульский вспоминает пасхальную заутреню 1940 г.:

«Мать сшила для о. Димитрия пасхальное облачение, из тонкого белого шелка, — никаких украшений, только на фелони красным шелком вышита монограмма: “Иисус Христос, Альфа и Омега”. Город был погружен во мрак, по ночам завывали сирены. Крестный ход с хоругвями и иконами пересек темный двор и остановился у дверей дома. О. Димитрий трижды громко постучал. Двери распахнулись. После темноты — ослепительный свет. Море горящих свечей. <...> О. Димитрий не ходит, а летает по зале. Его белое легкое облачение взвивается крыльями. Он “веселится о Господе”. Звонким, ликующим, победным голосом восклицает: “Христос воскрес!” На пути его расступается толпа, волнуются огоньки свеч, переливается радостный гул: “Воистину воскрес!” А он, уже у престола, произносит краткую ектинью и снова устремляется в толпу — белый, сияющий, окрыленный, с огненными розами в руке. Мне кажется, что он похож на ангела, отвалившего камень от Гроба. Мать Мария стоит у престола, горящая свеча снизу освещает ее лицо. Глаза у нее заплаканные и счастливые. <...> Оставшиеся идут в церковь на литургию. Все причащаются. О. Димитрий читает торжественно: “В начале бе Слово, и Слово бе к Богу и Бог бе Слово...” За тонкими стенами убогой церкви-гаража — тьма войны, тьма страшной весны 1940 г. А в церкви, в белом райском свете звучат непреложные слова: “И свет во тьме светит, и тьма его не объят”»⁷.

Это была последняя Пасха перед оккупацией Парижа, вслед за которой последовали трагические дни мая и июня 1940 г. Задержанных русских отправляли в Компьеньский⁸

концлагерь. На Лурмель был организован «Комитет помощи заключенным лагеря Компьень», который, с разрешения о. Димитрия отправлял в лагерь продовольственные посылки от имени лурмельской церкви. В лурмельской церкви регулярно служились молебны о спасении России.

К июлю 1942 г., в связи с усилением гонений на евреев, свидетельство о крещении стало играть решающую роль в определении их участи, становилось своего рода «охранной грамотой». О. Димитрий решил выдавать такие свидетельства. По его убеждениям, сам Спаситель поступил бы таким же образом при такой нужде⁹. Вскоре в картотеке о. Димитрия появились сведения приблизительно о восьмидесяти новых «прихожанах». О. Димитрий различал в каждом случае тех, кому это свидетельство было необходимо для спасения от преследований, и тех, кто искренно желал принять православную веру. Первым он выдавал свидетельство о принадлежности к лурмельскому приходу, вторых же тщательно готовил к крещению¹⁰.

О том, с какой непреклонностью и бесстрашием действовал о. Димитрий, свидетельствует его ответ на однажды поступившее на Лурмель из епархиального управления требование списков новокрещенных:

«В ответ на Ваше предложение предоставить Вам списки новокрещенных, начиная с 1940 г., я позволю себе ответить, что все те, которые, — независимо от внешних побуждений, — приняли у меня крещение, тем самым являются моими духовными детьми и находятся под моей прямой опекой. Ваш запрос мог быть вызван исключительно давлением извне и продиктован Вам по соображениям полицейского характера.

Ввиду этого я вынужден отказаться дать запрашиваемые сведения»¹¹.

В 1942 г. положение ухудшилось и стало необходимо срочно находить убежища, главным образом для жен и детей уже арестованных евреев. Лурмель становится таким при-

ютом, где многих удалось спрятать в общежитии и даже часовне храма. О. Димитрий уступил свою комнату еврейскому семейству. *«Эти несчастные, — мои духовные дети, — говорил он. — Церковь во все времена была убежищем для жертв варварства».*

---

¹ Письмо о. Сергия Булгакова С.Б. Пиленко от 14 октября 1939 г. (архив о. Сергия Гаккеля).

² Пьянов Ф.Т. Доклад на собрании, посвященном матери Марии (Скобцовой) (1968).

³ Из воспоминаний духовной дочери, М. Кравченко (см. раздел СВИДЕТЕЛЬСТВА).

⁴ Воспоминания С.Б. Пиленко (архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской).

⁵ Мочульский К.В. Монахиня Мария Скобцова // Третий час. Нью-Йорк. 1946. С. 70.

⁶ Фото, воспроизводящее вышивку, приводится в подборке документов о матери Марии.

⁷ Описание пасхальной заутрени приведено К.В. Мочульским: Мочульский К.В. Ор. cit. С. 73–74.

⁸ Пересылочный лагерь на Севере Франции.

⁹ Мать Елизавета, устное свидетельство. Приведено по кн. о. Сергия Гаккеля. С. 209. См. об этом воспоминания С.С. Куломзиной, раздел СВИДЕТЕЛЬСТВА.

¹⁰ По сведениям Т.Ф. Клепининой, жены о. Димитрия (архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской).

¹¹ Документ, приводимый Г.А. Раевским: Двадцать лет спустя // Русская мысль (Париж). 1961. 1 авг. Цит по кн. о. Сергия. С. 210. Раевский (наст. фамилия Оцуп) — поэт, живший в то время на Лурмель.

Мученичество

И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа.

Ин. 19, 17

8 февраля 1943 г. гестапо нагрянуло на Лурмель. В результате обыска в кармане Юры Скобцова была обнаружена записка одной женщины-еврейки, которой Юра доставлял пищу. Письмо было на имя о. Димитрия и содержало просьбу выписать удостоверение о крещении.

Гестаповцы отобрали удостоверение личности о. Димитрия и С.В. Медведевой, приказав им на следующее утро явиться в гестапо. Юра был увезен как заложник. Эсэсовец Гофман, производивший обыск, объявил, что Юра будет освобожден, когда в гестапо явится сама мать Мария, которая в тот день отсутствовала в Париже.

На следующий день, сознавая, что может означать его вызов в гестапо, о. Димитрий встал на заре и отслужил литургию — последнюю, которую ему было дано отслужить на свободе. Евхаристия в это прощальное утро была совершена в приделе, который некогда устроил сам о. Димитрий и в котором он очень любил служить. Эта так называемая «малая церковь» была посвящена им священномученику Филиппу, митрополиту Московскому. Теперь проявилась вся уместность этого посвящения: святитель Филипп был замучен по повелению Ивана Грозного за то, что осмелился открыто осудить жестокие действия своего государя.

Сразу после службы он отправился с С.В. Медведевой в штаб гестапо.

О. Димитрия допрашивали в продолжение четырех часов. Позже, на Лурмель, Гофман рассказывал, как о. Димитрию предлагали свободу при условии, что он впредь не будет

помогать евреям. Он показал свой наперсный крест с изображением Распятия: «А этого Еврея вы знаете?» Ему ответили ударом по лицу. «Ваш поп сам себя погубил, — заметил Гофман. — Он твердит, что, если его освободят, он будет поступать так же, как и прежде»¹.

Мать Мария позднее сама пришла в гестапо, но Юру не освободили. Не освободили его и тогда, когда в гестапо, несколько дней спустя (16 февраля), явился Ф.Т. Пьянов, который сразу же был арестован. Кроме того, были схвачены Ю.П. Казачкин² и А.А. Висковский — один из спасенных о. Димитрием и матерью Марией душевнобольных, работавший на кухне общежития. Протестуя против его ареста, Т.Ф. Клепинина сказала: «Он ведь больной!», на что гестаповец сказал: «Мы там сумеем ему вправить мозги».

Т.Ф. Клепининой, ввиду угроз гестапо, пришлось скрыться в предместье Парижа, имея на руках шестимесячного сына и четырехлетнюю дочь.

По приказу немецких властей «Православное Дело» было ликвидировано, а его деятели после месяца, проведенного в Романвиле, были отправлены в этапный лагерь Компьень³.

Об этой отправке рассказывает Ф.Т. Пьянов:

«Нас собрали около 400 человек во дворе. Из окон выглядывали накрашенные стенографистки — немки, француженки, русские; о. Димитрий в порванной рясе стал предметом насмешек. Один эзэсовец начал толкать и бить о. Димитрия, называя его “юде”. Юра Скобцов, стоявший рядом, начал плакать. О. Димитрий, утешая его, стал говорить, что Христос претерпел большие издевательства»⁴.

В Компьень первое время были большие трудности с питанием, так как родные еще не могли присылать посылок и заключенные питались, главным образом находя пропитание в мусорных очистках. По воспоминаниям союзников, «...видя голодных, обездоленных, на грани отчаяния

находящихся несчастных, о. Димитрий не находил себе покоя, если не помогал». Однажды кто-то дал о. Димитрию луковицу. На плацу он встретил студента-серба — сербы жили особенно плохо, приходя от голода в отчаяние. Он стыдливо протянул сербу луковицу, «и был очень доволен, — пишет Ф.Т. Пьянов, — а мы нет, т. к. думали опустить ее в воду с картофельной шелухой...» Когда начали присылать посылки, о. Димитрий прежде всего ходил по этим несчастным и раздавал свое. Видя это, его друзья иногда делали о. Димитрию замечания, которые он либо не замечал, либо отделялся шуткой. «Редко так ставился вопрос о трагизме судьбы человека, особенно несчастных людей, — отмечает Ф.Т. Пьянов. — В этом о. Димитрий очень сходен с матерью Марией, у о. Димитрия было проще, он не ставил проблем, но практически следовал всем заповедям Христа». Однажды, когда завязался разговор на эту тему, о. Димитрий сказал:

«Если бы я не был священником, если бы я не делал этого, я был бы самым несчастным человеком... Мой, Богом данный мне путь спас меня, и я только горюю и грешу, что так мало делаю, вот здесь мы заключены, как будто и делать нечего, а сколько я не сделал, потому что ленив...»⁵

В компьеньской тюрьме усилиями о. Димитрия барак был преобразен в церковь: из кроватей, к которым прислонены доски от столов⁶, был сооружен иконостас. Его жене удалось ему переправить антиминс, и стало возможным совершать богослужения:

«Каждый день служим литургию. Это все меняет...» — «Изучаем Prati'a»⁷, — пишет о. Димитрий. — «Стараюсь подготовить Юру к принятию сана». — «Это его определенное желание»⁸.

Компьеньские заключенные были последними прихожанами о. Димитрия. Один из них вспоминает о его пастырском служении в Компьень:

«Церковное богослужение, особенно божественная литургия, были центром жизни о. Димитрия. Он сам часто говорил нам, что без литургии он ходит как потерянный, мало сил бороться против себя, своей самости и зла, вокруг нас лежащего. Без насилия, без уговоров, своим примером, разъяснениями он приближал нас к Святым Таинствам. Если нас не переселяли из помещения в помещение, а это бывало, мы служили ежедневно литургию и вечерню или всенощную. Он воспитал нас часто исповедываться и причащаться, и действительно, мы участвовали эти Таинства, получая огромную помощь. Он часто грустил, что не может воздействовать на советскую молодежь. К нам в Компьень прибывала советская молодежь, бежавшая из разных лагерей, большинство из них сходились за обеденным столом, за столом был установлен определенный порядок, советская молодежь подчинялась этому (и другие относились к этому с уважением), но к церкви и к нашим молитвам они были чужды. Лишь позднее его попытки увенчались успехом. <...>

Христос, как личность, всегда был коррективом его жизни. Библия и Евангелие были постоянным его чтением в трудных условиях нашей жизни. У него были бессонницы, в нашей камере целые ночи напролет некоторые играли в карты. Он в углу под светом садился за карточный стол (другого стола не было) и до поздней ночи сидел с Библией или Пратом. Прочитанным он сейчас же делился. Сразу же по приезде в Компьень несколько человек попросили заниматься с ними, и он руководил кружком по изучению жизни Иисуса Христа, Библии и богослужения»⁹.

Друзья, оставшиеся в Париже, делали все, чтоб освободить о. Димитрия. Некий немецкий пастор Петер, благосклонный к православным и влиятельный в кругах оккупационных властей, обещал хлопотать за него. При этом ставилось условие, что о. Димитрий заявит о том, что его де-

тельность при доме матери Марии ограничивалась его священническими обязанностями. Тамара Федоровна сообщила ему об этом в тайной переписке, которую удавалось вести через отдельный американский сектор лагеря Компьень. О. Димитрий решительно отказался: *«В хлопотах обо мне ни в коем случае не надо отмежевывать меня от “Православного Дела”. Это бросает тень на него. Это как бы соглашение с обвинениями». «Мы все равно несем ответственность и одинаково ни в чем не виноваты»*¹⁰.

В декабре 1943 г. узники были переведены в концлагерь Бухенвальд, а затем — в мрачный тоннель «Дора» для изготовления ракет ФАУ-2 на жутких подземных заводах. Несмотря на свое тяжелое физическое состояние, о. Димитрий морально всячески поддерживал других, павших духом. Не желая пользоваться привилегиями как заключенный француз, он сорвал нашитый знак F и заменил его советским, чтобы разделить более тяжелую участь своих соплеменников.

Обеспокоенный ужасающим видом о. Димитрия, дряхлевшего на глазах, один из заключенных, имевших влияние на распределение работы, пытался за него хлопотать. Он указал начальнику, что эта работа «старика» не под силу. Начальник было согласился, но спросил возраст о. Димитрия. Тот честно ответил, что ему 39 лет, и был оставлен на прежней работе по перетаскиванию тяжелых плит.

*«О. Димитрий не способен был на неправду», — вспоминает С.П. Жаба. — Так был неизбежен его арест, так неизбежна стала его смерть»*¹¹.

Во время одной из особенно долгих переключек на ледяном ветру о. Димитрий простудился и тяжело заболел плевритом. Юрий Павлович Казачкин добился его перевода в “шонунг” (Schonung) — помещение для освобожденных от работы по болезни. Несколько дней спустя, когда Юрию Павловичу удалось его навестить, он нашел его умирающим

и чувствующим себя богооставленным.

8 февраля 1944 г., в день, когда заключенные могли писать близким, Юрий Павлович принес ему открытку. О. Димитрий, который уже не мог говорить, дал ему знак, что не сможет написать. На следующий день, 9 февраля, Юрий Казачкин уже не нашел о. Димитрия в Schöpfung. По позднему рассказу надзирателя¹², бывшего свидетелем последних минут жизни о. Димитрия, он, лежа на цементном полу и не в состоянии более двигаться, попросил надсмотрщика поднять его руку и перекрестить его.

Так началась и закончилась его жизнь, осененная силой крестного знамения, – жизнь, осмысляемая и прожитая как подлинное несение креста:

«На крестном пути Спасителя он больше всего останавливался. Человека он рассматривал как символ креста по

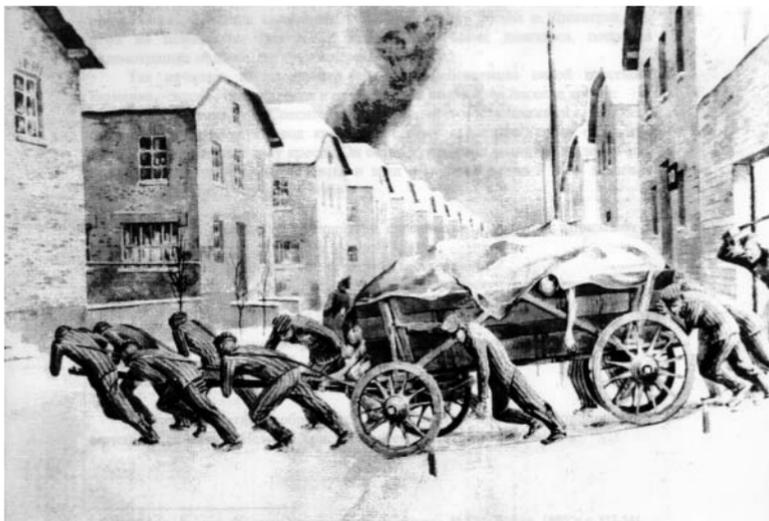

Рисунок из жизни концлагеря (Wisinek, музей Освенцима)

своему строению (слова о. Сергия Булгакова). Он и знал силу креста. Он остро чувствовал разлитое по земле зло, опасность его для судьбы человека и знал и глубоко верил в силу значения креста, спасающего человека и мир»¹³.

В 1930 г., размышляя о принятии священства, Димитрий записывает в личном дневнике:

«Каков путь Христианина: радость или страдание?»

Страдание, т. к. умирает со Христом телу плотскому, но это подавляется радостью, т. к. он совоскресает Христу и участвует в самом светлом процессе мира — созидании тела Христова, созидание это — все более раскрывающаяся жизнь, ведущая к необычайному свету, когда Бог будет всяческая во всем.

*Помяни нас, Господи, в Царствии Твоем»*¹⁴.

С этим напутствием обращается к нам светлый праведник, проповедник, мученик и свидетель Истины Христовой о. Димитрий Клепинин.

---

¹ Монахиня Елизавета, в кн. о. Сергия Гаккеля (*Мать Мария*. УМСА-Press. 1992. С. 220).

² Один из участников «Православного Дела», которому удалось выйти из застенков. Воспоминания (архив Е.Д. Клепиной-Аржаковской).

³ Изложено по кн. о. Сергия Гаккеля (*Op. cit.* С. 216–218).

⁴ Свидетельство Ф.Т. Пьянова // ВРДП. № 1.

⁵ *Как мы жили в лагере*. Воспоминания Ф.Т. Пьянова (архив Е.Д. Клепиной-Аржаковской).

⁶ Внешний вид ее зарисован и выслан в письме (см. фото). «Скажи Ладкину, что это я для нее нарисовал, чтоб она знала, в какой церкви служит папа». См. *Переписка (Письма к жене из лагеря Компень)*.

⁷ См. *Переписка (Письма к жене из лагеря Компень)*.

⁸ Ferdinand Pratt — иезуит, автор книги «Жизнь и учение Иисуса Христа».

⁹ «Как мы жили в лагере». Воспоминания Ф.Т. Пьянова (архив Е.Д. Клепиной-Аржаковской).

¹⁰ Письма от 19 мая и 2 июня 1943 г.

¹¹ С.П. Жаба // Вестник РСХД. Париж. 1980. № 131. С. 333–341.

¹² Со слов матери Марии Иглитской (Покровский монастырь, Бюсси, Франция). Текст свидетельства полностью приведен в разделе СВИДЕТЕЛЬСТВА.

¹³ Из воспоминаний Ф.Т. Пьянова (архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской).

¹⁴ См.: *Дневник Дмитрия Клепинина*, раздел НАСЛЕДИЕ.

Наследие
о. Димитрия

О. Димитрий не был ни ученым богословом, ни ярким проповедником. Он за короткую свою жизнь оставил мало написанного. Был он прежде всего пастырем. В трудные годы войны он, не щадя своих сил, окормлял свою многочисленную паству, крестил, венчал, хоронил.

Однако в юности, когда он почувствовал желание стать священником, он стал вести дневник, который помогал ему утвердить свой путь. Он часто переписывал изречения Святых Отцов, записывал свои заботы и радости, каялся в своих недостатках. Мы публикуем самые характерные выдержки из дневника, отображающие поиски его пути.

Сохранилась в парижском Богословском институте его дипломная работа. Очень характерно, что он выбрал столь близкую ему тему, которая освятит всю его дальнейшую жизнь, «Сердце и ум в молитве Иисусовой». Мы даем здесь наиболее яркий отрывок.

Мы располагаем некоторыми из его писем к отдельным лицам. В 1930 и 1931 гг., еще до своего рукоположения, он писал Софье Сергеевне Шидловской, на которой мечтал жениться. Письма к ней исполнены нежностью и грустью и полной отдачей воле Божьей. По их поводу Софья Сергеевна писала в 1944 г. жене о. Димитрия Тамаре: «Я когда-нибудь Вам расскажу подробно о той роли руководства и устройства моей жизни, которую сыграл Дима, его совершенно близкая к святости прозорливость». Читатель найдет наиболее характерные отрывки из этих писем.

Восемь месяцев 1943 г. провел о. Димитрий в пересыльном лагере Компъень, откуда он тайно посылал своей жене письма, полные надежды на освобождение, поддержки ее, горячей любви к своим детям. Очень образно описаны быт лагеря и пастырская деятельность о. Димитрия, который считал себя не в тюрьме, а посланным в миссию. Эти письма из заточения публикуются с незначительными сокращениями.

«Сердце и ум в молитве Иисусовой»¹

Отрывок

Возвращаясь к тому, как должно устраивать свою жизнь занимающемуся молитвой Иисусовой, необходимо указать еще на другие средства, создающие необходимую духовную атмосферу, укрепляющую молитвенную ревность вообще, возбуждающую стремление к духовной жизни.

Итак, помимо Святого Причащения, как на такое средство, во-первых, должно упомянуть о значении постоянного чтения Священного Писания. Частое чтение Слова Божия делает нас как бы свидетелями событий, описываемых в нем, слушателями проповеди самого Спасителя или Его Апостолов и Пророков. Чтение Священного Писания лучше всего другого укрепляет веру, углубляет и расширяет наше христианское мирозерцание, приближает нас ко Христу, оживляет в нашем сознании Его образ.

Кроме Священного Писания очень полезно еще чтение писаний Святых Отцов Церкви. Чтение их писаний делает благоговейного читателя участником того опыта познания Бога и мира, которого достигали авторы этих Писаний; правда, скорее начатков этого познания, т. к. истинное познание не может быть заимствовано из книг, но дается опытом тем, кто победил в себе ветхого человека; но все же писания отеческие могут служить как бы вехами, указывающими путь к истинному богословствованию.

Кроме Священного Писания и творений Святых Отцов настольной книгой ревнующего о молитве Иисусовой и вообще о духовной жизни являются жития святых. Они приобщают читателя их к той духовной атмосфере, в которой жили святые. Как бы ничтожны ни были духовные силы читателя житий святых, как бы малы ни были его духовные подвиги, все же он чувствует себя как бы соратником свя-

тых, подвигающимся на одном поле с ним ради Христа. Читатель житий святых не чувствует себя одиноким. Сознание, что на протяжении всех веков со времени возникновения христианства множество людей терпели те же искушения, те же трудности на своем пути к Богу, должны ободрять его в его делании.

Главное — это то, что святые были такие же обыкновенные люди, как и он сам, что достигли они победы не своими силами, а силою Божией. Жизни святых являются как бы наглядным исполнением слов Спасителя: «Веруй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит и болше сих сотворит: яко Аз ко Отцу Моему гряду» (Ин. 14, 12).

Таким образом, жития святых есть книга, свидетельствующая об исполнении этого обетования Спасителя, свидетельствующая о жизненности всего сказанного в Священном Писании, о том, что все, предписанное в Слове Божиим к исполнению, действительно исполнимо.

Итак, Священное Писание, творения отеческие (и особенно те, которые говорят о молитве Иисусовой) и жития святых должны быть настольными книгами того, кто хочет, чтобы духовное начало в его жизни взяло перевес над началом мирским, которое если не будет все больше и больше подавляемо, всегда будет стоять преградой между устами человека, произносящими молитву Иисусову, с одной стороны, и его умом и сердцем, с другой. Иными словами: молитва Иисусова есть духовное делание.

---

¹ Фрагмент сочинения чтеца Димитрия Клепинина, выполненного в 1931 г. в Югославии (Бора). Из архива Е.Д. Клепининой-Аржаковской (рукопись).

Дневник Дмитрия Клепинина¹

Предлагаемые фрагменты из *Дневника Дмитрия Клепинина* относятся к периоду с 1922 по 1932 г. Эти записи связаны с его пребыванием в Сербии, с обучением в Богословском институте в Париже и в Богословской семинарии в Нью-Йорке. Они также охватывают его деятельность в движении РСХД и его работу на Борских рудниках в Югославии, где жил и трудился его отец.

Сербия, 1922 год

Хопово, 6 апреля

От Иоанна 11, 44: «И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет».

Фирвальдштетское озеро и Двор первосвященника, это свет от дверей, вся жизнь наполнена этим светом.

Господи, помоги мне поверить, что Ты воскресил Лазаря. Сегодня первый раз Ты был так близко от меня. Сегодня так крепко я держался за Твой крест.

Сегодня я увидел, как велики все эти дорогие мелочи и совпадения и как они становятся великими через Тебя.

Господи, помоги мне помнить каждую плиту, и каждый уголок церкви, и тот великий момент, когда в полутемной церкви Ты пришел так близко ко мне и дал мне Свое тепло и свет. Господи, буду помнить ворота монастыря, ели и луну и радость в душе. Помоги мне быть благодарным тем, кто мне помог и кто молился за меня. Господи, Ты велик. Дай нам пребывать в весне Твоей вечной и помоги нашим сосудам стоять прямо и наполняться. <...>

Господи, Твоей милости ожидаю. Дай душе моей покоя и отдыха от мыслей, а горе мое пусть в освобожденном серд-

це причиняет боль. Тогда эта боль будет источником радости. Пусть не стон души от боли этой будет вырываться, а песни, Тебя прославляющие.

Неужели все мысли, которыми я жил, напрасны? Если так, то их надо уничтожить, если нет, развить. Середина есть не жизнь, а существование. Индюк думал, думал да и сдох. Смерти я не боюсь и очень даже желаю, но человеческой, а не птичьей. Пора спать.

Град Брдо, 4 октября

Я хотел бы, чтобы мое злое сердце было таким же чистым и бескорыстным, как у той маленькой девочки, которая принесла мне васильки, не сказав, что это она их сорвала, а когда я спросил, то сказала «мы», а не «я».

15 апреля по старому <стилю>

Мне кажется, что тогда я не жил, и теперь подвожу итог, а по-настоящему живу и теперь и опять буду потом думать о теперешнем, как о чем-то целом и значительном.

Эти цветы, дни, часы и чувства так дороги теперь и тогда тоже дороги были и мучительны очень. Хочется безумно и бесконечно спрашивать о том, что такое жизнь, как жить и кто я.

Разговаривал сегодня с (*рисунок белочки*) и гнал свою тень, а когда шел домой, то думал, что можно радостно отдаваться вихрю и делать глупости, не потому, что ум забыт, а, наоборот, чтобы сердце и ум были вместе в одном блоке значительном, и не только для этого момента, но и на всю жизнь.

Я хочу научиться не желать постоянной весны, потому что тогда не было бы зимы, а без зимы нет и вечной весны.

Первым был крест, и я был на море бесконечно родном и знакомом с тех пор, как я себя помню и с тех пор, как я научился говорить. Все шло мимо меня, и я начал понимать,

как люди живут.

Вторым было кольцо с ним. Среди трамвайных звонков и вечерних фонарей, автомобилей и толп народа я услышал музыку, и в сердце мое начал вливаться новый поток, таинственный и величественный.

Услышав эти звуки, я начал искать.

Я бродил по стенам замка на берегу Босфора и в тысяче-летних камнях и покрытых мхом ступенях искал разгадку этого мотива.

Вверху было голубое небо, а далеко внизу — зеленая, бесконечно глубокая и красивая вода. От стен веяло тайной и лаской. Небо вечное и голубое, но я искал разгадку в камнях со мхом и ступенях. Вода покрывалась рябью и меняла цвет, а стены через несколько тысяч лет должны были превратиться в песок, а небо остаться таким же навсегда. Но тогда небо было всюду, а стены только на один миг, такой значительный и дорогой. И я отдался им всем сердцем и душой.

На дворе среди стен и башен был двор, поросший ярко-зеленой травой. Я пошел по ней и искал. Я стоял перед стеной и ждал. Я ждал долго, пока не устал от ожидания, мыслей и новых переживаний, новой жизни, возникшей среди шумных улиц города, вечерних уличных звуков.

Я устал, не как устают старые люди, выдавшие жизнь и прошедшие тяжелый и мучительный путь. А устал как щенок, выползший в первый раз из конуры в солнечный весенний день, устает от игры.

Я заснул, спал без снов и отдыхал душой. Но, проснувшись, я увидел, что все изменилось кругом, стены были прежние, но какие-то странные, а передо мной медленно открывались ворота, тяжелые, обитые заржавевшими листами железа. Когда щель в воротах стала увеличиваться, я вспомнил про двор, обернувшись, я увидел то же голубое небо и зеленую траву.

Повернувшись к воротам, я увидел, что они совсем открыты и впереди высокая лестница с широкими каменными ступенями. Я взошел на первую ступень и, обернувшись, увидел, что ворота закрыты. В новом дворе тоже над головой было небо, но по нему неслись белые тонкие облака. И я пошел вверх по ступеням. Поднявшись, я очутился в запущенном саду с заросшими аллеями и незнакомыми цветами. Я шел недолго, но скоро устал. Облака собирались в тучи, и ветер начал шуметь в ветвях. Кругом было так незнакомо и неприветливо, тишина иногда прерывалась порывами ветра. Я сидел на траве, положив голову на колени, и думал. Вместе с ветром вдруг донеслись отдаленные звуки музыки. Я стал прислушиваться и узнал. Это скрипка играла грустную песенку. Иногда порывы ветра заглушали игру. Но ветер постепенно стих и уже не мешал слушать. Я весь превратился в слух, звуки проникали в душу, обволакивали все туманом, все пело во мне. Мне стало грустно, но бесконечно хорошо. Я закрыл глаза и отдался этой музыке. Последняя нота ее звенела где-то глубоко в сердце, и я не знал, звенит ли она или это мне только кажется.

Все стихло, я открыл глаза и увидел, что сижу на зеленой лужайке с весенними и поющими цветами. Были желтые цветы и крокусы и передо мной маленький красный цветок, он стоял и покачивался от ветра. Я тихо сидел, и слезы туманили взор, потому что я понял, что цветы мои. Я ушел с полянки, и красный цветок остался моим. Над головой было яркое голубое небо, вечное, но стен не было, они ушли далеко назад и еще сильнее поросли мхом. Я смотрел в небо, и, когда моя душа наполнилась лазурью и глубиной, я пошел на полянку и целовал цветы, потому что слишком сине было небо. Красного цветка там не было, потому что он был со мной. Цветок стал говорить, а в долине, в белом монастыре, звонил колокол.

Третьей была иконка.

*13 ноября
Белград*

Теперь после Брдо видно, что надо идти через тоннель и помнить, что над горой голубое небо.

А если не идти через него, а отделяться от его понятий, то будет все же казаться, что идешь, а по-настоящему лезешь по отвесной стене, долезть невозможно, и не в этом цель, так как надо идти в горизонтальном направлении, а не в вертикальном. Вдоль жизни, а не поперек. Второе будет относительным движением, т. к. жизнь идет вперед, а человек — справа налево и снизу вверх. Такое метание заставляет попадать в рабство теории относительности, т. к., поднимаясь от земли и ее понятий, теряешь почву под ногами, а она нужна, т. к. представление об окружающем не может быть уничтожено вполне, т. к. нового не будет.

Мне кажется, если оно будет уничтожено, то наступит сумасшествие, т. к. нового не может быть, а от старого отделиться невозможно, можно только нарушить схему.

Опять остается вопрос об анализе. На его стороне остается одним доводом меньше.

Будет ли такой миг, когда его не будет? Дай Бог!

Если душу представить в виде двух комнат, одну с открытой дверью на солнечный день, а другую закрытую тяжелой дверью, сквозь щели которой исходят лучи, которые, преломляясь, вливаются в солнечные, у некоторых людей они так сильны, что придают солнечным лучам особый цвет.

Грубо выражаясь, если забить щели той двери, то яркое солнце не может озарить душу, а если не забивать, то даже в пасмурный день малое количество солнечных лучей будет воспринято преломившимися лучами из щелей двери.

Живет ли человек во сне во второй комнате? Если бы жил, то не мог бы проснуться, т. к. чувство времени, шум, осязание соприкосновения проникали бы только в первую

комнату и не нашли бы там никакого применения. На этот вопрос можно ответить положительно только в том случае, если лучи из первой комнаты проходят во вторую через дверь.

По-моему, это не так. По-моему, сон создан для отдыха всего механизма первой комнаты. Чтобы отдохнуть, ему надо ослабить свою деятельность, и как только это происходит, сейчас же начинают преобладать лучи второй комнаты. Строгость схемы этого механизма ослабевает, и поэтому происходит несоответствие во времени пробуждения. Если к рычагу прикрепить тугую пружину, прикрепленную, в свою очередь, к тяжелому предмету, и дернуть за рычаг, то предмет сначала будет двигаться медленнее рычага, но когда рычаг достигнет конечной точки, то предмет достигнет его одновременно.

Если же прикрепить слабую пружину, то можно иногда достигнуть того, что рычаг дойдет до предела, а предмет только после этого сдвинется вследствие сокращения пружины.

Днем человек многого не может понять того, что он видел во сне, т. к. днем перевес первой, а ночью второй. Эта разница слишком велика.

Сухо и сухо... Главное, больше отдаваться чувству и не осушать формулирую.

Хочется вихря и мчаться вперед далеко, далеко.

Странно: все написанное отходит.

Эта книжка, начатая яркими чувствами и ярко-красными чернилами, все суше и суше. Я не хочу этого.

« Жизнь полюбить прежде логики, как ты говоришь, непременно, чтобы прежде логики, тогда только я и смысл пойму» (*Братья Карамазовы*).

Когда логикой забьешь голову и станет сухо, как сейчас, и тяжело, сердце не выдержит, и прорвется, и все затопит радостной волной.

Отсюда вывод — не для того дан ум, чтобы булыжники с сердца сворачивать, сердце и само свернет, если Господу угодно.

Сел писать и мудрить часа три тому назад. Сколько волн разных и чувств, и все в этом сердце, мелком и фальшивом.

Выше всех религий Православие, потому что Бог дал нам глаза такие, которые видят высоту, ширину и длину. Уши, которые слышат определенные и обычные звуки, и сердце, которое в самой глубине своей горит только к Нему. Православие дальше этого не идет и оберегает всех от преступления этой страшной черты.

Русские люди одноцветно и ослепительно яркие и от одноцветности своей живут в третьих измерениях.

Я русский, но не одноцветный. Гибель ли моя в этом или материал для жизни, для веры и сердца?

На этой странице я наклеил лист, с одной стороны темно-красный, а с другой — зеленый. Может быть, и моя разноцветность в том, что не поджарился с одного бока???

Может быть, сердце поджарилось, а ум зеленый, как лягушка, холодный, тоже как лягушка, и сердце холодит.

Но если в моем сердце довольно жару и если довольно этого жару, чтобы ум лягушачий согреть, то пусть я буду разноцветным.

Кричат улетающие журавли. Надвигается зима. Господи, помоги не упасть, а жить и бороться.

Запомнится ли этот крик журавлиный? Все от меня зависит. Дай Бог, чтоб запомнился.

15 ноября

Говорят, что наука сокращает многолетний опыт. В данном случае наоборот, несколько месяцев опыта сократили науку многих лет, может быть всей моей жизни. В этом опыте может быть гибель, может быть и спасение.

Магическая сила потусторонняя действует согласно всему потустороннему. Живя здесь и подходя к пропасти, мы можем подойти на один миллиметр от края и стоять по-обычному и быть гарантированы от падения. Но эта магическая сила действует вне наших понятий и до того, как мы переступили последнюю ступень.

Что это в сердце у меня сейчас грандиозной волной охватывает всего меня? Пусть же опять все выльется в гипноз кольца. Может быть, столетиями оно было символом любви. Может быть, в далекой Индии люди умирали с ним. Может быть, ломали руки с ним и молились горячо. Пусть же совокупится сила любви, страданий и надежд, может быть, выльется в одну силу, силу жить, любить ее, жизнь, и славить Господа, давшего мне жизнь простую. Может быть, подойдя к черте, я научился, и в мозгу моем укладывается все это в порядок, и, может быть, от этого я схвачу эту простоту обеими руками и буду целовать каждую ее каплю. Все капли, сливаясь вместе, льются рекой. Льется русское православие.

Жизнь, жизнь, жизнь, сумма всего.

Будучи маленьким мальчиком... оно сковало меня. Нет! И теперь так будет. Я должен. Пусть же будет так. Господь поможет. *(рисунок кольца)*

Отрывок сказки и музыки, опять сказка. Потом жизнь, но сказка придет и встретит большие силы.

Господи, не остави меня. Прости за грех великий, и пусть лжи не будет ни в единой из строк этих.

19 ноября

Шел по дорожке, было холодно. Первые снежинки начали падать, и первым делом я вспомнил овраг. Голые ветки, и сквозь них далекий, веселый овраг. Грустно стало, но хорошо. Хорошо, потому что он страшно мой, мой до боли. Снег

и холод, время и жизнь не изгладят воспоминаний о нем. Среди зимнего ветра и урагана буду слышать, как звенят льдинки и как цветет вечная весна.

Я люблю православие всем сердцем. И знаю, что выше религии нет. Что жизнь 70–80 лет, затем смерть, и вечная жизнь. Правый путь, подвиги, страдание, уничтожение, но награда на небеси. Почему одним дано это понятие, а другим нет? Как мне оторваться от того, что относительно, как? как? как? Как понять, что жизнь это 25.550 вращений Земли вокруг своей оси, а не тысячи или миллионы лет, пока я, ничтожный и грязный грешный, искуплю свои грехи и буду допущен к вечной жизни.

Нет, довольно. Только Господь сжалится над моим убожеством и сделает достойным целовать подметки этим простым людям — этим одноцветным.

1923 год

Святой Великомученик Димитрие,
приведи меня к монашеству!

11 марта, н. с.

Здесь, в дневнике, должен быть перелом очень большой. Я думаю и надеюсь, что дальше будет больше чужих и меньше моих мыслей, т. к. вижу теперь, что не могу пользоваться по отношению к самому себе никаким авторитетом и не могу быть руководителем своих убеждений и взглядов. И кроме этого, в Евангелии сказано (Мк. 10, 15): «Аминь глаголю вам: иже аще не примет Царствия Божия яко отроча, не имать внити в не».

Господи, может быть, я от скуки хожу к Тебе на богослужение или так, для простого развлечения, как иногда ходят люди в гости, просто по неимению других развлечений. Быть может, я хожу к Тебе только по безотчетному, непро-

чувствованному, непродуманному желанию, только «пока нравится», как может нравиться ребенку одна игрушка, пока нет другой.

Если нет, даруй мне ощущать это, даруй глубже прочувствовать, осмыслить, продумать; даруй, чтобы я мог доказать Тебе это всем, чем может быть доказана и исчерпана истина и глубина человеческого к Тебе влечения.

17 марта

Вчера был один из самых больших дней в моей жизни. О нем не надо говорить, но хочется все же его отметить. Пожалуй, самое большое горе я переживал вчера, но зато понял, что значат слова Господа нашего Иисуса Христа: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 28–30).

Пусть это останется навсегда в сердце. И могилка особенная, родная и домашняя. И церковь с цветными окнами, и детский гробик на столе.

Горе и тишина.

Письмо к духовнику о. Алексею Нелобову²:

«Дорогой отец Алексей! Мой дневник резко делится на две части. Вы границу сразу заметите и, пожалуйста, примите во внимание, что 1-ая часть мне сейчас настолько чужда, что даже вызывает отвращение.

Вторая будет большей частью состоять из выписок, чем из моих мыслей.

Вас я прошу прочесть дневник, чтобы знать самую мелкую мою мысль. Я хочу, чтоб ничего не было от Вас скрыто.

Ваш Дима

Р. С. Противна первая половина, потому что не проста она и не православна».

Ответ о. Алексея Нелюбова:

«Дорогой Дима. Скоро и бегло прочел Ваш дневник и не задержался, как следует, а потому и не могу сказать своего мнения. Не стыдитесь и первых страниц, все нужно пережить, и тогда все, что дорого нам, будет еще дороже. С Господом продолжайте. Целую.

Ваш свящ. Ал. Нелюбов».

1924 год

Хопово

Какой большой день в моей жизни, какие важные вещи я узнал, которые, может быть, перевернут всю мою жизнь! Если это не расплывется после отдаления моего от благодати, то вся моя жизнь перевернется.

Господи, помоги, чтобы так было!

Господи, Иисусе Христе, молитв ради Пречистыя Твоея Матери и всех святых, помилуй Мя грешнаго. Аминь.

Земун, 1 декабря 1923

Я не знаю, когда придет время разлучиться с временной жизнью, оно может прийти ежеминутно, поэтому пишу это.

Мне хотелось бы, чтобы после моей смерти *все* мои вещи, как бы они бесценны ни были, были проданы, а деньги отданы нищим, и еще — чтобы мое имя было внесено в синодике церковей так, чтобы при каждой литургии совершалась бы за меня бескровная жертва.

Земун, 16 января 24 г.

Мы одержали вверх в борьбе с началами, со властями и миродержцами тьмы (Еф. 6, 12) благодаря надежде на Бога и, как плотские, не могли бы иначе победить бесплотных.

Как бы человек ни был праведен и как бы ни стремился к чистоте, если он не уповает на Господа, он никогда не очистится, т. к., будучи в теле, не победит врага, который бестелесен и который будет владеть человеком до его кончины. Поэтому так реальны становятся слова, говорящие, что без Бога немислимо спасение и кто в Него не уверует — в муку бесконечную.

Хочется запечатлеть воспоминания, остановить их ток.

Вспомнилась приютская церковь в Одессе, Двенадцать Евангелий. После каждого Евангелия со двора раздается звон колокола. Мы с мамочкой оборачиваемся друг к другу и улыбаемся. Юльюша Толстой, который стоит впереди, тоже оборачивается и, встречаясь с нами глазами, улыбается.

Прошло несколько лет в Константинополе, где уже я столкнулся с вопросом о вере и о церкви, снова в Великую Пятницу в церкви в Харбине. Когда пели «Разбойника», я плакал, так глубоко врезались в душу эти слова о покаянии и о всей прощающей милости Господней.

Через некоторое время мамочка с надеждой сказала, что мне ведь хорошо было в Великую Пятницу. Отчего я не хочу в церковь?

И вот ее желание исполнилось, т. к. мне, недостойному, грешному и затемненному, Господь слегка приоткрыл дверь в церковь.

Почему-то вспоминается минута из моей жизни в Петковице. Я не помню, говорил ли я в трапезной с Владыкой или с Сережей, но помню, как вышел на двор с зеленой травой,

над головой было синее небо, на его фоне елочки и ослепительно белые стены монастыря и церкви, недавно побеленной, на вид с ярко-красной крышей. Я прислонился к белой стене и, закрыв глаза, обратился к солнцу. Слезы катились из глаз, было радостно и светло.

Как милостив Господь, который мне, бесконечно согрешившему против Него, послал такие радости в жизни. Разве не сгорит сердце от любви к Нему, за Его благодеяния. Но мое сердце окаменелое изредка вспыхивает, но с помощью Господней загорится ярким пламенем.

Господь этого хочет от всех.

Господи, молитвами Пречистыя Твоея Матери, дай мне такую веру, благодарность и память об этих радостях.

18 февраля

Недавно встретил нянюшку с Брда. Она говорила, что возвращается назад к Васильевым предлагать свои услуги, потому что стало жаль детей, но ее не взяли. Меня так поразило ее всепрощение, что, расставшись с ней, шел и плакал. Вспомнились слова митрополита Антония, который говорил, что русский народ умеет «терпеть». Я подумал, что вот она, святая Русь, в вязаном, стареньком платочке на голове, с просфорками в узелке, идет по дороге длинной и тернистой, но дерзновенной и верной.

Когда нападает слабость и немощь, нужно вспоминать те минуты на могилке и около церкви, где детская могилка. Тогда все отпадет и снова ободрится душа.

10 марта 1924 г.

По-моему, не надо смущаться тем, что болезненно сжимается сердце, когда на рассвете начинают петь птицы. Если отрешаешься от мира, и тогда не надо смущаться и по совету

Феофана Затворника вспомнить неописуемую красоту и величие Создателя, и тогда пение птиц будет не тягостным, т. к. будет напоминать о том, что, если пронесешь свой крест, то увидишь эту вечную красоту и славу. Да поможет и мне Господь, чтобы было так.

20 апреля

Это первая Пасха, когда я ощущал глубоко и светло распятого Господа, лежащего в гробу и затем воскресшего.

Как милостив Господь, что мне, немощному, дал веру и любовь к Себе.

Если темной ночью корабль идет на свет маяка, если люди на корабле смотрят на свет, то они не видят друг друга в темноте. Так, по-моему, истинно пришедшие в церковь, не смущаются внешними подвигами и не соблазняются, потому что Свет Христов ослепительно светит и все внешнее становится невидимым.

23 апреля

По-моему, скорбь о красоте и глубине жизни есть одиночество человека оттого, что он не слился с гармонией мира Божья и отдельные прозрения красоты причиняют боль, т. к. напоминают о том, что он участвует в гармонии, которую он хоть и не знает, но подсознательно чувствует.

Когда же человек сольется с гармонией, то все прозрения будут радостью для него.

Поганово, 14 июля

Мысль о том, что те, кто возлюбили Бога и встали на путь церковный, тем Господь чудным образом посылает укрепления в вере различными событиями их жизни, по-моему, выражена в Послании к Римлянам 8, 28.

Париж, 1925 год

4 ноября

Хочется запечатлеть все, что было связано с приездом сюда.

Ночь в вагоне до Парижа. Французский кюре. Затем закопченные дома, пути без конца, вокзал и затем подворье, которое показалось мне неприветливым и, конечно, совсем другим, чем я его себе представлял. Город чужой, враждебный и неуютный. Непонятная вещь время и места. Как странно будет попасть в Белград, если Господь устроит, что это будет.

13 ноября

В чем природа помыслов неверия? По-моему, она заключается в следующем: как мы не можем в пресыщенном состоянии представить себе чувство голода, так не можем повторить в душе или представить себе тех ощущений тихой радости в духовных утешениях, так как они не от нас, а от Бога, но надо не малодушествовать и доверять своим воспоминаниям и надеяться, что Господь снова пошлет утешение.

22 ноября

Наш дух мне представляется как комната, в которую мы не можем проникнуть, но из которой доносятся звуки, но мы не знаем ясно, какие перемены происходят в этой комнате.

Также когда Господь посещает наш дух, то мы знаем это по тем звукам, которые в душе, но когда прекращается это посещение и умолкают звуки, то мы не знаем, какие перемены в душе. Мы не чувствуем следов и неизбежных следов Божественного посещения и приходим иногда в уныние, забывая, что следы посещения не осязаемы чувственно, но тем не менее они есть.

*6 декабря
Пам. Св. Николая
Арх. Мирл. Чуд.*

Нестроения в церкви, мне кажется, нужно встречать презрением, как немощные дерзости, т. к. действительно они суть тоненькая пыль на серьезной основе, но мы по нашей душевности сначала видим верхний налет, а потом уже скрытое внутри.

24 декабря

Неверие и помыслы неверия – это бред больной, падшей души. Сегодня приобщался Святых Христовых Таин. Сегодня же присоединение было к Православию англичанки. Пир веры. Дал бы Господь помнить эти пиры, чтобы не малодушествовать!

Помыслы неверия, мне кажется, надо встречать «со смехом», как немощные дерзости, т. к. они, даже если не помнить пиры веры, представляют больной бред, чуждый даже простого здравого разума, не считая непреложных слов самого Спасителя и Его Святых Апостолов и Святых Отцов, живущих в пире веры.

30 декабря

Приехал с Афона о. Алексей и с запахом апельсиновых ящичков внес к нам нежную любовь...

28 декабря

Елка на Петрене. Очень остро борется желание окунуться в эту болезнь душевности. Владыка посоветовал не рвать сразу. Дорогое Гошино письмо³.

30 декабря

Сегодня ночью наступил Великий пост. Господи Иисусе Христе, подаждь мне силы и крепости совершить Святую Четыредесятницу во спасение, укрепление веры моей, во отгнание малодушия, которое мною часто обладало теперь. Помогни мне, Господи, научиться молиться Тебе, со смирением, верою и покаянием. И освободи мою душу, омраченную губительным рассеянием. Благодарю Тебя Господи Боже мой, за неизреченные Твои милости. Милостив буди мне, грешному. Аминь.

1926 год

23 марта

Когда трудно молиться за дорогих тебе людей, то думаешь, что мало их любишь, забывая, что большей частью трудно молиться и за себя. А разве себя мало любишь?

14 апреля

*Вторник страстн. седмицы
и день моего рождения*

Все больше и больше убеждаюсь, что нужно быть всегда веселым. Но как эту свободу настроения сочетать с постоянной бдительностью и рассуждением и хранением себя в благоговении и хранении себя от празднословия?

Последнее время чувствую особую какую-то духовную натянутость и напряженность. Но надеюсь на милосердие Божье. Верю, что Господь утвердит в вере и любви к Нему.

Господи, помилуй мя и спаси мя.

Всякие наслаждения мира сего мучительны своей истощанностью и пустотой, а блаженства духовных утешений тем блаженны, что они неисчерпаемы здешней жизнью, т. к. их корни не принадлежат этому миру, но тому.

Наша ограниченная природа часто отрицает то, чего она в данный момент не воспринимает непосредственно. В вопросах веры она забывает, что Божьего никто не знает, кроме Духа Божия.

Отпевание умершего ребенка показало, как чужой мир даже в момент своей напряженной жизни может не затронуть душу. Так же и внутренняя жизнь церкви, бьющая постоянно ключом, не воспринимается душой, находящейся в неведении, забвении, малодушии и окамененном нечувствии. Как чистый голубь не сядет на нечистое место, так и Дух Святой отвращается от смрада нашей души, а мы смеем еще удивляться, что мы не переживаем религиозных подъемов. Единственное достойное наше настроение — это вопить к Господу: «В бездне греховной валяясь, бесконечную милосердия Твоего призываю бездну. От тли, Боже, мя возведи». Аминь.

15 мая

Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости, а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божью премудрость (1 Кор. 1, 22–24).

Здесь две утешительные мысли: «Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия» (1 Кор. 2, 11). Поэтому когда мы одни, то нам все духовное кажется безумным и мы колеблемся, когда же посещает нас благодать Святого Духа, то мы успокаиваемся и видим, что в этом безумии — вся наша жизнь и другой жизни быть не может, и мы с Петром восклицаем: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6, 68).

Вторая мысль. Кто из рационалистов думает, что христианское учение есть плод постепенного развития мировоззрения той эпохи, тот, наверно, закрывает глаза на этот

текст, который показывает, что христианство вклинилось в мировоззрение людей того времени со стороны и явилось дисгармонией по отношению к этому мировоззрению, ибо иначе не явилось бы для Иудеев соблазном, а для Еллинов безумием.

Вчера был на отпевании рабы Божьей Фотинии, и стали реальны образы светильников с елеем, когда стояли со свечами. «Итак, бодрствуйте; потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий» (Мф. 25, 13). Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоей Фотинии, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. Аминь.

*Белград
Август*

Думаешь часто, что не любишь сильно умерших близких. А представь себе, что ты встретил кого-нибудь из них, с какой любовью встретил бы?

19 октября

Преподобный Сергий учил, что вера должна быть Православная, основанная на учении Апостолов и Святых Отцов, чуждая высокоумудрствования, которое часто ведет к маловерию и неверию и сбивает с пути спасения.

23 ноября

Вечером на улице встретил старушку, похожую на мамочку. Вид был у нее несчастный и холодный. Почувствовал, что она, быть может, тоже чья-нибудь мамочка, а не случайный, из тысячи, прохожий.

1927 год

В ночь с 19 на 20 марта

Пережил в полусне близость смерти, и легкость разделения души от тела, и ожидания духов злобы.

Господи Иисусе Христе, даждь ми память смертную и умиление.

Явилось желание исправить жизнь, чтобы не бояться врагов воздушных.

28 августа 1927 г.

*Пам. Пр. Моисея Мурина
Kelham⁴*

Мысли, возникшие, вернее сформулировавшиеся, после разговоров с англиканами.

Марфа и Мария

Только обращающийся в себя в поисках Христа в сердце обращен к ближним. Только стяжавший смирение, чрез уклонение от стояния на верху горы поставляется на подсвечник и становится светильником, просвещающим ближних. А кто говорит, что нужно просвещать и ставить себя светильником, тот, не имея смирения, является светильником, не имущим елея — благодати, которая есть награда смиренным, ибо Бог гордым противится, а «смирненным дает благодать» (Притч. 3, 34). А без благодати, одной волей ничего не сделаешь. Сделать во славу Божью можно только то, на что послал Господь. Благодатно только послушание, а чтобы быть послушником Божьим, нужно обратиться в себя, отсечь свою волю, а это путь внутренней жизни, обращенности в себя. Но, обратившись в себя, нужно распясться и для других, и любить ближних, и быть обращенным к ним и верить в промысл Божий, который создает все случаи и все по-

ложения в жизни, и поэтому должно служить ближним так, как того требует данное положение, веря, что его создал Бог, который ожидает, как мы используем это положение. Тогда это дело будет исполнением воли Божьей и мы будем только исполнителями послушания и будем творить Божье дело. А чтобы услышать призыв Божий, нужно воспитывать свой слух в тишине и мире, а где самонадеянность и вера в свои силы и искание своих сил, там нет мира и нет тишины, в которой только мы можем услышать Божий призыв. Там, где нет отсечения своей воли во имя воли Господней, там часто мы начинаем творить не во славу Божью, а во славу свою, хотя сами себе не даем в этом отчета, прикрываясь красивыми и человеколюбивыми идеями (см.: Что есть духовная жизнь, стр. 277).

4 сентября

Келья внутреннего делания не есть глухой погреб, удаляясь в который, мы отделяемся от всего мира, а есть храм с стеклянными стенами, стоящий на холме, с которого мы видим все нас окружающее лучше, чем когда мы были вне этого храма. Чем дальше мы углубляемся во внутренние святилища храма и чем больше отрицаемся мира сего, тем более мы освобождаемся от слепоты и предвзятости представлений мира сего, наш убогий и горделивый ум, смиряясь, становится умом Христовым. И отсеченное своеволие заменится истинной свободной волей человека, творящего волю Божью. Кто истинно творит волю Божью, тот не мучается вопросом: что делать, молиться и поститься или служить человечеству, но исполняет веление Духа Святого, невидимо касающегося его совести. Вся жизнь, со всеми ее случайностями и обстоятельствами, есть книга Божьей премудрости. Сам Господь создает для нас возможности творения добра, и наша вина, когда мы не замечаем, чего хочет от нас Господь. Его же Святую волю мы должны творить (и истин-

ные христиане творили и творят) — каждую секунду нашей жизни, и это не является отдельными делами добротворения, а постоянным пребыванием в любви к Богу и к миру. И без первого невозможно второе: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5).

Если есть в людях забота об установлении каких бы то ни было взаимоотношений между собой, если есть врожденное стремление к улучшению социального взаимоотношения, то только потому, что человек создан по образу и по подобию Троишестасного Бога, который есть любовь и совершенство взаимоотношений Отца и Сына и Святого Духа. Если есть на земле социальная неправда, то только потому, что люди исказили в себе образ Божий: чем больше исказили, тем неправда социальная глубже. «Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются; истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес» (Пс. 84, 11–12) только потому, что Господь посетил землю своим Воплощением и своим Крестом. И только поднявший Крест Христов становится участником правды и мира Божья на земле. Ветхий наш человек распят с Ним, да упразднится тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху (Рим. 6, 6). «...Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3, 27). Эта социальная правда проводится в жизнь путем внутреннего преображения, чрез жизнь во Христе, тогда это и внешне выражается в преображении нашей жизни. Как нецелесообразно делать прививки и подрезать фруктовое дерево, выращенное из земли, так же нецелесообразно заниматься социальным улучшением мира, не сосредоточив внимания на преображении сердца своего и сердец тех, кому мы желаем добра. Единным человеком грех в мир вошел (Рим. 5, 12). Это и есть начало социального неблагополучия. И причина его в том, что человек обособился от Бога. Единственное спасение — снова признать Отечество Божье над собой, и для это-

го надо снова родиться от Бога, и только рожденный от Бога греха не творит, яко семя Его в нем пребывает и не может согрешить, яко от Бога рожденный есть (Ин. 3, 9). Потому что зло и безумие в мире из сердец человеческих: «От сердца исходят помышления злые, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хулы» (Мф. 15, 19). Все эти беззакония приносят в мир страдания и насилия, голод, болезни и смерть, т. е. все, что называется социальным несовершенством. Если от злого сердца человека зло царствует в мире, то так же и от доброго сердца добро торжествует в мире и побеждает зло. «Благий человек от благаго сокровища сердца своего износит благое», — говорит Спаситель (Лк. 6, 45).

Если есть в мире любовь, то только потому, что Бог есть Любовь. Если есть истина, справедливость и мудрость, то только потому, что Господь есть «Свет истинный, иже просвещает всякого человека грядущаго в мире» (Ин. 1, 9), и потому, что Он есть «путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). Без Бога мир не знал бы, что есть любовь и правда. Есть народы, не имеющие истинной веры в Бога, и есть люди не верующие. Если среди них мы видим правду и любовь, то только потому, что они создание Божье и созданы по образу и подобию Божью и образ Божий, хоть и искаженный и затуманенный, но все же не искоренен до конца в них.

Чтобы любить, нужно восстановить связь с Богом, который есть Любовь. Чтобы жить в мире по правде и в мире с ближними, нужно соединение с Христом, который есть Свет истинный. Чтобы иметь истинную мудрость, нужно иметь ум Христов (1 Кор. 2, 16), нужно быть просвещенными Христом. «Свет простой, чистый, — говорит Святой Симеон Новый Богослов, — есть Христос. — Итак, кто имеет в себе Свет Христов, который бы светил в уме его, о том говорится, что он имеет ум Христов».

3 декабря

Царствие Божье внутри нас

Оно, по словам Святого Ефрема Сирина, есть приданное, которым мы можем воспользоваться. Если не воспользуемся, то Господь отберет его. «Поскольку Сын Божий в Тебе, то и Царствие Его в Тебе».

1928 год

*В субботу первую Поста
1928 г.*

Если положить хранение устам и не пребывать в пустословии и легкомысленности, то не обидишь брата. А легкое настроение часто приводит к невольному причинению обиды. Сегодня опытно увидел это. Надо каяться в легкомыслии и неблагообразии действий и слов.

*1 марта
3-я седм. Вел. Поста
Вторник*

Опять убедился опытом в том же: если быть не в благообразии, то нарушается нормальное христианское взаимоотношение. Празднословие в конце концов обидит кого-нибудь. Так было сегодня.

Сегодня же был наказан потерей крестика за небрежение и к нему, и к Кресту, который должно нести. И за невниманье к жизни своей.

Среда

С Божьей помощью нашел крестик. «Слава, Господи, Кресту Твоему честному!»

5 мая

Пяток недели 5-й по Пасхе

Св. Исаака Сирского

Несомненность веры в людях, высоких душою, открывается по мере того, как они по нравам своим сообразуются в житии с заповедями Господними.

27 мая

Сомнения в вере возникают у людей, т. к. они забывают, что мы верою ходим, а не видением. Они смешивают эти два понятия, требуют от своей души вместо веры видения.

Они не сомневаются в чувственных ощущениях, т. к. живут в плоскости чувственного и теми же средствами думают постичь и то, что поддается восприятию иными средствами — силами духа, затемненными всем чувственным, приведенными в расстройство и разъединение с духом. Единственный мост через это разъединение и невидение — есть вера в Господа Иисуса Христа, потому и Святой Петр говорил к верующим в Господа Иисуса Христа:

«...Которого, не видев, любите, и Которого доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною» (1 Пет. 1, 8).

12 июля

Почему в делах житейских человек силен и побеждает и достигает своего, а в духовных легко побеждаем?

Потому что в нас два человека: плотский и духовный. В делах житейских человек плотский хочет желанного и достигает. А в делах духовных плотский человек не желает духовного и противоборствует духу.

Человек падает, ибо хочет в нем плотский человек падения. И хотя, видимо, борется с грехом, но внутренне при-

влекает и ждет его. Поэтому первое правило перед всякой бранью и на всякое время: быть с духовным человеком, помня, что с ним Правда Божья и всякое утешение, возможное на земле, а с плотским человеком одна видимость блаженства, а внутри — мука и разочарование. Христианин дал обет быть с Христом, и в Нем пребывает духовный человек. Ему и нужно всячески подчиняться. Его любить.

*12 октября
Братислава*

Сны

На днях видел Мамочку во сне. Мы сидели на ступеньках у какой-то двери или на скамеечке на площади, а вокруг нас — сыщики, следящие за нами, снимающие нас аппаратами, в упор смотрящие на нас. А у нас ощущение презрения к этому, т. е. ощущалось, что этот момент нашего короткого свидания так важен, что ничего земное не может нас смутить.

А через несколько недель, т. е. вчера, видел снова, что мы с Мамочкой, и снова такое чувство важности этого свидания, что хотелось плакать от невозможности вместить всей важности этого момента. Я сознавал, что сейчас решительный, может быть, единственный момент моей жизни, в котором Мамочка может мне очень помочь. Я все ждал, что она скажет мне, как устраивать мою жизнь.

В тот же день

Ася⁵ правильно обличила мое греховное, небрежное состояние. Плохо служу в своей службе. Пора серьезнее заниматься собой.

«Господи, дай мне по благодати Твоей положить начало благое».

1929 год

1 января

На душе смутно от незнания пути своего. Снова хочется в Хопово к о. Алексею. Господи, благослови путь мой!

Что принесет новый год? Да будет во всем воля Божья!

21 января

О молитве

В Kelham'е мне приходила мысль в часовне о том, что когда приходят полезные мысли во время молитвы, нужно ли на них обращать внимание. Теперь мне кажется, что если эти мысли вызваны содержанием молитвы и являются осмыслением содержания, постижением сокровенного значения, то тогда можно остановиться. В противном случае всякая мысль — наш враг, ибо самое драгоценное есть внимание и сосредоточение, а не рассеивание. Поэтому останавливание на этих мыслях есть променивание драгоценного камня (нашего внимания) на стекляшки.

И враг, наверно, может немало полезного придумать, только бы отвлечь от углубленной молитвы.

Как совместить абсолютную ценность всего сущего с религиозной точки зрения и слова Святого Максима Исповедника: «чей ум прилеплен к Богу любовью, тот ни во что ставит все видимое, даже самое тело свое, как бы чужое, когда по влечению любви ум возносится к Богу, тогда он ни самого себя, и ничего из сущего совсем не чувствует» (Добротолюбие III, 164).

Очевидно, одно другому не мешает, ибо отвержение ради подлинной жизни, жизни по плоти, не противоречит уважительному отношению к «субстанции» жизни, которая не по плоти. Но непонятно, как сохранить любовь к этой субстанции при отделении себя от жизни. Недаром что моно-

физитство находило последователей, главным образом, среди аскетов. Отрыв от жизни легко создает аскетическое ощущение ее.

Нечувствие сущего нельзя, вероятно, противопоставлять ощущению мирскому жизни, ибо таковое есть ощущение внешней оболочки жизни по плоти, а на самом деле есть еще худшее нечувствие сущего.

Ощущение жизни при жизни по плоти есть самообман, т. к. жизнь по плоти имеет в своей основе эгоизм, который замыкает человека в стены своего *я*, которое неспособно проникнуть в сущность другого *я*. А таковое проникновение, вероятно, есть основа познания всего. Познание, вероятно, невозможно без ощущения единосущия объекта и субъекта, а такое ощущение не вытекает из эгоизма, лежащего в основе жизни по плоти.

Остается вопрос, как нужно проявлять свою волю, чтобы с отрешением от жизни сохранять единосущие с нею. Это вопрос педагогический: очевидно, возможна жизнь по «лжедуху», т. е. пустой аскетизм, который, не сопровождается любовью. «Истребляется же самолюбие любовью, которая всех влечет к единомыслию и связывает воедино» (Ефрем Сирий).

*11 февраля
Воскресенье*

Приими, Боже наш, молитву чад Твоих. Прииди, невидимо благослови и даруй чадам Твоим долгие дни, здравие же и веселье и ко друг другу любовь. Исполни дома наша Твоею тишиною и радостью Твоею, Господи. Любовь совершенну, чуждую страха, даруй нам, Господи. В сени крыл Твоих укрой нас, Боже наш, и соблюди нас от всякого зла, Твоею благодатию и милосердием Твоим, яко благословен еси во веки. Аминь⁶.

Якоже цвет полевой оцветает, Господи, тако и житие наше на земли сей. Даруй же нам, Господи, Тебе жити и Тебе умерети. Соделай плоть сию нашу тленную семенем плоти нетленной, благодатию Твоею, восстающей из гроба, якоже цвет из земли, в весну Твою вечную. Аминь.

15 августа 1929 г.

Успение

Сегодня, быть может, в последний раз отпраздновал праздник Успения в лагере девочек. Как даст Бог.

Сегодня не исполнил правила, несмотря на то, что сподобился принятия Святых Таин.

Господи, укрепи немощную мою память и волю!

Что принесет завтрашний день?

28 августа

Возрастание в духовной жизни, вероятно, происходит незаметно для человека; он всегда остается убогим для себя и ничего не имеющим. Но в чем же плоды? Вероятно, в том, что человек все больше и больше ощущает, что Господь для него все. Христос моя сила. «Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила. Ты мой Бог. Ты мое радование». Или как Апостол говорит: не ктому живу аз, но живет во мне Христос.

Чаще надо причащаться Святых Таин, чтобы быть со Христом.

29 августа

По словам Святого Иоанна Златоуста, иноки произносят молитву перед трапезой, где после благодарения за веселье и яства молятся о ниспослании Св. Духа и о достойном предстании на страшный суд. Ибо во время еды человек утучняется духовно и забывается и легко впадает в излишество. Посе-

му, по-моему, должно всегда помнить о разности настроенности до и после еды, и нужно возбуждать бдительность, зная, что изменишься и тогда уже не будешь бдителен.

О сем должно молиться: о воздержании, и о памяти духовной, и о радости духовной, большей радости от брашен.

Чтобы хорошо провести день, надо встать рано и, сосредоточив мысли, помолиться не спеша Богу. Помолиться о всяком обстоятельстве, могущем случиться. Испросить помощь Божью во всяком могущем налететь унынии полуденном. Когда все это предвидено, тогда не страшна внезапность этих налетов. Обо всем этом сказано в заключительной молитве к Божьей Матери.

Кончается жизнь в Urzu⁷. Как много было в ней большого и значительного. Господи, да не врагом Твоим тайну повем!

Святой Иоанн Златоуст сравнивает две Пасхи. Ветхозаветная Пасха была ядома стоя в уготованном для путешествия виде. Путешествия в Иерусалим. Мы же, причащаясь Новой Пасхи, идем в путь на небо (мы странники и пришельцы).

30 августа

Если нет умиления и чувства во время молитвы, то все же надо молиться, не унывая, зная, что это как раз и есть поприще, на котором можно усовершенствоваться в молитве. Главное же, усердие должно быть направлено на вникание в содержание слов, в применении их к жизни. Молитва должна быть жизненна. Всякое слово имеет соответствие в ежедневной жизни. Внимательно помолиться — значит открыть пред Господом всю свою жизнь: все свои недостатки, все нужды. Испросить помощи в возможных возникнуть искушениях. Это значит также пересмотреть самого себя и свою жизнь. И это возбудит чувство. Это и есть восхождение от умной к сердечной молитве.

*9 сентября
В океане, у берегов Ирландии⁸*

О молитве

Как человек, просящий кого-нибудь сильного, объясняет всю важность для себя просимого, так и во время молитвы мы должны ясно и действенно представить необходимость просимого. Продумать и прочувствовать всю жизненность этого. Тогда мы будем услышаны и тогда будем способны воспринять просимое, тогда воспримем действенно, проявив нашу волю в усвоении, с полным сознанием, что именно это нам нужно.

*14 сентября
Вблизи Ньюфаундленда*

Церковь есть живое тело. Смерть временная не разделяет Церкви — в ней все живые и умершие. Она обладает вечной памятью. Смерть не изглаживает ее, ибо Церковь — над смертью. Забвение является только вследствие иной смерти, смерти духовной, причиной которой является нелюбовь. Нелюбящий член Церкви отделяется от Церкви, существо жизни которой есть любовь. Нелюбящий пребывает в смерти, во тьме и неведении. Любить Христа — значит любить Церковь, которая есть тело Его. Любить — значит жить в ней. В ней, которая здесь, может быть, не значительна количеством. Любить то, что она любит. Она, состоящая из отошедших членов, Апостолов, Евангелистов, Мучеников, Отцов и Святителей. Эта любовь к тому, что они любили, любовь смиренная, исполняющая заповеди церковные, вводит в жизнь, раскрывает вечную память ее. Это законченный круг. Любовь к преданию вводит в жизнь Церкви, жизнь в ней питает соками этой жизни — благодатью Духа Святого, и эта благодатная жизнь научается преданию, укрепляет в догматах веры. Догматы веры — вера есть камень, на кото-

ром созиждена Церковь. Потерянный в пучине еретических разделений, ухватившись за этот твердый камень, он спасен. Еретические сборища, как волны, скатываются с этого камня, а он, хотя бы он был один, остается на нем, и он не один, ибо на том же камне созиждена Церковь Христова, и врата ада не одолеют ее. Он в собрании святых и самого Христа.

Если Святой Максим Исповедник говорил, что, если и весь мир причастится, с еретиками он не причастится. Это не гордыня, не обособление, это стояние на камне, на котором вся Церковь, от которой он не хочет отделяться ради любви к ней, ради любви к Христу.

Этому построению себя на камне способствует познание Его. Познается чрез жизнь в Церкви, чрез любовь, выраженную в единстве соборном. Жизнь в соборном единстве любви утверждает нас на камне, и когда вдруг разрушается это единство и наступает время, когда нет кругом нас мира и мы должны взять меч, тогда мы не падаем, только если стоим на камне. Иногда не с кем соединиться и познать правду единства, но если быть воспитанным жизнью единства, тогда обладаешь истинным единством, даже когда ты один. Но ты никогда не один, ты с Христом и Церковью православною на небесах.

В тот же день

О молитве своими и не своими словами

Как можно жить не собой? Не ктому аз живу, но живет во мне Христос. Так можно жить не своей жизнью, а жизнью Церкви. Любить не свое, а церковное, ощущать себя в Церкви. Любить не безлично, не лично-интимно, но слиться в этой любви со всей Церковью. Любить то, что любит Церковь.

Так же в молитве. Самое близкое мы хотим назвать по своему, но когда Церковь есть свое, близкое, интимное, не-

отделимое от тебя, то назвать по-своему — значит назвать, как Церковь называет.

Дух Святой вдохновляет писателей Священного Писания, тот же Дух ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными. Живущие в Церкви живут ее достоинством и являются как бы пропитанными им. Упования Церкви — упования живущих в ней. Чувства ее — чувства их. Это главным образом выражено в Священном Писании и в молитвах Церкви.

Таким образом, молиться словами Писания, словами молитв Церкви не есть заимствование чужого, а есть выражение своего, если жить жизнью Церкви.

Плачущие над умершим близким называют его самыми интимными, своими привычными именами.

Святой Филипп, митрополит Московский, когда принесли ему голову казненного родственника своего, не называл его своими именами, но, увидав голову усопшего, молитвенно произнес: «Блажен их же избрал и приял еси Господи, память их в род и род».

Эти слова не были чужими, вероятно, не раз орошал он слезами умиления эти слова 17-й кафизмы, и воздыхания Святого Пророка были и его воздыханиями.

17 сентября

Дорогая мамочка! В этот Твой день⁹ мне хочется побыть с Тобой. Перечитав Твои письма, как бы ответить на них. Завтра утром я, если даст Бог, буду в Нью-Йорке, и начнется новая страница моей жизни. Читая Твои письма, снова начинаю чувствовать, какое близкое участие Ты принимаешь во всей моей жизни. И теперь Ты со мной. Как тогда Ты любовью проницала будущую судьбу, зная, что меня ожидает и что мне нужно в жизни, так и теперь Ты еще дальше и яснее видишь мой путь, закрытый от меня самого. Помоги

мне, если имеешь дерзновение перед Господом, идти по пути, угодному Ему.

Как я рад, что Ты знала, что я Тебя люблю, что, несмотря на всю мою слепоту, невнимательность к Тебе, Ты знала, что я Тебя люблю. Я сейчас пойду спать, а Ты будь со мной, как тогда, когда я был над Босфором, а ты в Ялте, в Чукурлах. Я еще буду писать Тебе, если даст Бог.

Вечная Тебе память.

23 сентября

Америка

Начинаю свою жизнь в Америке. Нужна теперь особая строгость, а я уже начинаю нарушать правила: со вставанием и укладыванием.

Сегодня затянул вечером, и мало осталось для правила; из-за чего не прочел большого помянника, а также не закончил правило с молитвой Иисусовой.

Относительно вставания: даю слово вставать по будильнику, на неделю до следующего воскресенья.

Господи, помоги мне.

24 сентября

Надо обратить внимание на то, как владеть своим телом. Как, например, держать свои руки.

2 октября

Кто верит, что Церковь жива, тот должен верить и в то, что все, что растет и развивается на этом дереве, подобно живым ветвям. Ничего не может быть отломано без раны, без сочения сока. Посему ничего не лишнее, не роскошество. Там, где рана, там, где кровотечение, там, значит, была необходимость, там была простота.

3 ноября н. ст.

U. S.

По поводу беженского церковного раскола

Как бы Карловцы не открещивались от России, Россия терпит вред от Карловцев. Истинно преданная Церковь Церкви-матери должна понять и пожертвовать своей тактикой и установить тактику несения общего Русского креста. Так повел дело митрополит Евлогий, и этого не хотят понять Карловцы.

В тот же день

В проповеди к людям, стыдящимся религии, надо говорить о позоре внерелигиозного состояния, ибо оно есть рабство страстям, рабство привычкам. Нерелигиозный человек не может очистить себя, как это может сделать верующий человек, который есть истинно свободный господин своей воли.

Кроме того, религиозный человек участвует в строении судеб мира, ибо они направляются по признаку существенного, завися от двух начал: добра и зла. Человек неверующий есть мертвый, пассивный элемент, объект неведомой силы, руководящей его жизнью, и даже хуже того, не ведающий, что он есть объект чьей-то воли, мня, что он есть центр мира, от которого все зависит. Он подобен арестанту, который бегаёт, и распоряжается, и приказывает, и если его слушают другие арестанты, то потому, что они такие же слепцы, но вдруг он убеждается, что он объект, а не субъект действия. И хорошо, если увидит.

Они также подобны малым водяным птицам, которые, плывя против течения, обгоняют одна другую и думают, что куда они хотят, туда и поплывут, а в то время как они так думают, течение мощной реки относит их на десятки верст вниз по течению; близорукость их и неумение видеть ни-

чего, кроме самого ближайшего, что их окружает, препятствует им видеть то, как берега несутся мимо них, и непреодолимое течение воды не спрашивает их, куда они хотят плыть, и, не препятствуя им делать несколько шагов назад, в эту самую минуту относит их на много саженей вперед. Такова жизнь неверующего человека. Она еще жалче и унижительнее с точки зрения мира сего, чем жизнь такого же человека, не могущего противостоять течению жизни, но который хоть сознает, что он может, а что не может. Но верующий человек более чем сознает, он может идти против течения жизни, участвовать в ее плане. В отличие от животного, человек может направлять течение жизни. Человек строит плотины, изменяет течение рек, обузывает разрушительное действие морей и океанов, — так и христианин участвует творчески в судьбах жизни людей. Бог есть Любовь. Любовь создала мир. Любовь спасла мир. Любовь побеждает зло и восстанавливает правду. В этом краткая история всего мира. Это основа и смысл всего, что было и будет, ибо человек, пребывающий в Боге, пребывает в любви, является рабом Божьим, творящим волю Его, участвующим в домостроительстве Божьем о мире.

31. IX

U. S.

При взгляде на Церковь мы видим на самой вершине ее Крест Христов. Этот крест, воздвигнутый на Голгофе, призывает к себе все концы мира. Спаситель обетовал, что когда будет вознесен на Крест, то всех привлечет к Себе. Этот призыв, воздвигнутый на страстях Христовых, на крови Его, до сих пор простирается с купола церковного, осеняющего ту же Голгофу, где приносится та же жертва, хотя уже бескровная.

19. IX.1929 г.

U. S.

О молитве Иисусовой

Мысли падшего, разделенного естеством человека подобны овцам, не имеющим пастыря. Бредут в беспорядке, где увидят пастбище, обернувшись и увидев другое, бросают первое и опять перекочевывают – одна овца перегоняя другую. В молитве к Господу Иисусу эти овцы обретают Пастыря своего и на Него только смотрят, и Он уж ведет их, предлагает пажить, полезную им.

1930 год

13 января

U. S.

О молитве

Все, что нас душевно греет, заглушает холод обнаженного духа, спадает, когда мы приближаемся к Богу с молитвой, и мы ощущаем холодность и томление, т. к. оставили нас друзья и знакомые нас, ибо они только заглушали холод, а он все же был все время. И пока Благодать Божья не посетит нас, мы испытываем холод. Бывает, по-моему, что и в молитве люди умеют заглушать холод эмоциональной возбужденностью, но это опять друзья неверные, которые бросят в один прекрасный момент.

Лучше же сознавать свою немощь, наготу и неспособность к высоким переживаниям. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать.

28. I

U. S.

О молитве

На вопрос о значении и необходимости молиться за других надо ответить вопросом о необходимости молиться за себя, т. к. это то же самое по единству членов Церкви, а о необходимости молиться за себя — указать необходимость проявления воли к восприятию даруемого и необходимости уготовления сосуда и сознание необходимости даруемого.

30. I

U. S.

О Церкви

Вплотившийся Сын Божий одинок — все оставят Его и разбегутся. Только Отец Небесный с Ним, и то искупительное и вольное одиночество доходит до вопля «вскую Мя оставил еси», но когда все совершилось, когда чаша человеческого одиночества испита, когда наступает день Воскресения и Пятидесятницы, тогда начинается собирание вокруг Спасителя. Ликующее воссоединение. Радостное созидание Тела Христова. Возрастание древа Церковного от семени, которому подобало умереть, — «если зерно пшеничное, пав на землю, умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24).

Каков путь Христианина: радость или страдание?

Страдание, т. к. он умирает со Христом телу плотскому, но это подавляется радостью, т. к. он совоскресает Христу и участвует в самом светлом процессе мира — созидании тела Христова, созидание это — все более раскрывающаяся жизнь, ведущая к необычайному свету, когда Бог будет всяческая во всем.

Помяни нас, Господи, в Царствии Твоем.

11. II

U. S.

Восьмая годовщина застает меня здесь, в Америке¹⁰. Где будет девятая? Боже, милостив будь ко мне, грешному!

Она видит мою жизнь и всю нечистоту ее. Господи, помоги мне чистым сердцем воспевать Тебя в грядущее лето и достойно ходатайствовать об упокоении души ее. Не осуди меня за нечистоту уст, поющих Тя. Сердце чисто созижди во мне и дух прав обнови в утробе моей. Помяни нас, Господи, егда приидеши во царствии Твоем!

Прощеная неделя

U. S.

Божественная премудрость создала всякую вещь с вечным назначением в ней. Познания идеи вещей принадлежит тем, кто, отвергнув себя, последовали за Христом, за премудростью. Те невольно живут в мире вечной экономии, и все вокруг них устраивается благообразно. Слабейшая братия не идет совершенным путем, но, взирая на путь угодников Божьих, приобщается к этому благообразию. Всем доступен Христос, но Божественные идеи в нашей жизни заглушаются идеями нашей жизни по плоти.

У них же плоть подчинена духу, и потому идеи высшие строят жизнь. Это, быть может, и есть залог Царствия, что будет воскрешено в прославленном виде.

Положи, Господи, хранение устам моим и дверь ограждения о устнах моих.

14. III

U. S.

Вопрос о вере и делах

Не исходит ли понятие веры как деятельного начала из понятия, выраженного каким-то западным отцом, что чис-

тое знание тождественно доброму делу, т. е. что неделание может быть объяснено только незнанием.

Действительно, человек хотя и знает, что грешит, но когда покается, то чувствует «ошибку», т. е. то, что он не был в состоянии полного знания о предмете. Соединенный с собой вполне не может грешить в этом целомудрии «мудрее». Элемент познания. Но это познание не то что у бесов, что в послании Иакова, а единение с объектом познания. Только любовь может дать знание. В любви нет правового начала. Мать, которая любит ребенка, не нуждается в заповедях для установления отношений с ним. Если эта любовь эгоистическая и результаты пагубные, то тут яркий пример неведения существа дела. Это не истинная любовь, которая не способна понять ипостась любимого. Ее вечное назначение пред Богом. Если есть несовершенство, непостоянство в проявлении любви, то в этом проявляется несоединенность с собой. Нецеломудрие. Итак, по-моему, знание, любовь и действие — суть то же самое. Раз без любви нет знания, то, значит, они однородны. Это есть брак познающего с объектом познания. Никто свою плоть не может ненавидеть. Забота о любимом, проявленная в действии, есть такое же неизбежное действие, как, например, инстинкт самосохранения.

Почему его сшиб автомобиль? Потому что он не видел, не знал о его приближении. Если бы видал, то ему не нужно было бы вспоминать правил и указаний, что в таких случаях делают. Он сначала отскочил бы, а потом сообразил, что произошло.

24. III

U. S.

Соборная молитва

Мы видим во сне наших близких умерших и не удивляемся, но беседуем с ними и спешим переговорить о важных ве-

щах, зная, что эта реальность сейчас заслонится ограниченными узами времени, буднями. Мы составляем в Церкви одно органическое целое, переживая, что переживает наш Глава Христос. У нас те же переживания, что и у Никодима и у Иосифа, что и у жен мироносиц. Но мы грехом ограждены границами времени и смерти. ...Церковь прославленная не может быть с нами со своими чувствованиями в нашей греховной жизни, полной нашего плотского мудрования, аристократизм Церкви на небе не выносит нашего мещанства, хотя в существе мы едины — мещанство это наш земной несущественный атрибут. Но Церковь — есть институт Божественный. Входя в Храм, благодать Божья облакает нас ризою, скрывая наше мещанство, и мы снова вместе с Никодимом и женами мироносицами и Святыми Апостолами. Благодать Пасхи привлекает массу народа, т. к. они чувствуют, что только благодать сотрет мещанство и даст истинную радость быть причастниками радости святых, радости о воскресшем Спасителе. Это пробуждение к высшей реальности, заслоненной нашим будничным мещанством.

Вел. Пяток

Сегодня перед плащаницею понял, что всякое неудовлетворение, всякая тоска и пустота в жизни не есть признак неправильного определения себя в жизни. Это нормально. Вся жизнь есть Крест — предельные страдания Господа на Кресте.

Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил.

Когда тоска и пустота овладевает тобой, благодари Бога, что он не допустил тебя удовлетворяться утешениями мира сего. Вспоминай Господа Иисуса Христа. Помни, что путь Его земной был — Крест. Неси его. Сраспинайся Ему, а радость, мир и Суббота — там, если достойно последуешь Христу. «Возьмите иго мое на себя и научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим».

Вел. Среда
U. S.

«Приидите ко мне вси труждающиеся». Но не ждите, что назначение человеческое только принимать. Назначение человека быть хозяином жизни, экономом. Если только принимать, то зачем утешающий не отнял всех страданий всего мира? Он создал мир. Он же искупил мир. Посему Ему угодно наше активное участие в сем строении. «Возьмите иго Мое на себя».

Вторник на Св. нед. 1930 г.
Holy Cross. m.

Откуда это поражающее чувство дружбы? Бескорыстное ощущение значимости одного для другого?

Не от существенного ли нашего единства в Адаме это элементарное единство, как основа, и еще большее удивление от ощущения единства на основе веры. Здесь высшее единство во Христе, как членов Его Тела — Церкви.

Май 1930 г.
U. S.

О вере и разуме

Как коробка, в которой надо разложить вырезанный рисунок, состоящий из разных кусков, наперед знаешь, что эти части вырезаны из цельного куска по намерению мастера. Раскладывая как знаешь, но не забывай крайних границ. Ты не знаешь — другой знает, как сложить. Он не знает — мастер знает.

Июнь 1930 г.
U. S., Boston

Тема для проповеди

«Смерть Господню возвещаете дондеже приидет» (1 Кор. 11, 26).

Смерть человека есть пришествие Господне для него. Посему Евхаристия имеет то же значение.

27 июня

Wellesley Mass

Молясь о себе и других, мы помогаем Богу, как малые дети помогают родителям, делая что-нибудь друг для друга. Это упражнение себя в любви и сотрудничестве, участие в экономии.

Мысль о помощи Богу взята у Fr. Huntington-a.

1931 год

15 мая 1931 г.

Бор

«Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15, 15).

Неведение закона Христова есть лжесмирение рабское. Желание укрыться от меча обоюдоострого, прикрытое самооправданием: я раб и не знаю принадлежащего господину. Это не любовь к Христу, не желание Его дружбы. Это доказательство, между прочим, того, что знание и любовь — то же самое.

14. V

Бор

Ин. 4. Беседа Спасителя с самарянкой

Вода, которую Он дает, утоляет жажду, которая не возникает потом. Такова вода — понятие бесконечности и непрерываемости.

Рядом противопоставляется вода из колодца.

23. 5

Бор

Насыщение пяти тысяч Спасителем

Ради чего, кроме возбуждения веры, было совершено это чудо? Вернее, не так надо поставить вопрос, а так: почему чудо было совершено при данных обстоятельствах? Оно было совершено, по-моему, не ради того самого факта, что люди были голодны, а ради того, чтобы не прерывалось главное, т. е. проповедь, т. е. чтобы людям не надо было возвращаться в город. Эта нужда шла бы вразрез с «единым на потребу». Отсюда вывод, что человек может ожидать чуда, если единое на потребу на первом плане. Если же он материальную сторону жизни возвеличивает в степень абсолютно и Бога воспринимает как силу, существующую для устройства только временной жизни (что проистекает от нереального восприятия вечной жизни), то этому противопоставляются слова Спасителя, направленные именно против этого материалистического мирозерцания: в беседе о хлебе, сходящем с неба (6 гл. Иоанна). Это учение о хлебе как раз было вызвано материалистическим восприятием чуда насыщения пяти тысяч. Смысл учения в связи с поводом его таков: «Да, Спаситель насытил пять тысяч, *по существу* его насыщение не в этом. Данное насыщение дало только физическую возможность существенного насыщения. Но этому хлебу, розданному народу через Апостолов, противопоставляется «хлеб жизни». В самом названии «хлеб жизни» опять замечательное противоположение, т. к. хлеб, сделанный из муки, в материальном смысле есть хлеб жизни и как бы отождествляет саму материальную жизнь. Употребляя для хлеба, сходящего с небес, название «хлеба жизни», Спаситель показывает, в чем заключается жизнь. Два понятия не случайно называются одним наименованием «жизнь», называются для того, чтобы показать, по-моему, что одному поня-

тию это наименование принадлежит по праву, а другому только относительно. Т. е. вечная жизнь, т. е. жизнь во Христе называется коротко и безоговорочно «жизнь», что вытекает из определения Спасителя о хлебе, сходящем с неба, т. е. о Себе. Жизнь вечная называется жизнью онтологической, а жизнь материальная, которая не соприкасается с вечной жизнью, не по праву носит название жизни, являясь смертью, такая жизнь есть дерево, отсеченное от корня.

В молитве Господней хлеб материальный называется на-сущным (некоторые Святые Отцы дают три значения этому слову: 1) Слово Божье, т. е. духовная пища, 2) Евхаристия, 3) Материальный хлеб.

23. V

Бор

Блудному желанию обыкновенно предшествует тоска, скука, искание чего-то неопределенного, но не духовного. Это есть выметание горницы и приготовление ее для вселения 7 духов. Чтобы избежать вселения, надо ее заселить, чтобы не было места в ней. Нежелание духовного надо победить, на это иногда требуется *маленькое и кратковременное усилие*. Я подчеркиваю, маленькое и кратковременное, потому что в такие моменты человек, думая, что надо предпринять что-то большое, и сознавая, что у него нет сил (или, вернее, желания), избегает всякого усилия и, таким образом, остается праздным и беззащитным. Надо сейчас же угадать это состояние и немедленно найти пищу, т. к. если не утолить голод, то сейчас же найдется иная пища с подмешанным ядом. Эта пища окружает нас, но мы ее не замечаем, когда сыты. Но когда голодны, то она бросается в глаза и мы отравляемся ею. Надо воспользоваться тем моментом после ощущения голода и до появления пищи, тогда действительно маленькое усилие, например, 5 минут молитвы, может потушить голод и тоску. Если же

упустить момент и вкусить пищу с ядом, то начинается борьба. Тогда надо очень большое усилие, большое количество положительной пищи, чтобы погасить голод к отрицательной пище. Когда началась борьба, можно часами простоять на молитве, а голод к чувственному все будет корениться в сердце. Можно молиться и в то же время обуреваться помыслами в течение многих часов. Если зашло так далеко, то надо уже не оставлять всего, что можно победить. Особенно помогает чтение Евангелия. Если борьба длится долго, надо исповедоваться, не откладывая, и после причастия Святых Таин мы уже вне опасности. Но далее надо следить за установленным порядком, не допуская пагубного голода.

5 июля

Бор

Пример для иллюстрации постоянно приходящей мне мысли о времени и пространстве. Филипп и Кажник. Дело проповедования слова Божья требовало, чтобы Филипп сразу же после крещения Кажника был в Азоте. Поэтому он и был перенесен туда силой Божьей, т. к. это нужно было для исполнения дела Божья.

28 августа

Бор

Закон Христов требует небольшого усилия, небольшой жертвы. Но что самое главное, это то, что жертва должна быть чиста. Она должна быть жертвой всесожжения, чтобы ничего из принесомого не оставалось жертвующему, т. к. остаток, не отданный Богу, немедля начинает гнить, оскверняя своим зловонием благоухание жертвы.

Главное — верность до конца. Честность перед собой. Рассечение мечом до основания добра и зла. И так во всем самом малом.

6 сентября

Бор

Если в войсках еще до сражения имеется налицо симпатия к врагу, то поражение и сдача в плен неизбежны, т. к., когда нет борьбы и опасности, уже есть тенденция перейти на вражескую сторону, то тем больше, когда наступает опасность и возможность избежать ее, не будет охоты сражаться. Также в отношении невидимой брани – малейшее склонение к врагу обеспечивает его победу в брани. Поэтому надо всегда отдавать себе отчет, что себе готовишь. Малое склонение к врагу надо оценивать как залог неминуемого падения со всеми его последствиями и горечью.

6 сентября

Бор

Говорящие о равнодушии религий приравнивают Бога к философу, не могущему открыть истину в полноте и точности. Бог есть высочайшая простота и реальность, у которой нет «да» и «нет», а есть «да». Спаситель сам и через Апостолов проповедовал людям и, следовательно, применялся к их способности воспринимать откровение. Он был бы не всемогущ, если бы не открыл себя так, что учение о Нем способно было быть воспринятым в таком виде, в каком Он того хотел, а Он, конечно, не мог хотеть разноречивого восприятия. Хотел Он одной истины, спасающей мир, а не многих.

---

¹ Архив Е. Д. Клепининой-Аржаковской. Выборочно опубли.: Христианос (Рига). 1999. № VIII.

² Об о. Алексее пишет С.М. Зернова в *Хронике семьи Зерновых* (Paris: YMCA-Press. С. 54): «...Был у нас еще один источник духовных сил. Это был Хоповский монастырь и в нем – наш духовник и утешитель, о. Алексей Нелобов (1879–1937). Во все трудные минуты жизни мы ез-

дили на паломничество в Хопово и ходили к нему на исповедь... О. Алексей, и строгий и бесконечно благостный, любил каждого из нас, разделял наши радости и горести, наставлял нас, утешал, прощал и вымалывал».

Некролог об о. Алексее Нелюбове был напечатан в «Вестнике РСХД». 1938. № 2.

³ Гоша – Игорь Троянов, друг Дмитрия по Сербии, стал священником в Швейцарии.

⁴ Великобритания. Место проведения съезда англо-русского Содружества.

⁵ Анна Николаевна Гиппиус, тетка Дмитрия.

⁶ Молитва, написанная матерью для Дмитрия.

⁷ Сельская местность во Франции, где был расположен лагерь РСХД для девочек.

⁸ В 1929 г., по окончании парижского Богословского института, Дмитрий получает стипендию и уезжает в Нью-Йорк, в Theological General Seminary, куда пять лет спустя придет о. Сергей Булгаков. Между этим протестантским и Свято-Сергиевским институтами существовали тесные связи. Дмитрий вернулся из США 29 сентября 1930 г.

⁹ День именин Софьи Александровны. Мать Дмитрия скончалась в Белграде 11 февраля 1922 г.

¹⁰ Имеется в виду годовщина смерти матери – Софьи Александровны Клепининой.

Проповеди

Проповедь в приходе Покрова Пресвятой Богородицы

Произнесена о. Димитрием в сентябре 1939 г.

в связи с его туда назначением

Этот храм является *свидетельством* вашего единства в ваших стремлениях, в вашей общей цели. Он создан вашими собственными руками, вашей самоотверженностью, поэтому он является залогом в духовном единении всех вас вокруг этого храма.

Вы создали этот престол, на котором приносится бескровная жертва. Здесь повторяется величайшая в мире жертва Господа Иисуса Христа, который, отходя к этой жертве, завещал нам: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне и Я в тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21).

Если мы берем на себя ответственность нести служение этому престолу, этой жертве, принесенной за нас, то единственный путь нашего служения — это стремление к единству вокруг этого престола, вокруг этого храма. Да не будут эти слова только словами.

Не будем поддаваться соблазну признать, что недостатки, разделяющие нас, сильнее животворящей благодати Божией, которую Бог готов излить на нас в Церкви Своей.

Ведь для этого и Церковь создана. Ибо если наши силы устраивать нашу личную и общественную жизнь достаточны, то тогда не нужно строить Дом Божий, где Бог приходит нам на помощь. Все мы прекрасно знаем это. Если Бог не созиждет Дом, все трудящийся зиждущий. Посему ничего нет невозможного для нас, только бы мы хотели этого.

Итак, уповая на помощь Божию, будем продолжать строить Церковь Божию, уже не из камня, а из сердец наших, соединяя их в Господе нашем Иисусе Христе. И главное – будем верить друг другу в нашем общем стремлении к правде Божией.

Начиная свое служение в вашей общине, я прошу вперед вашего доверия. Знайте, что вы равны для меня перед Господом, за всех вас я отвечаю перед Господом одинаково. Я буду рад, если двери домов каждого из вас будут открыты для меня, так же как и сердца ваши. И я, в свою очередь, буду молить Господа, чтобы сердце мое было открыто в равной мере к каждому из вас, для того чтобы нам всем стремиться к общему единению в Господе Иисусе Христе.

Дорогие братья и сестры, повторяю: мое намерение с каждым из вас познакомиться с одинаково открытым сердцем. Помогите мне в этом, чтобы и я мог помочь нашему общему единению во славу Святой Церкви, для основания которой Господь претерпел и бичевание, и заушения, и страшную смерть на кресте, через который нам воссияло Воскресение, и Обновление, и Сила, и Радость в Святом Духе. Аминь.

На похоронах Константина Бальмонта¹

Ниже приводится описание похорон К.Д. Бальмонта, сделанное М.Н. Якимовой, одной из насельниц Русского Дома, основанного матерью Марией для бедных русских в Нуази-ле-Гран, неподалеку от Парижа.

Бальмонт жил в Русском Доме с середины 30-х гг. и посещал русскую церковь, в которой служил о. Димитрий Клепинин. Там же, в Нуази, Бальмонт был похоронен.

М.Н. Якимова описывает отпевание поэта и проповедь о. Димитрия, произнесенную им у гроба К. Бальмонта.

День смерти – 23 декабря 1942 г. Похоронен 26 декабря 1942 г.

«Я пришел в этот мир, чтобы видеть Солнце». Этими словами начал свою проповедь, такую простую, но такую полную лучистой правды, как он сам, наш незаменимый, скромный и тихо светлый о. Димитрий, который мгновенно почувствовал и глубоко пережил то, что неуловимо присутствовало и как бы «веяло в воздухе» среди нас всех, горсточки друзей поэта и просто русских людей, пришедших отдать последний долг большому русскому поэту К.Д. Бальмонту.

Последние слова о. Димитрия: «И он это Солнце увидел».

Те же, кто видел Константина Дмитриевича ежедневно со дня его упокоения, были потрясены той глубокой переменной, которая происходила на их глазах в облике усопшего. Его лицо, сразу умиротворенное, обрело какую-то особую, никогда не виданную при жизни красоту, и с каждым днем все больше выяснялось это новое, всех нас поразившее. Никогда никто его не видел таким одухотворенно красивым, таким мирно мирным.

Да простятся ему все прегрешения вольные и невольные, во веки веков. Аминь. Ведь его прегрешения были следствием его слишком сильного стремления вперед. Искания поэта, горения. Он, как птица, взлетел на крыльях творчества. Еще и еще. Все выше и выше. Он горел в творчестве, в нем искал Красоту, в нем искал Правду. И главное в нем искал неустанно, всегда, везде и во всем, — дорогу к Солнцу.

Мир праху твоему, дорогой Константин Дмитриевич, тебе, понявшему душой так верно Смысл жизни. И в своем творчестве всю свою жизнь к тому стремившемуся. И, верит сердце, теперь обретшему.

Повторим же на прощанье, вслед за поэтом, все вместе и в последний раз слова, столь полные глубокого смысла, прошедшие как гимн — гимн Бальмонта — через все его творчество:

«Будем как Солнце».

---

¹ Русская мысль. 1997. 18–25 дек. № 4202. С. 13.

Духовные беседы

По воспоминаниям окружавших его людей, о. Димитрий обладал подлинным даром общения. Его размышления, скупо выраженные в словах, были всегда глубоки по мысли. Многие его высказывания запомнились и становились «крылатыми» выражениями (например, его слова о том, что *«руки священника не принадлежат ему»*¹).

Он проводил многочисленные духовные беседы с паствой Введенской, а затем лурмельской церкви (*«О таинствах покаяния и причащения»*, апрель 1938 г.; *«Крестный путь к Богу»*, март 1939 г.; *«О молитве»*, ноябрь 1939 г., и др.), работал в лекторской группе, организованной РСХД для помощи приходам и церковно-просветительским организациям (в сотрудничестве с протоиреем Сергием Четвериковым, о. Львом Липеровским, о. Валерием Юрьевым, В.В. Зеньковским, Л.А. Зандером, о. Георгием Сериковым и др.).

Ниже приводится *Вступительное слово* о. Димитрия к духовной беседе *«О чуде»* в объединении *«Православное Дело»*, где эта тема широко разрабатывалась в конце 30-х гг. (выступления монахини Марии *«О злом чуде»*; о. Сергия Булгакова *«О чудесах Евангельских»*, о. Льва Жилле *«О чуде»* и др.).

О чуде

Самое большое чудо, или, вернее, основание чудес, есть бытие. Все, что составляет нашу внешнюю жизнь, все определяющее нас есть проявление бытия. Подчиняясь определенным законам, наша жизнь приобретает форму определенного порядка, к которому привык человек. Таким образом, жизнь, которая есть чудо, не называется человеком чудом, поскольку это чудо подчинено естественным законам. Время, которое в глазах естественного человека есть абсолют, превращает чудо в нечудо. Все, объясняющее выражение *«так было»*, позволяет человеку закрыть глаза на начало бытия всякой вещи. Вода — соединение кислорода и

водорода, текущая только по наклонной плоскости, испаряющаяся только при нагревании, замерзающая только при нулевой температуре, не есть чудо, т. к. ее можно нагреть, и она испарится, охладить, и она замерзнет; более того — ее можно разложить на кислород и водород, о начале же этих элементов можно уклониться отвечать, сказав: *«так было»*. Этот абсолютизм — время — превращает чудо в нечудо в представлении естественного человека, т. к. если он и не отрицает чуда в эпоху, предшествовавшую *«так было»*, т. е. в эпоху возникновения, то его абсолютизм — время — создает лишенную всякого чуда эпоху *«так есть»*. В его сознании время растягивает, разъединяет два понятия: возникновение и наличие. Не обладая вневременным восприятием бытия, наличие не ведет его к познанию возникновения; эти два понятия рассеяны тяготеющим над ним абсолютизмом — временем — стеной или бесконечной дорогой, начало которой так далеко, что не стоит и задумываться, где она начинается.

Жестоковому Израилю необходимо было увидеть воду, потекшую из скалы, о которую ударил Моисей, чтоб поверить, что Бог изведет народ свой из земли Египетской, не оставит его в пустыне без воды. Вода, которую они исчерпали из колодцев в земле Египетской и которую пили они и скот их, не была чудом постоянного промысла Божия о людях, потому что *«так было»*, ибо появившийся на земле человек застал физические законы уже утвердившимися в своем данном им Богом порядке. Ибо сначала «Источник... исхождает из земли и напаяше все лице земли, а потом уже создал Бог человека, персть (взем) от земли...» (Быт. 2, 7–8). Поэтому, когда Богу угодно возбуждать веру в людях, Он творит чудеса, т. е. являет такие действия, порядок которых выходит из числа порядков, признанных людьми обычными. В сущности же, так называемые обычные явления ничем не отличаются от чудес, т. к. вообще всякое бытие есть продолжающееся чудо и не воспринимается естественным человеком

как чудо только потому, что его неспособность к вневременному восприятию мешает ему воспринимать прошедшее одновременно с настоящим, поэтому это настоящее и теряет для него характер чудесности, присущей прошедшему. Вода, силою Божиею изведенная из скалы Моисеем, есть та же обыкновенная питьевая вода, к которой привыкли люди. Вся разница заключается только в том, что как потек источник, исходящий из земли до сотворения человека, человек видеть не мог — здесь же в пустыне люди увидали. А те, которые не присутствовали при чуде, совершенном через Моисея, но которые пили из источника, конечно, пили как из источника чудесного, т. к. начало чуда и действие его, т. е. текущая в тот

Освящение иконы «Богоматерь Страстная» в русском приходе в Париже (август 1941 г.). О. Димитрий сидит между о. Александром Чеканом и Ю.П. Казачкиным

момент вода, не растянуты временем до раздробления начала от продолжающего действия. Продолжающее действие чуда остается чудом для вневременного, благодатного восприятия, ведущего свое начало от вечного Бога, у которого 1000 лет как один день и который не есть в прошедшем, или настоящем, или будущем, а только в настоящем, не имеющем ни начала, ни предела в будущем, который сам о себе засвидетельствовал, говоря: «Азь есмь Сый» (Исх. 3, 14).

---

¹ См. свидетельство В.В. Зеньковского.

Переписка

«Дорогой отец Димитрий, — писал Н.А. Бердяев. — Меня очень тронуло Ваше письмо. Я привык к тому, что меня часто плохо понимают и бывают невнимательны к моей мысли. Отрадно было услышать обратное, отклик на некоторые свои заветные мысли. А я высказал свою заветную мысль, хотя слишком кратко и, наряду с более раскрытыми мыслями, вторичного значения»¹.

Особая душевная чуткость и способность к глубокому пониманию мысли собеседника, отмеченные в этом письме Николаем Александровичем, подтверждаются многочисленными свидетельствами, из которых наиболее ярким являются собственно письма о Димитрия, в которых он отвечает на переживания близких и делится своим мыслями.

Ниже приводятся фрагменты из переписки о Димитрия с разными лицами в 30–40-е гг.

Письма Дмитрия Клепинина к С.С. Шидловской 1 июля 1930 г. — 25 марта 1931 г.

Примечание Софьи Сергеевны

Вернувшись из Америки, Дима говорил со мной о своей любви ко мне. Я просила его подождать, чтобы я смогла проверить себя. Уехала я в летний лагерь РСХД, которым заведовала, и Дима писал мне.

Осенью 1930 г. я опять встретила с Никитой Куломзиным, с которым была дружба с детства. А он неожиданно получил место в Африке и уехал туда. Все было неясно. Я чувствовала себя очень виноватой перед Димой, а ему было очень тяжело, и душевно и материально, и здоровье его было плохо.

1.7. 1930

Дорогая Соня!

Сегодня у меня праздник — Ваше письмо. Большое спасибо! Все последние дни жил одной мыслью получить его

и узнать, что с Вами все О. К. Сегодня я ночевал не дома и, придя домой, не нашел Вашего письма, и от этого скис и не хотел браться за работу, но, пересилив себя, вышел из дому в типографию, и внизу у консьержа получил Ваше письмо, которое было моей наградой за преодоление кисельности.

Я рад, что знаю, когда Вы молитесь, буду стараться молиться в то же время, а если не смогу, то где застанет меня этот час.

По случаю 1 августа, хоть на меня не напали коммунисты, но напали родственники, у которых ночевал, и потребовали ключи обратно за позднее возвращение домой.

Очутившись за дверью, я очень обрадовался своей свободе. Т. о., я опять буду у себя дома пока один, в этом чувствую острую нужду — быть в тишине. Буду ходить в типографию раз в два дня и забирать советские газеты для прочитывания и выборки мест, относящихся к религиозным гонениям². Когда брат вернется из Англии (дней через десять), то буду стараться поехать к Вам. Мысль о Вашем свободном дне Вы у меня перехватили. Я не решался предложить этот план. Если Вам удастся так устроить, то we will have a great time.

А сейчас, если Вы мне будете писать, то Вы не знаете, какую радость мне принесете и как меня этим поддержите. Пишите хотя бы два слова, но чтобы я знал, что с Вами все хорошо, или чтобы я знал, какие у Вас трудности, и я буду молиться о каждом конкретном случае. И хотя я знаю свою духовную бедность, но верю, что Бог радуется молитве грешных людей еще более, чем праведных. Много говорю Богу о себе и не делаю. Поэтому мне легче молиться за близких. Я очень дорожу Вашей внутренней свободной волей и тем, что Вам внушит Бог. Я так и буду считать, что Вы находитесь в духовном Retreat, и потому буду рад и успокоен, если будете писать о самом несущественном и внешнем. И к тому же я знаю, как мало у Вас времени. Но я рад, что первое письмо

Ваше было не внешнее, и кроме моей радости, что все хорошо, оно дало мне очень-очень много, но дальше я не буду огорчаться, если Вы мне будете писать два слова на открытке, это будет для меня тем, чем я буду жить. В каждом письме я буду вкладывать открытку с моим адресом, и это Вам облегчит, т. о., технически процесс писания.

Я рад, что о. Александр³ так подошел к лагерной жизни. Я его очень люблю. Рад также за Анну Федоровну⁴, т. к. мне всегда казалось, что она сильно портит работу. Впрочем, я не участвовал так близко в педагогической работе, мое дело было кафельное и камертонное.

(Конец письма утерян)

28.7.30

Дорогая Соня!

Вот наконец пишу Вам. Только сегодня установился мой образ жизни, и я могу спокойно написать Вам и этим открыть возможность получать утешение переписываться с Вами, если у Вас есть возможность вообще писать.

Моя работа заключается в чтении советских газет с выборкой мест, относящихся к религии. Из этого материала составляется журнал на английском языке, который издается моим братом. Нина Николаевна и Соня⁵ уехали вчера, и мы с братом живем вдвоем, т. о., я, наверно, буду один дома большую часть дня, чему очень рад. Я не знаю, когда начнется моя вторая работа в типографии, которая будет посылать меня с разными поручениями. В зависимости от этого я хочу сообщить, когда мне приехать к Вам в лагерь, если это вообще удобно. Во всяком случае, в ближайшие две недели я должен быть здесь, пока брат съездит в Англию. Напишите мне, как бы Вам лично было бы удобно в смысле моего приезда.

Каждый вечер я ясно себе представляю, что Вы делаете, Ваш обход с длинным электрическим фонарем по палаткам и комнатам девочек и приказания ложиться спать.

Мой балкон обращен к северу, и я могу себе представить то направление, в котором лежат ваши края, юг — юго-запад. Когда не облачно, а звезды, тогда расстояние кажется ближе, т. к. те же звезды у Вас над головой. Все у Вас спят, когда я думаю о Ваших краях. В вечерней молитве прошу Бога, чтобы Он Вам помог справиться с Вашими заботами и быть веселой и здоровой, и тогда все будет менее казаться страшным. Но думаю, что Вам с каждым годом легче с этой оравой. Я тоже молюсь своей немощной молитвой, чтобы Вы правильно решили нашу с Вами задачу. Об этом мне как-то радостно и легко молиться, и в этом нахожу утешение, зная, как это важно и существенно. Я очень верю в силу молитвы о близких. Больше, чем в силу молитвы за себя. Молитва есть проникновение в ту область, где нет обособленности личностей, а где мы предстоим перед Богом как нечто целое. Где чувства и мысли одних слагаются с чувствами и мыслями других. Я рад, что теперь у меня есть возможность делать то, что среди Ваших забот Вам делать трудно, т. к. Ваш ум занят ими неизбежно.

И хотя Ваши молитвы чище моих, но Бог, видя мое старание, и это примет. Так я верю. Верю, что Господь покажет Вам Свою волю. Молитесь в полном мире, зная, что оба пути открыты перед Вами свободно. Не смотрите на отрицательный ответ как на разрушение чего-то. Если Вы мне его скажете, мы с Вами пойдем в церковь и отслужим молебен об указании Вам другого пути к устроению Вашей жизни во славу Божью. Если у нас с Вами есть любовь друг к другу, то в любви нет разрушения, а есть все общее и все приемлется, если есть сознание, что так угодно Богу.

Четки, которые Вам дал Досья^б, я Вам передам с той мыслью, что это есть главный путь, открывающий волю Божью. Без Иисусовой молитвы трудно хранить четкость мыслей и чувств. К каждому своему помышлению примешивается свое мудрование, если не возвращаться все время к Христу.

Напишите мне, когда Вы молитесь на сон грядущим. Будем читать этот ирмос: «Ты моя крепость, Господи, Ты моя сила, Ты мой Бог. Ты мое и радование. Тем с пророком Аввакумом зову Ти. / Слава силе Твоей, Господи!»

Христос с Вами. Ваш Дима.

3.8.30

Дорогая Соня!

Сидел дома и писал письма, которых набралось масса, а в час Вашей молитвы встал молиться вместе с Вами. Когда думаю о лагере, не могу отвлечься от представления прежнего лагеря, его церкви и других зданий. Поэтому представляю себе Вас, как Вы идете молиться в нашу церковь, а потом возвращаетесь в большой дом, где Ваша комната.

Сейчас Вы, наверно, легли, и я желаю Вам спокойной ночи. Вчера я хвастался, что буду читать газеты, но вместо этого пошел в кино и был весьма доволен. Весь фильм состоял в аэропланых полетах, это моя слабость. В Америке было у меня сильное искушение вернуться из Бостона в Нью-Йорк на аэроплане. Но это оставило бы у меня в кармане два доллара на жизнь до отъезда, чего бы, конечно, не хватило.

Сегодня всюнощную служил на Монпарнасе отец Лев Жилле⁷. У него большой прогресс в смысле славянского произношения. Я мог это заметить благодаря моему отсутствию из Парижа.

Завтра, если даст Бог, пойду туда же на литургию, а потом пойду к отцу Сергию Булгакову, который завтра должен приехать. Он очень, кажется, расстроен церковными нестроениями. Мне же кажется, что ничего особенного в них нет и все наладится со временем.

Пожалуйста, кланяйтесь о. Александру и Досе. Еще раз спокойной ночи. Храни Вас Господь во всяком мире душевном, здоровье и радости.

Ваш Дима.

4.08.30

Дорогая Соня.

Недавно пришел домой от родственников, с которыми произошло у меня примирение. Но все же останусь жить дома. Отговорился множеством непрочитанных газет. Так хорошо прийти домой и на сон грядущий посидеть в пустой квартире в кресле перед самым балконом. Сегодня облачное небо, и наших звезд не видеть.

На столе у меня лежит одна вещь, которую я купил для Вас в Нью-Йорке и которую привезу в лагерь, если Бог даст туда приехать. Вещь весьма простая, но я изобрел для нее некое толкование.

Сегодня много часов провел с Ириной Степановой⁸. У нее были промежутки времени между службой, и мы сидели в угловом кафе около Монпарнаса. Мне давно хотелось с ней поговорить по существу в течение последних лет о всем прошлом в нашей семье, и никогда это не удавалось. Не знаю, как это вышло сегодня, но для меня это было большим приобретением. Я очень рад, что ее жизнь, кажется, сложилась хорошо. Слава Богу. Не знаю, были ли Вы близки с ней? В детстве мы все пятеро (мой брат, сестра Ирина, ее брат и я) составляли одну семью. Они часто приезжали к нам из Петербурга, и почти каждое лето мы жили вместе на даче в Одессе. У нас была лодка, которая называлась «Тинда» (Татьяна, Ирина, Николай, Дмитрий и Александр). Вот Александр сейчас совсем отделился от нас по расстоянию и времени, т. к. он уже 9 лет в Америке. Когда я туда ехал, была у меня надежда его встретить, но он живет в Техасе, куда ехать то же, что в Европу. У меня с ним были, пожалуй, самые близкие отношения и единство взглядов. Одно время мы вместе учились в реальном училище, он в 6-м, а я в 4-м классе, и сходились на общем стремлении стать инженерами. Затем наши пути опять сошлись в Севастополе, где мы почти тем же делом занимались, он был матросом на ми-

ноносце, а я на грузовом пароходе. На его миноносце, куда я приходил, меня звали Степановым. И в третий, последний раз мы встретились в Робертс-колледже в Константинополе, после которого он уехал в Америку, а я — в Сербию.

В Сербии, когда у меня выросли большие сложности в жизни, я решил уехать в Америку и вел переписку с одним американцем, прося его устроить меня в мореходное училище. Пишу об этом, потому что меня сейчас поразила та мысль, как наши планы не совпадают с Божьими. Америка меня не миновала и сыграла важную роль в моей жизни, но своевременно. В то время все бы получилось иначе. Т. к. я верю, что тот путь, на который я встал, — правильный. М. б., не по плечу, но на другом пути не могу себя представить ни минуты. Именно то, что я в Америку попал, кажется знаменательным, т. е. куда я стремился с иными планами. И тогда я бы не мог себе простить, что меня бы не было при смерти мамы, которая умерла вскоре. Где-то сказано по этому поводу: «не суть помышления мои, яко помышления ваша, глаголет Господь, и пути моя яко пути ваша».

Спокойной ночи, дорогая Соня, храни Вас Господь!

Ваш Дима.

Вы разрешаете мне писать так часто?

8.8.1930

«Верь и уповай, что как легко тебе дышать воздухом и жить им или пить и есть, так и еще легче вере твоей получить от Господа все духовные дарования. Молитва есть дыхание души, молитва есть духовная пища и питье». Прот. Иоанн Кронштадтский.

Дорогая Соня.

Вчера ездили мы с Ириной и мужем ее к Тамаре Федоровне⁹ в Кламар. Она устроила торжество по случаю приезда своей знакомой из Чехии. Очень весело провели вечер. Тамара Федоровна приготовила миску кроушена и множество всяких угощений.

На днях была у меня приятная встреча с одной родственницей. В ее доме я был 24 года назад, когда мне было два года. Это было в Пятигорске, где я родился. Помню себя с трех лет, и есть еще более раннее воспоминание — это запах конюшни. Когда слышу его, меня охватывает какое-то сильное чувство, будто я переносусь в какую-то неведомую область, которая очень дорога мне. Объясняется это тем, что когда я бывал в доме этих родственников, то муж этой дамы, которую я позавчера встретил, носил меня на руках по квартире и всегда показывал мне картинку, на которой была изображена голова лошади. Тогда я требовал, чтобы он показал мне «фостик», и он нес меня в конюшню и показывал фостик, тогда я требовал голову, и опять мы шли в кабинет. И так продолжалось, пока ему не надоело. Я полное наслаждение получал, когда 6 лет назад я жил с отцом в Сербии. У него были работы за городом, и он ездил туда на двуколке и брал меня с собой. Я всегда правил лошадью и чувствовал какое-то духовное умиротворение. Пока отец руководил работами, я сидел на траве и читал богословие Макария, т. к. готовился поступать в Академию, а назад ехал опять на этой двуколке.

Нависают тучи, и собирается дождь. Надеюсь, что у Вас больше солнца и теплее, чем в Париже. При плохой погоде, наверно, труднее совладать со всей вашей колонией indoors.

Передо мной фотография девочек, выступающих в поход. Они идут по направлению ко мне, а справа стоите Вы и, очевидно, считаете, сколько их. Вдали запустелый дом за ручьем, а справа крыльцо, где стоит Жан. Совсем будто окно, в которое я наблюдаю жизнь лагеря.

Помоги Вам Господь.

Ваш Дима.

Можете ли Вы читать мои письма, несмотря на мой почерк и безграмотность?

10.08.1930

«У искренних христиан молитва всегдашняя, потому что всегда грешим. Благодарение всегдашнее, потому что ежедневно, ежеминутно получаем новые милости Божьи, а и старых без числа много. Славословие всегдашнее, потому что всегда видим славу дел Бога нашего в нас и в мире, особенно славу Его бесконечной любви к нам». Прот. Иоанн Кронштадтский.

«Скоро слышит Бог молитву двоих или троих, молящихся от сердца вместе». Прот. Иоанн. Кронштадтский.

Дорогая Соня.

Меня очень обрадовала сегодня Ваша открытка, как и всегда радует, но еще мне стало легко на душе, потому что Вы пишете, что мои письма для Вас утешение. Это радует, т. к. я не всегда чувствовал, надо ли писать. <...>

Думаю о поездке к Вам как о большом празднике, но я бы хотел, чтобы Вы чувствовали, что в моем приезде к Вам нет никакого вопросительного знака. Я одинаково буду готов и тогда, и по приезде в Париж. Помните, мы говорили с Вами, что никакое большое дело не начинается с легкостями. Ваши молитвы за меня будут хранить меня от малодушия, и я приеду к Вам в веселом духе, если Богу будет угодно, и не смущу Вас своим духовным неустройством.

Я очень рад, что на Вас иногда нападает такое хладнокровие по отношению к трудностям лагеря. Это значит, что работа в Ваших руках. А результат еще больший, т. к. это тот же самый Ваш максимум, т. е. то, что отнимал от Ваших сил раньше. Я это сам испытал в Америке, когда заставил себя меньше готовиться к докладам в кружке и не записывать их. Тогда весь страх пропал и язык стал меньше заплетаться.

Спокойной ночи, милая Соня. Я чуть не начал извиняться перед Вами за то, что отнимаю от Вас время, оставшееся у Вас для отдыха. Надеюсь, что Вы уже давно начали набираться сил для завтрашнего дня.

Даруй Вам Господь мирен сон и безмятежен и Ангела Хранителя, соблюдающего и покрывающего от всякого зла.
Ваш Дима.

14.08.1930

«С какой любовью материнскою, или, лучше сказать, божественною, Церковь ежедневно как бы носит нас на руках своих, вознося о всех нас непрестанные молитвы ко Господу, вечером, в полночь, утром и около середины дня, поучает нас, очищает таинствами и всеми способами, руководствует нас нежнейшим и кротчайшим образом ко спасению и вечной жизни». Прот. Иоанн Кронштадтский.

Дорогая Соня.

Как Ваши дела? И как Ваша паства? Все ли О. К.? Сегодня у меня день газетный. Вчера был усталым и злым, но вечером было очень хорошо. Был у тетки Леопарда¹⁰, и она читала мне свои мемуары и мамины последние письма. Так реально стала тогдашняя жизнь. Последнее письмо написано за два дня до ее смерти. Вся пачка лежит у меня на столе. Когда будет тихий вечер, прочту. Когда приеду, привезу Вам некоторые письма ко мне, которые могут Вам быть интересны, особенно то, которое описывает прибытие Курской иконы Божьей Матери в Ялту.

Эти эдельвейсы недавно привезены из Швейцарии. Я их взял вчера у Анны Николаевны.

Напишите нам Ваши занятия с девочками, мне это будет интересно.

Господь с Вами и Пресвятая Богородица.

Ваш Дима.

16.08.1930

Дорогая Соня.

Спасибо Вам большое за письмо. Оно так кстати, оно сделало сегодняшний день легким и радостным. Как жаль, что меня не было с Вами в Ваш свободный день! Как хорошо

было бы, если бы к моему приезду Вы могли бы сделать для себя второй свободный день.

Только вот мое условие: «не будьте более достойно настроены» из снисхождения к моему постоянному недостоинству и, в частности, потому, что я все время чувствую, что я недостоин наших отношений и они для меня милость Божья. <...> Меня не смущает Ваше «чувство, что Вы всегда можете обратиться ко мне за помощью». Давать — в духовной области человеческих отношений не есть переливание из сосуда.

Вот что я еще хотел Вам сказать, Соня, — у меня большая вера в помощь Николая Чудотворца. К нему обращаются даже мусульмане. Вспомнил про мусульман, т. к. некогда сам был в бусурманском состоянии по вере. Помню, как в Одессе мы с мамой зашли в церковь и мама просила, чтобы я молился с ней за брата, который был на фронте. Эта мамина вера передалась мне. Я сам испытал, что Святитель Николай исполняет прошения ранее самого прошения. Так в акафисте и сказано: «прошения предварителю». Я знаю, что ему близки наши с Вами дела. К нему и прямая дорога обращаться. Так про него говорится: «Радуйся, яко тобою всякая истина сбывается. Ты мя избави от всякия скорби и беды, елико бо хочещи вся можещи. Радуйся, подаваяй требующим благостроение, радуйся, уготовляяй просящим изобилие, радуйся, многажды прошения предваряяй, радуйся, Николае, Великий Чудотворче».

Вот как я расписался, уже одиннадцатый час, а я не начинал своих газет, зато так хорошо было побеседовать с Вами <...>

Да покроет Вас Матерь Божья своим омофором.

Ваш Дима.

16.9.1930¹

Природа любви Бога и к Богу связывается у меня с Ветхим Заветом и ап. Павлом, который стал для меня близким

и дорогим особенно в Америке, где я им главным образом занимался... У ап. Павла есть мысль, что основа закона — любовь. В Ветхом Завете эта любовь в законе почти не раскрывается. Она есть лишь средство к правильному взаимоотношению людей между собой и людей к Богу. Такова же любовь гуманистическая, современная. Это — средство или сила, устраивающая и преобразующая жизнь. Но это все из-за того, что люди не могли вместить любви; по существу же отношение Бога к людям было то же, т. к. Бог неизменен. В Новом Завете отпадает прикладное значение любви. Таковы заповеди о рубахе, которую просят, и о верхней одежде, которой не просят, и поприще, которое просят пройти, и втором, которое не просят идти. Здесь дающий забывает о поводе и сосредотачивается на самой личности просящего. Здесь стирается грань своего я и другого лица. И, конечно, полнота этого — омовение ног ученикам и крестные страдания. Такова и притча о блудном сыне. Ветхий Завет исчерпывается желанием блудного сына вернуться в качестве наемника, а полное отношение Бога к человеку — возложение риз, перстня и заклание тельца.

Ветхозаветный человек не подозревает истинного отношения к нему Бога. Но и в Ветхом Завете есть окна в существо этих отношений. Особенно вспоминается Песнь Песней. Любовь души человека и Бога есть «роман» — ничего прикладного нет в этой любви. Она — содержание жизни. Сомнения, ревность, чувство оставленности, горечь одиночества; затем встречи и пленение без остатка, радость значимости для другого. Все это охватывает все существо души без остатка. Это опьянение, когда все другое не существует, даже воля пленяется. Воля есть в искании любимого, а потом даже воля отдается.

Характерно, что в будущем веке не будет веры и надежды, останется только, освобожденная от всего прикладного, — Любовь. Она несомненно есть содержание жизни, т. к.

жизнь сотворена любовью и заключается в возвращении к первооснове — Любви. Все остальное есть испытание воли к этому возвращению. Все положительное вырастает из любви, все отрицательное — неправильное выражение любви — паразит на теле любви. Такова сущность всякого греха, а следствие его — страдание, отдаление от любви.

Может быть, в силу моей «еретичности», в моем представлении о природе любви, для меня страшнее греха — прикладная любовь, любовь к Богу и к людям без «романа». Это страшно, т. к. цель жизни — возвращение к источнику любви — Христу. Грех может привести к познанию пустоты, а прикладная любовь есть ересь жизни, делающая жизнь самоцелью, а любовь — силой гармонирующей. А в действительности жизнь есть прикладное обстоятельство ради испытания любви. В жизни будущего века жизнь и будет — любовью, а любовь — жизнью. Поэтому меня ужасает благочестивый протестантский нигилизм, не верующий в божественность Иисуса Христа. Христос — учитель и реформатор, а не содержание жизни, т. к. иного содержания жизни нет.

Монашество есть не отказ от личного, интимного ради высшего отвлеченного идеала служения, а есть тот же «роман» или пленение, уязвление сердца любимым. И монашествующий отказывается от личной жизни и от мирской любви только потому, что его интимная, личная любовь к Богу и Бога к нему реальнее и сильнее пленяет его сердце и ум. Он влечется туда, где слаще и теплее. Его воля бодрствует и ведет его в моменты оставленности, потому что память о встрече делает его рассудительным, подобно купцу, купившему поле ради одной жемчужины, скрытой в нем. Если нет «романа» в такой любви монашествующего, то его монашество самая неблагоприятная обстановка для возвращения к любви Божией. В миру гораздо больше возможностей найти в себе заложенную любовь. В монастыре происходят удивительные случаи полного высыхания и даже омрачения лю-

дей, бывших в миру очень благонамеренными. Если же есть этот «роман» в любви, то монастырь есть лучшее место, т. к. тишина его не тревожит тайных встреч, а тогда ничто мирское не соблазнит надолго.

Особенно ярко идея любви как самоцели выражается в мученичестве. Св. Игнатий Богоносец в своей молитве перед мучениями просит зверей, чтобы они смолотили его тело, чтобы оно превратилось в зерно, дабы стать Хлебом Христовым. Показателен тропарь мученицам:

«...Тебе, Женише мой, люблю и ТЕБЕ ИЩУЩИ, страдальчествоую и сраспинаюся, и спогребаюся Крещению Твоему, и стражду Тебе ради, яко да царствую в Тебе и умираю за Тя, да и живу с Тобою; но яко жертву непорочную приими мя, с любовью пожершуюся Тебе...»

...Еще, помните, мы говорили о страдании. Я в первый раз понял значение страданий, когда осознал, что все, на что я надеялся в жизни, ушло от меня. Об этом моменте я всегда вспоминаю как о самом тяжелом в моей жизни и как о самом радостном... Почти всякий человек переживал в жизни такой острый момент опустошения или кризиса. Но радость посетила меня, когда на память пришли слова Спасителя: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть». Я пришел на могилу моей матери с тяжелым игом житейским, и все казалось таким запутанным и безысходным, и нашел легкое бремя Христово. Не знаю более счастливого момента моей жизни и благодарю за все, что Бог дал мне перенести. После этого я иначе устроил свою жизнь и легче было отстранить всю запутанность разных обстоятельств, и если и дальше было нелегко жить, то все же я не променял бы на прежнее и не хотел бы возвращения ко многому тому, что я в жизни имел до того, как она запуталась. Сознаю свою

неблагодарность к Богу... Но и в унынии и малодушии не могу не признать, что жизнь — прекрасна. Чудны слова: «Милость Твоя паче живота». Как может жизнь не быть оправдана и прекрасна, если Христос есть Жизнодавец.

10.03.1931

Милая Соня.

Полчаса назад бросил Вам письмо, а придя домой, получил Ваше, которое путешествовало в Коломбель¹².

Спасибо, что написали, всегда так делайте, не надо смущаться, хотя понимаю Вас. Ничего легко не делается, кроме разве неправильных решений. Нужно Вам отдохнуть и пожить спокойно и верить, что Господь все устроит, а «в себя веру потерять» и не так плохо. В жизни своей за последние два месяца еще сильнее убедился, что я не могу учесть и определить своих внутренних ресурсов. Они где-то страшно далеко и не поддаются влиянию даже очень глубоких переживаний, разочарований или надежд. В один день способен чувствовать полное отсутствие сил и желания жить, и сейчас же, под влиянием внешних причин находишь силы и охоту смотреть вперед. Таким образом, самое важное — это режим духовной жизни. Как только ослабеваешь в этом, то вся поверхность начинает терзаться то отчаянием, то надеждами. Все это суета сует и подобно норманнской погоде, когда в один день дождь, солнце, снег и опять все сначала.

Я думаю, что все, касающееся меня, верно и в Вашем положении. М. б., Бог ждет от Вас этого мирного состояния, когда Вы все предоставите Ему и скажете: «Милость Твоя паче живота». М. б., Ему неуютно, чтобы счастье было создано Вашими руками. В этом Его любовь к Сонечке. Потому, что милость Его действительно богаче, чем наша жизнь. Одна уверенность, что этот путь Вам дан Богом, освящает Вашу жизнь в продолжение всего пути, избавляет от колебаний и сомнений.

Господь потребовал у Авраама в жертву *Себе* Исаака. Как жестоко, кажется! А потребовал для того, чтобы возвратить его ему же и кроме Исаака произвести от него потомство, как песок земли. То же самое с Иовом. Как счастливо складывается часто жизнь неверующих. Почему это? А против верующих и молящихся Богу, просящих устроить им жизнь, как будто воюет Сам Бог и противится им. И опять-таки в этом любовь Божья. Неверующим нечего принимать от Бога, и потому Богу нечего от них брать. Все, посылаемое им, они объясняют естественно, и не видят высшего духовного залога.

Почему же Господь, наказуя, хоть немного не облегчит, не покажет, что это Его посещение, что мы не брошены на произвол слепым обстоятельствам? По себе сужу и отвечаю: я, вернее, не я, а мой плотский человек, не хочет отвечать, уверяет, что нет ответа. Ему угодно нежиться в области психологических волнений, надежд, самоистязаний. Ему нравятся трагедии и безвыходность, поднятость нервов и необычная обстановка выхода из буден жизни. Ему приятно сознавать себя всеми оставленным и даже Самим Богом. Если оставил Сам Бог, то дальше он не ответствен, он может оставаться в области психо-физической. За эти два месяца я узнал хорошо своего человека во плоти. Это гнусный, лживый актер, который жалуется на судьбу, но в глубине души вызывает, как блаженный Августин до обращения: «Господи, спаси меня, только не сейчас». И сейчас же подавляет эту тончайшую черточку «не сейчас» и уже жалуется, мол, молился, и Господь не помогает.

Не могут быть ложными слова Священного Писания: «Я стучу в двери души твоей, и кто откроет, к тому войду и буду вечером с ним, и он со мной».

Значит, все в нас. И все дано в Церкви для посрамления этого проклятого, гнусного лжеца-человека по плоти.

Ведь, подавив его хоть немного, мы не уйдем от мира, но все мирское, необходимое, красивое вернется, но уже

иным путем, освещенное духовно. Из рук Божьих, как милость, которую мы возлюбим больше, чем то, что нам дано. И то, что нам дано будет, не пострадает оттого, что милость мы будем больше любить, т. к. вся разница в том, что раньше данное нам мы не любили бы, а любили бы его психо-физическую оболочку, а под видом милости будем любить самую сущность данного, о которой счастливый психо-физический мир с его проклятым счастьем не слышал. Разве это не любовь Божья, отнимающая у нас черепки и дающая драгоценные сосуды для пополнения их любовью Божьей? Все, что дается в жизни, может быть черепком и в то же время драгоценным сосудом. Поэтому Бог может отнять ту же вещь, тот же путь и вернуть то же, но в виде драгоценного сосуда, а может быть, и другую вещь, если мы не способны воспринять ее как сосуд.

Хоть Вы и не хотите об этом говорить, но беру смелость сказать, надеясь не огорчить, а ободрить Вас. То, чего Вы ждете, м. б., дастся Вам после перемены в Вашем настроении по отношению к себе и к Богу.

А, м. б., и не это дастся, и слава Богу, которому виднее. Одно только помните всегда, что у Вас есть свое назначение в мире, своя судьба, данная нам прежде сотворения мира в виде возможности и она нас не избежит, если не противиться Божественному плану. Богу не все равно, что с нами и где мы. Каждая личность в очах Его драгоценна. Если Он будет вести нас помимо нашего сознания, что это Он нас ведет, то не будет счастья.

Мои же планы никак не складываются. Сейчас не время им складываться. Еду в Сербию, если Бог даст, а там видно будет ближайшее будущее. Думаю работать и помогать отцу.

Церкви Божьей служить не отказался, но когда это будет и где, не могу сказать. О возвращении во Францию пока не думаю, т. к. здесь мне делать нечего. Если у Вас будет охота меня повидать, сообщите, когда возвращаетесь. Я в четверг не уезжаю, т. к. много дел, м. б., в понедельник поеду.

Ну, храни Вас Господь. Не смейте унывать, а то сможете все испортить. Лучше всего (убеждение для себя) ежедневно благодарить в молитвах Бога, больше, чем просить.

Простите, что учу Вас, но то, что пишу, относится и ко мне. Христос с Вами, мой друг, с нами Бог, разумеете, языци, и покоряйтесь, яко с нами Бог.

Ваш Дима.

Страха же мы не убоимся, ниже смущаемся, яко с нами Бог.

25.03.1931

Бор. Югославия

Дорогая Соня.

Пишу Вам уже из Бора. Буду писать о Вас, как Вы мне разрешили это делать. Припоминаю наш последний разговор о возрасте, о будущем Вашем. Больше думаю о женихе и невесте, муже и жене.

Состояние последних не похоже на состояние первых. Там все новое. Все расчеты оказываются ненужными. То, что их связывает, несравненно сильнее того, что, казалось, они имели. А то, что они имели, куда-то исчезло. Отсюда объяснение, почему люди, сошедшиеся случайно, иногда помимо воли живут с романом. Откуда он, когда до этого ничего не связывало их?

Влюбленность есть рассматривание себя в зеркале, занятость своей личностью только. Самое главное – как к тебе относятся. Это диаметрально противоположно любви, где самое главное – другой. Я думаю, что брак есть путь к любви. Человек в браке начинает узнавать любовь. Это большая возможность научиться любви. «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов». А законом Христовым называется любовь. Любовь, как дар за служение другому и терпение его личности. Вообще, когда две личности связываются, как бы то ни было, им приходится главным

образом научиться терпеть, и два выхода: ненависть или любовь. <...>

Пожив немного здесь, я прихожу к заключению, что самое важное для меня в моем будущем — это исходить от интересов не моих, а отца. Вероятно, придется отказаться от Иерусалима. Нельзя оставлять его одного здесь.

Пишите, когда захочется. Помогите Вам Господь.

Ваш Д. Клепинин.

Письмо к о. Сергию Булгакову¹³

1 октября 1939

Дорогой отец Сергей.

Вчера вступил в настоятельство на Лурмель¹⁴, и захотелось сказать Вам об этом новом этапе в моей жизни и попросить Ваших молитв.

Весь последний период был очень активный, напоминающий Страстную Неделю. Когда первое, самое напряженное время прошло, во время которого много давалось, но и много получалось в общении с людьми, наступило более обычное время, а ежедневное служение литургии продолжалось, то я вдруг почувствовал, как в своей личной духовной жизни мало делалось по сравнению с тем, что требовал весь уклад жизни. Поэтому чувство страшной неподготовленности к той ответственности, какую берешь на себя быть пастырем в это трудное время. Молитесь за меня. Если возможно, напишите мне про себя. Поделитесь своим духовным опытом. Очень не хватает постоянного руководства и ежедневной помощи. Время особенное. Но очень много светлого. Главное, то, что видишь десницу Божию, которая напутствует не бесплодно. Все меньше и меньше в мире смертоносного болота благополучного. Сейчас так реально ощущается реальность значения молитвы за мир. Такое

чувство, будто духовный мир стал ближе к судьбам народов и что открылась какая-то дверь молитвенного общения с той частью людей, которая раньше была покрыта жиром. Может быть, это мои фантазии, не чувствуете ли Вы нечто подобное? Вот, например, у меня потребность молиться Св. Женевьеве, т. к. мне кажется, что Париж стал как-то восприимчив к ее заступлению. Не только благодаря опасности над Парижем, а потому, что приблизились к жизни мира сего вечные вопросы и святые приблизились поэтому. Дорогой отец Сергей, пишите мне про себя, как Вы? Храни Вас Господь. Целую с любовью.

Ваш свящ. Димитрий Кл.

Письмо к С.В. Медведевой¹⁵

Из заточения

Письмо адресовано Софье Вениаминовне Медведевой, одной из деятельных сотрудниц лурмельской группы, которая в этот момент получила известие о смерти сына Владимира на войне. О. Димитрий и Ф.Т. Пьянов, узнав об этом из переписки с родными, в 1943 г. пишут ей из лагеря Компьень.

После войны С.М. Медведева постриглась в монахини, став матерью Елизаветой, и продолжила дело матери Марии, возглавляя работу объединения «Православное Дело» вплоть до 60-х гг.

†

Дорогая Софья Вениаминовна, как жаль, что я не мог быть с Вами в эти трудные для Вас дни. В пятницу я отслужил заупокойную литургию и постоянно молюсь об упокоении души Владимира Ивановича. Хотелось бы так помочь вам в Вашем переживании. Дай Господь Вам воспринять этот факт со стороны главного его значения, а именно то, что душа его предстала в иной мир и все житейское, все про-

шлое перестало иметь значение, что единственное, что ему надо, — это молитвы, которые не должны быть омрачены никакими смущающими душу помыслами о прошлом. Да даст Вам Господь мир душевный. Это есть состояние, угодное Богу, в этом состоянии мы всегда можем все лучшее сделать или пережить, а главное, что молитвы, приносимые из мирной души, только и помогут усопшим, а всякое смущение тревожит его дух, возвращая его к земле и фактам, которые потеряли уже всякое значение.

Крепко Вас целую, с любовью

Свящ. Димитрий.

Письма к жене из лагеря Компъень¹⁶

23 марта – 13 декабря 1943 г.

Заключенные в концлагере Компъень имели право писать одну открытку в месяц. Однако через отдельный американский сектор лагеря Компъень удалось наладить тайную переписку, благодаря которой о. Димитрий мог поддерживать более живую связь со своей семьей.

О том, как мужественно переживала разлуку Тамара Федоровна, оставшаяся с двумя маленькими детьми, свидетельствует одно из ее сохранившихся писем к о. Сергию Булгакову¹⁷:

«Посылаю Вам выписки из последнего письма о. Димитрия¹⁸. Оно утешительно. Видно, как много он делает для своей новой паствы, и я считаю это особой честью, что Господь его избрал быть добрым самарянином и пастырем самых несчастных, голодных и одиноких».

23.03.43

Мой родной любимый Томик.

Христос с тобой и с детками. Спасибо за 2 съестные посылки и за чемодан с церковными вещами. Молюсь Богу, чтобы Господь сохранил моих птичек. Все время мысленно с вами, в особенности в 11 часов, когда 48 человек в комнате спят. Вижу, с какой заботой мой мудрый Томик собирает ве-

щи <...>. Ждем антиминс и мои сосуды. Церкви у нас нет. Отслужить можно будет в комнате у католических священников, с которыми дружба. С ними живет о. Д. Соболев.

Вначале было тяжкое испытание, беспокойство за вас. Теперь получил посылку от 21 марта, жизнь совершенно изменилась. О будущем не беспокойся, положившись всецело на волю Божию. Его попечение и любовь исключают возможность страха или волнения за дальнейшую судьбу. Так ясно, что все, что случилось, — надо было пройти и что все это послужит во благо <...>, несмотря на всю трудность вашего положения. Молюсь, чтобы Господь сохранил от тревоги за меня. Когда вернусь, будем радостно и бодро жить. Павкин¹⁹

Тамара Федоровна Клепинина
с детьми в Vigoflay (1944)

будет, наверно, уже ходить, и у него будет не два, а все зубы. Время здесь проходит не бесплодно. Изучаем Prata²⁰, читаем вслух, либо у меня на кровати по утрам, или на траве во дворе. Все в хорошей форме. Желал бы очень не разделяться с Юрой Скобцовым²¹ ради него, т. к. думаю — я ему очень нужен. Он в очень хорошем виде. Трудна толчея и многолюдство. Но боремся за проведение программы: вечером и утром собираемся на молитву. Кейфер²² и Анатолий приходят из соседней комнаты. Посылки — огромная помощь. До сих пор не голодали.

Молюсь, чтобы Господь нашел вам квартиру, чтобы устроились и бодро ждали возвращения <...>. С нежностью вспоминаю о Romainville²³. Там жизнь была хорошо налажена с отцом Михаилом Бельским²⁴. Мы жили в отдельной комнате, молились, пели обедницу, на которую приходила мать Мария. Чувствовалась большая географическая близость от дома. Меня потряс термос с горячим кофе, сохранивший тепло дома.

Меня волнует мысль, что мой Томик, наверно, был совсем близко от меня, т. к. предполагаю, что он сам привозил посылку сюда. Получение посылок — великое событие. В особенности узнать знакомый почерк и знать, что все благополучно <...>

11.04.43

Родной мой любимый Томик.

Вчера два месяца нашей разлуки, как мои птички? Будем больше думать о радости встречи, чем о тяжести разлуки. Для меня ясна польза посланного испытания. Суетность планов и расчетов, полная зависимость от воли Божьей. Раньше слишком большая ставка на то, что любовь Божья выражается в благополучии внешнем. Теперь узнается Его любовь в испытаниях.

Будь бодрый, радостный, причащайся часто Святых Таин. Мы завтра подаем прошение на получение посылок.

Русских здесь человек 15. На Благовещение служим утреню в комнате католических священников, в тот же день получил твою великолепную посылку. Молимся Богу за всех, кто нам помогает. Мы не голодаем благодаря посылкам. Даем наиболее нуждающимся, из них два соседа-поляка из Romainville <...>.

О. Д. Соболев живет в нашей комнате, с ним у нас общий сто(л). Хорошо бы связаться с Petel²⁵ <...>. Не забывай пометать дату на списке вещей, чтобы знать, что тогда-то вы были живы и здоровы. Когда была хорошая погода, сидели на траве. Читаем, молимся. Занимаемся Prati'om. <...>

Когда затихает гам 48 человек, часам к 11, молюсь, думаю о вас, моих собачках. Думаю и молюсь о всех друзьях. Юра в хорошем виде физически и морально. Прочитай 2 Тим. 2, 3-7, 3, 12; Як. 1, 2-3, отвечает тому, что переживаем. Старуюсь представить всю вашу жизнь. О материальной стороне не волнуюсь, знаю, что добрые люди не оставят моих птичек. Меня очень интересует, выдаешь ли ты людей, удастся ли развлечься, посмеяться и отдохнуть. Обо мне не беспокойся. Все мы в хорошей форме. Зайди к жене Сметанкина, 23, rue Theodore Deck. Ей надо помочь материально. Слава Богу, что церковь существует. Очень целую о. Василия Зеньковского, в особенности хор. Мечтаю о встрече с ними.

Христос с вами, мои любимые. Целую крепко. Собака. <...>.

Если возможно, пришли крест и иконку, которые были принесены в церковь для освящения. Наверно, псаломщик знает, где они.

P. S. Кроме сербов, очень желательны посылки Красного Креста для Клубова Георгия 10.705 и Ждановского Николая 10.701, которые очень нуждаются, и Каминский Георгий 10.327.

Приписка Юры Скобцова²⁶:

Mes bien-aimés

Notre moral dépend du votre. Ecrivez à maman que je vais bien et que je ne pense qu'à vous. J'embrasse bien tendrement ma petite grand-mère, papa, Jean, O.M.

Je suis touché par vos soins, mais il ne faut pas vous priver. Que Dieu vous protège. Soyez heureux. Envoyez dans un colis vos photos. C'est à toi Jean que je confie grand-mère. Je suis sûr de toi et fier.

2 мая 1943

Х. В.

Родной мой Томик.

Слава Богу нас еще не услали. С тех пор еще была партия, с которой отправлена мать Мария, которая пробыла здесь с вечера до утра. Юра виделся с ней. Каждый день служим литургию. Это все меняет, литургическую связь с вами ощущаем так, как ты говоришь. Спасибо, мой Томик, за посылки. Наша семья увеличилась на 3 русских мальчиков. Относительно их прочитай Юрино письмо. Мой родной Томик, как много хочется сказать тебе. Главное изменение в нашей жизни — службы. Спокоен относительно к тому, что дальше предоставит воля Божья, но домой тянет меня с большей болезненностью — больше ощущается время разлуки. Но настроение бодрое: из-за сознания необходимости испытания больше становится вопрос о необходимости начать пастырскую работу, количество русских возрастает. Раньше одна забота была о поддержании своей морали. Прочитал оба тома Prat'a. Читаю Библию с Fillon'ом²⁷. Общаюсь больше всего с Юрой. Он в хорошем виде, физическом и духовном, сообщи бабушке. Сейчас 10, французы улеглись, самый блаженный час. Мы сидим за столами, пишем и читаем. Я живу на верхней койке у окна, подо мной Анатолий²⁸, на соседней — о. Димитрий и Юра под ним. Напро-

тив Ф.Т.²⁹, Кейфер — через одну от меня. У нас русский угол, русских в комнате 11 человек. Когда кончается день, залезаю наверх, курю папиросу... и думаю о Собачках. Затем я молюсь о них, скоро засыпаю. Утром встаем в 7, набираем чай в термос, идем на поверку. Стоим полчаса, иногда час. Читаю послания ап. Павла или молитвы перед Причащением, потом служим литургию, пьем чай (с теми, кто причащался, главным образом О. Д., Юра и я), читаю у себя на койке, после завтрака иногда удается заснуть на секунду. Страшный гам, днем время как-то тратится более бесконтрольно, вижу с людьми. Читаю. Вечером в 5 ч. снова Appel³⁰, потом вечерня — ужин из посылочных продуктов, какао или чай, разговоры. Завтра, в воскресенье, устроим розговени из полученных пасхальных посылок. На Пасху мы их не получили, получили на святой. Кейфер угостил на Пасху из своей. Я с нетерпением жду известий о твоём переезде на другое место³¹. Думаю, что это очень важно. Мне было неуютно за моих птичек.

В день рождения выпил впервые за время заключения — рюмку водки. Сидел на койке — подошел один человек мало знакомый, получивший посылку, и угостил. Я подумал, может быть, Томкин сейчас объединяется с нашими друзьями, и пьют за собаку, и Господь устроил, чтобы и я принял участие. Великое в малом выражается, может быть, и в таких маленьких событиях. Эта рюмка прогрела душу.

Как приятно, что в церкви все идет хорошо. Ежедневно поминаем прихожан. Молимся за Пани Марию. Да воздаст ей Господь! <...>

P. S. 1 Спроси Владыку: в случае моего освобождения, могу ли я оставить антиминос о. Д. Соболеву, чтобы не оставлять русских и других православных без службы.

P. S. 2 Написал ли ты о моем заключении папе³²? Есть ли от него известия?

9 мая 1943

На жен мироносиц

Родной мой Томик.

Поздравляю тебя с днем Ангела, который сегодня праздновали. Не падай духом, не ослабевай, этим и меня поддержи. Ведь ничего трагического нет. Все это ненадолго. Рассматривай нашу разлуку не как насильственное разлучение, а так, как если бы я был послан Церковью в миссионерскую поездку на несколько месяцев. Оно ведь так и есть: я служу, проповедую, исповедую и т. д. В худшем случае пошлют работать в Германию. Но, как видишь, прошло 4 отправки, в которые никто из нас не попал и, м. б., не попадет. Да и там ничего страшного нет, вероятно, будет больше свободы как у работающих. А главное, так явна забота о нас Бога, которая всюду сохранит. Но старайся во что бы то ни стало съехать с Лурмеля. Впрочем, тебе виднее, но меня беспокоит твое там пребывание, хотя, с другой стороны, — Покров Божьей Матери и близость церкви и богослужений — решай сам, мой Томик.

Мы каждый день служим литургию в маленькой комнате, которую приходится иногда менять. <...>

Будь радостной, мой любимый Томик. Для нас очень нужно было это испытание. Я все боялся, что мы слишком уповали на благополучие. Выйдем из испытания более закаленными. Сейчас проверка.

Храни тебя Господь. Целую тебя крепко-крепко и моих деток. Поклон всем друзьям, Бабаджану³³.

Крепко любящий тебя. Дима.

Приписка красным карандашом от Юры:

Христос вас храни. Целую Юра.

19 мая

Родной мой Томик.

Имею 10 минут написать тебе. Слава Богу, что упадочное настроение прошло. Только что получил 300 Frs., сегодня же

обе посылки, башмаки давно ношу, они хороши. Очень благодарю подаривших. Отправкой не пахнет пока, наоборот, мы здесь, кажется, пускаем корни. Сегодня была чистка барака. Обещают дать право на 2 открытки в месяц. Часто думаем, каких трудов доставляют наши посылки. Ф.Т. собирается подавать прошение об освобождении. Меня не надо отмежевывать от «Православного Дела». Мы все равно несем ответственность и одинаково ни в чем не виноваты.

Христос с вами, родные птички

Целую крепко.

Дима.

2 июня 1943

Канун Вознесения

Мой любимый родной Томик.

Поздравляю Ладика³⁴, тебя и Павкина со днем Ангела Ладика. Скажи ему, что все время о нем думаю и молюсь. Слава Богу, что хорошее настроение вернулось к тебе. Надо терпеливо настроиться на, м. б., долгий период нашей разлуки, не строя иллюзий на быстрое освобождение, иначе время будет тянуться еще медленнее. Очень долго это ведь продолжаться не может. Зато какая радость впереди. Мы слишком базировались на внешнем благополучии (то есть на убеждении в безопасности). Когда снова заживем вместе – будем закаленные в терпении.

У нас перемена: Я, о. Д. и Юра³⁵ переведены в отдельную комнату как духовенство. Эта комната служит церковью, где ежедневно служим литургию. Барак, соседний с прежним, где сейчас живем, не заселен, кроме трех маленьких комнат: администрация, 3 католических священника и мы. Теперь имеем возможность заниматься, молиться, быть в тишине. Веду кружок по Евангелию, пользуясь Rpat'ом. Ужинаем с нашими в соседнем бараке. В 9 часов, когда прекращается циркуляция по лагерю, мы чувствуем себя как в монастыре. Ти-

шина абсолютная. Окно выходит на плац. Перед нами трава, деревья — простор. Господь милостив. Только бы использовать обстоятельства с пользой. Слушатели кружка — о. Д., Ф.Т., Ю.П. и Юра. Нервы начали отдыхать от шума ругани и драк из-за еды. Стыдно перед теми, кто остается в прежнем бараке. Но оправдание в том, что лучше можешь им служить.

Как бы я хотел подробнее заглянуть в вашу жизнь! Все время строю планы — как мы заживем хорошо. Я думаю, что моя неврастеничность, касательно моего постоянного чувства неисполнения пастырских обязанностей, значительно уменьшится благодаря некоторому перерыву, где они почти сведены к нулю. Таким образом, нет худа без добра, только бы мои птички пережили хорошо это время. Хорошо было бы все-таки переехать вам сейчас куда-нибудь — всякие могут быть перемены в связи с событиями.

В хлопотах обо мне ни в каком случае не надо отмежевывать меня от «Православного Дела». Это бросает тень на него. Это как бы соглашение с обвинениями. <...>

Завтра наши собираются праздновать именины Ладкина. Леонтий Климов трогательно где-то нашел цветы. В нашей комнате после кружка будет чаепитие. <...>

Освободили Потендаки, он тебе все расскажет. За проволокой находится другое отделение лагеря, там есть русские в бедственном положении. М. б., им мог бы помочь М.М. Федоров. Сообщаю их имена. Один из них, Попов Сергей, умирает от истощения. Ему ничем помочь нельзя, кроме молока, м. б., можно послать несколько банок сгущенного. Его № 9690. Alexeeff Theoktist 9493 нуждается, но не более других неимеющих посылок, в общем, подгаладывает, остальные также. На всякий случай даю их имена, если Федоров заинтересуется³⁶ <...>

Спокойной ночи, мой любимый Томзик. Завтра будем особенно молиться за вас в день Ангела Ладкина, а утром припишу еще, что надумаю за ночь.

20.06.1943

Мой любимый Томик.

Пишу, сидя в нашей новой церкви, для которой отведена большая комната. Юра устроил иконостас из кроватей. К нам приехал о. Андрей Врасский³⁷, который оживил нашу жизнь. Нас в комнате теперь 4. Живем складно, продолжаем служить каждый день по очереди. Все причащаемся. Сообщаю по секрету, что стараюсь подготовить Юру к принятию сана. Конечно, это только робкие мечты. Часто вспоминаю отдельные события нашей жизни начиная со свадьбы: Annescu, Meudon и т. д. Эти воспоминания очень радостны. Раньше мало возвращался назад, а сейчас как-то все как на ладони, поскольку остановилось течение будничной жизни: мечты о прошлом очень утешительны. Потом возвращаюсь к будущему. Думаю о нашей жизни в своей квартире с моими птичками. Предстоит знакомство с Павкиным, который будет уж наверно ходить. Надеюсь, что все же это будет скоро. Я наконец получил полагающиеся 600 Frs. кроме 500 недавно полученных. Теперь у нас туго с посылками. Ограничено двумя в месяц. Я получил одну в июне (кроме церковной, которую обещали не засчитывать). <...>

Читать есть что. У о. Андрея есть вроде энциклопедического словаря по богословию. У католических отцов есть Prut об апостоле Павле, где он разбирает послания и их богословие; еще не добрался, т. к. в третий раз перечитываю моего Prut'a и составляю конспект для доклада в кружке, который регулярно действует. Делаю это главным образом для Юры. Он в хорошей форме, бодрый, вырастает в церковную жизнь. Сейчас налаживаю хор, который начинает прилично петь. <...>

К сожалению, не удается рано ложиться — русская манера и у нас в силе. Собираюсь приходиться спать в церковь, в которой стоит около 30 свободных кроватей, — спи не хочу, с другой стороны, хотелось бы и у нас в комнате водво-

рить строгий общежительный устав. Хотя надо сказать, что наша трепня не бесполезна благодаря отцу Андрею, который очень тертый калач в смысле церковного быта — встреч с архиереями, знаток устава и, кажется, серьезный богослов, насколько это пока следует из разговоров. Разговоры раньше были главным образом супового характера, теперь более церковно-бытовые <...>. Все это полезно Юре. Теперь с устройством церкви в отдельном помещении — неограниченная возможность заниматься. Только бы не заселили барак или не угнали куда-нибудь. Я хочу домой, Томкин. Думаю о декабристских женах и моем Томике. Он такой же мужественный. Но там обреченность на многие годы, здесь срок не может быть очень большим. Ты будешь воспитывать и радоваться на деток, а я тем временем вернусь, и все забудется, кроме опыта и закаленности. <...>

Боремся со вшами. Раньше у меня был мистический страх перед ними, когда видел их на других. Теперь спокойно давлю их с чувством глубокого удовольствия. Хуже — блохи, эти сволочи. Здесь живут в соломенных матрацах, откуда их нельзя достать. Ночью вылезают и не дают спать, но я начинаю, кажется, и к ним привыкать. Моем пол карболкой и хлором. В отдельной комнате вши не опасны, т. к. они захожие. Часто приходится стирать белье. Время от времени присылай мыло. Спасибо, Томик, за вино. Делаю from time to time глоток за здоровье Томика, угощаю сожителей. Следи, чтобы нам присылали вино для церкви. <...>

Мой родной Томик, крепко молюсь за тебя и деток. Каждый день поминаем на литургии. Будь бодрым. Сохрани свой дух, это залог будущей радостной, энергичной жизни, когда все будем вместе-вместе.

Храни тебя Господь. Крепко целую тебя и деток. Любящий тебя Собака.

27.06

Всех Св. Русских

Мой любимый Томкин.

<...> Нас очень заинтересовали церковные дела: мы предполагаем, что объединение с Petel есть следствие соединения еп. Берлинского Серафима Ляде³⁸ с Сергием Литовским³⁹, который запрещен Московским Сергием, т. о. Petel потерял связь с Русской Церковью. Запрещен он был как раз за свою связь с еп. Ляде, который возглавляет церковь в Германии и целью которого является создать единую эмигрантскую антибольшевистскую церковь. Сам он член Рейхстага и нац. соц. партии. Т. о., в соединении Епархии митр. Евлогия и Petel мы видим общее объединение зарубежной церкви в ее оппозиции Московской патриархии с целью противопоставить эмигрантскую антибольшевистскую церковь. Интересно знать, вошел ли митр. Евлогий в какой-нибудь синод, какие его канонические взаимоотношения с еп. Серафимом Ляде и остается ли он в юрисдикции Вселенского Патриарха. Я слышал, что еп. Ляде был в Париже. Служил ли он у нас на Дарю⁴⁰? <...>

Юра, слава Богу, очень предан Церкви. Он у нас проходит подготовку к священству (секрет). Это его определенное желание. Когда и как осуществится — конечно, загадывать нельзя. Теперь буду читать курс по Новому Завету. 1 раз, а не 2 в неделю, а 1 раз — о. Андрей по литургике. Это меня устраивает — даст возможность готовиться без торопни, тогда я смогу больше использовать материалы и кроме Евангелия заняться ап. Павлом. Здесь есть у католиков Prats, St. Paul (учение ап. Павла). <...>

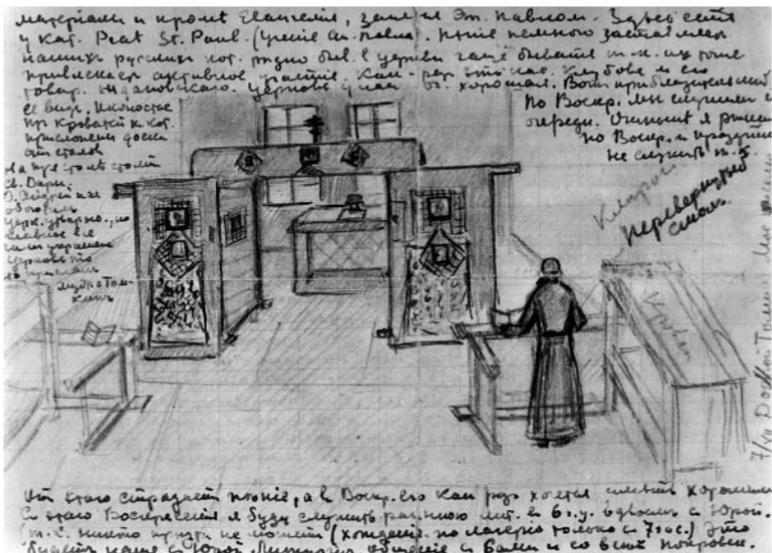
Церковь у нас очень хорошая. Вот приблизительный ее вид: иконостас из кроватей, к которым прислонены доски от столов. На престоле стоят Святые Дары. О. Андрей нас обогатил церковной утварью, но главное, чем украшена церковь, то, что прислал мудро Томкин. <...>

По воскресеньям мы служим по очереди. Отныне я решил по воскресеньям и праздникам не служить, т. к. от этого страдает пение, а в воскресенье его как раз хочется иметь хорошим.

С этого воскресенья я буду служить раннюю литургию в 6 часов утра вдвоем с Юрой (т. к. никто прийти не может, хождение по лагерю только с 7 часов). Это будет наше с Юрой литургическое общение с вами и со всей Покровской Церковью.

Скажи Ладкину, что это я для нее нарисовал, чтоб она знала, в какой церкви служит папа. <...>

Томик, каждый протекший день приближает к нашей встрече. Война не будет вечной, и мы скоро увидимся. <...> Храни тебя Господь, мой очень любимый Томзик. Каждый

Лагерная церковь. Рисунок о. Димитрия в письме от 27 июня 1943 г.

вечер прихожу молиться за вас в церковь и благословляю на престольным крестом. <...>

Еще раз крепко целую. Твой Димский.

Ничего не страшно, кроме компромиссных путей, которые лишают Божьего благословения. Пиши про церковные дела. <...>

8.07. 43

Мой очень любимый Томик.

<...> Сижу в алтаре нашей церкви, сейчас 6 ч. утра, потому что вчера вечером не было света и не мог написать. Ты не должен обо мне беспокоиться. Я все пишу тебе как есть, не скрывая. Тяжела только разлука с вами. Все остальное на пользу. Недоедания, вредящего здоровью, думаю, нет благодаря посылкам. Сейчас бывают весьма приличные супы в полдень. <...> Но спасение от голодовки, конечно, посылки.

Надо кончать, мой Томик, и начать Проскомидию, затем свисток аррел. Потом продолжение литургии. Я очень рад, что тебя не тяготит организация посылок. <...> Целую тебя крепко-крепко. Христос с вами, мои птички.

Дима.

18/VII/43

День Преп. Сергия

Мой любимый, родной Томик.

Господь продолжает хранить нас во всем. А как мои птички? Часто думаю о том, как, должно, бывает трудно <...> Но ни на минуту не надо забывать, что это испытание есть величайшая милость Божья, плоды которой не могли бы быть усвоены при иных обстоятельствах. Это залог более полного счастья. Это для меня несомненно. <...> Только бы дал Господь при возвращении к возможностям к действию сохра-

нить спокойствие и веру в себя (в хорошем смысле). А главное, чтобы твое испытание прошло бы без распатанных нервов. <...>

Жизнь у меня проходит так: встаю в 5:45 – 6 ч. Иду в церковь и готовлюсь к причащению Святых Таин (1 или 2 раза в неделю не причащаюсь, занимаюсь), а если служу, то сразу же совершаю Проскомидию. Я восстановил довольно полный помянник, затем разоблачаюсь и идем на «appel», который длится около получаса. Все выстраиваются по баракам, потом иду в церковь, и начинается литургия часов в 8. В воскресенье я всегда служу раннюю литургию вдвоем с Юрой, и особенно молимся за нашу церковь. Начинаем около 7-ми «Благословено Царство» и успеваем закончить до поздней литургии, которая с хором. <...> С Юрой занимаемся по богословию, у него крепнет желание быть священником. Сейчас я приготовил цикл докладов об исторической обстановке времен Спасителя, и затем продолжается разбор Евангелия. Если мать Мария не вернется домой одновременно с нами, Юру надо будет в Париже пригреть. <...> Томик, не унывай, мой любимый, скоро будем вместе. Бог все устроит глубиною мудрости. Как испытание, так и избавление. Только бы себя морально сохранить и идти прямым путем, в котором благословение. <...>

Литургия Иоанна Златоуста у нас в алтаре, пусть найдет псаломщик. Нам нужны свечи и ладан. Выпроси у кого-нибудь для меня старый зимний подрясник, те, что у меня, совершенно изорвались, я их пришло. На лето я обеспечен летними подрясниками, мне легко и удобно. Башмаки я починил, обувь обеспечен. Все есть – стараниями моего Томика. <...>

31 июля 43

Мой любимый Томик.

<...> Слава Богу, что от папы известия. Напиши ему, как найдешь нужным. Целуй его от меня. Напиши, что после

войны без промедления он должен приехать к нам. Материальный вопрос не может помешать ему жить с нами и внуками. <...>

Сегодня в нашем лагере, в секторе у американцев, ночью были сброшены с самолета 3 бомбы, из коих 2 не разорвались. Никаких жертв не было. Наше окно выходит как раз против того места, куда они упали, т. е. в 200 метрах. Я проснулся от шума мотора, т. к. самолет летел очень низко. Ахнуло довольно оглушительно, но без всяких последствий в наших бараках. В американском лагере полуразрушило барак, в котором свидания. У нас эти происшествия гораздо менее опасны, чем в городе: здания низкие, и много вакантных мест для падения бомб.

С церковью у нас некоторые перемены. Мы лишились нашего помещения, в котором мы были одни, теперь мы переехали с протестантами в такую же комнату в том же бараке. В общем, ничего не изменилось, за исключением того, что приходится комбинировать часы служб (вечерних) и нельзя, когда хочешь, быть совсем одному, но это несущественно. Все хорошо, только бы дал Господь правильный тон <...> и чтобы не услали в Германию. Пока разговоров об этом нет, но т. к. народу набралось много, то можно ожидать отправку. Сегодня я закончил мои занятия по Ветхому Завету Пророчествами и возвращаюсь с понедельника к докладам по Евангелию. Сегодня и завтра собираюсь переписывать канон ко причащению, с введением туда следующего изменения для личного употребления. Мне очень мало дают ирмосы, вместо них я читаю выдержки из 6 гл. Евангелия от Иоанна о Евхаристии, которую я разбил на 8 законченных фраз. Так как у нас молитвослов один, то удобнее иметь канон и молиться отдельно. Я их перепису и вклею в задник Библии. <...> Я очень доволен Юрой. Он возмужал, стал менее эмоционален и неровен. В религиозном отношении, мне кажется, идет ровным, спокойным путем. Стара-

юсь ему прививать все то, что видел в о. Сергии Четверикове⁴¹ <...>

Я очень оценил Ф. Т.⁴², он настоящий человек и друг. Вообще, у нас дружная семья <...>

15 авг.

Дорогой мой любимый Томик.

После визита С. Ал.⁴³ я узнал, что ты пережил гораздо больше, чем мне было известно. Пиши мне всегда, не скрывая, о своем состоянии. Хочу, чтобы ты представляла точно мою жизнь и была бы совершенно спокойна. Очень трудное время было по приезду в Compiègne: отсутствие вестей, слухи о бомбардировке Парижа, беспокойство о том, что вас беспокоят. Питались очень скудно, т. к. суп-вода с кусочками брюквы при 200 гр. хлеба. Утром сладкий чай, вечером чай без сахара, но мы не успели изголодаться (и кое-что у нас сохранилось из Romainville), как начали приходить ваши посылки, которым мы обрадовались, как и вести о вашем благополучии, это спасло нас от голода. В АЗ⁴⁴ мы стали чувствовать себя буржуями, когда стали готовить суп из картофельной шелухи с прибавлением приварок кусочков сала и т. д.

<...> Наши проходят клиросное послушание, должны исполнять обязанности псаломщика. Сначала это делал Юра, потом Ю.К., сегодня начинает Ф.Т. Начинаю привыкать пользоваться камертоном, но часто бесплодно стучаю им и даю тон по наитию.

Видел во сне Павлика, вскоре по приезде сюда в Compiègne, что он меня обнимает, с нежностью ласкается ко мне, как не ласкаются дети его тогдашнего возраста. Это меня очень растрогало, но потом я как-то забеспокоился, т. к. это было в ту ночь, когда над нами пролетела масса аэропланов, один из которых снизился и обстрелял из пулемета наш и соседний барак. В наш попало только 2 пули в коридор, а в соседнем был ранен в голову один человек, который

потом умер. Инцидент совершенно случайный, как и последняя бомбардировка. Мне представилось, что птицы⁴⁵, может быть, в опасности. Томкин! Скоро заживем вместе, не может же без конца длиться наше сидение...

<...> Христос с тобой, мой любимый Томик и детки. Скажи Ладику, что эта картинка для нее нарисована. Жду свидания. Не надо торопиться все высказать, а спокойно выделить только главное, обо всем ведь можно написать, главное, не переживать как тягостный момент разлуки, а как преддверие встречи. Целую Томкина моего крепко, крепко.

Собака.

Фотография детей,
висевшая над кроватью о. Димитрия.
Лето 1943 г.

4 сентября 1943

Дорогой Томик.

Позавчера отправлен Кейфер. Есть основание предполагать, что он через Германию попадет в лагерь под Вену. Говорят, это образцовый лагерь. Мы все были потрясены этой отправкой. Он был настроен очень бодро и оптимистично в отношении себя, но скорбел, что удаляется от жены. Причины его выделения из нашей группы совершенно непонятны⁴⁶. Трудно предполагать, что это из-за подачи прошения об освобождении, т. к. не он один это делал. С ним уехало 1.100 человек. Осталось 1927. Он очень просил опекать жену⁴⁷. Я его успокоил, что, конечно, ты ее не оставишь. Он в очень светлом духовном состоянии. В день отъезда причащался. Мы служили молебен. Его все очень сердечно провожали. У него образовалось много друзей. Пользовался всеобщим уважением также и в качестве Chef de Chambre (ответственный за камеру). Как обстоит со свиданием? Не грусти, если не дадут, т. к. все равно скоро увидимся. Собираюсь к Рождеству быть дома. Жизнь течет в остальном по-старому. Новое то, что начали давать четверть круглого солдатского хлеба вместо $\frac{1}{6}$, как вначале. Уже некоторое время давали $\frac{1}{5}$ — 300 гр. Вполне достаточно, поэтому не присылай сухарей, которые покупаются посредством лишения кого бы то ни было тикеток (карточек). У меня довольно много уходит времени на французский язык. Каждый день я даю урок от 11. 30 до 12-ти. И русский в обмен с 4 до 5-ти. Меня беспокоит, как вы питаетесь. Говорят, в Париже не могли бы питаться. Буду с нетерпением ждать подробностей относительно того, как вы пережили бомбардировку. <...>

Наш храм — в честь святителя Николая. Греческую книгу получил и служил по-гречески. Если можно, пришли еще 1–2 молитвы. <...>

Целую моих горячо любимых птичек. Христос с вами.

12 сентября 43

Мой дорогой Томик.

Пишу 2 слова, пользуясь оказией. Следующее письмо может задержаться на 2 недели благодаря отправке человека, который передавал. Назревают отправки. В ближайшую мы, вероятно, не попадем, т. к. не проходили медицинское освидетельствование, но, думаю, рано или поздно это неизбежно. Теперь не страшно, т. к. ненадолго. Если это случится, ты не должен унывать, расстояние не играет роли. Всюду с нами Бог. Сегодня празднуем мой юбилей священства. Как раз выдали вино. О. Андрей служил молебен и тепло сказал. Молился за птиц⁴⁸. Томкин, ты не должен ослабевать духом ни на йоту, а мобилизуй все церковные средства, чтобы не только сохранить себя для будущей радостной и духовно напряженной жизни и работы, но и возрасти духовно. Все хорошо, Томкин. Все ерунда, что касается материальной стороны, мы едим больше живущих на свободе.

Целую моих дорогих птичек и благословляю. Христос с Вами, и никтоже на Вы. Всех прихожан приветствую.

Сентябрь <43>

Дорогой Томик.

Не знаю, будет ли оказия на будущей неделе написать тебе. Пусть свидание не волнует тебя. Это преддверие скорой, окончательной встречи. Скоро будем вместе. Приготовь мне рассказ про себя, т. к. про меня тебе все известно. Лучших условий трудно себе представить. Ежедневные службы, занятия, жизнь вчетвером в отдельной комнате. Пища совершенно достаточная, последнее время значительно лучше кормят. Бывают время от времени вечером супы Красного Креста. Благодаря вашим посылкам каждый вечер ужин. Я не чувствую никакого истощения. От прогулок не устаю, как раньше. Вставать утром почти не трудно, встаю в шесть, ложимся теперь немного раньше, днем немного сплю.

От жары не страдаю. В бараках душнее, у нас прохладно. Ночью окно открыто. <...> Кроме занятий по Евангелию занят составлением для себя молитв, касающихся причащения Святых Таин. Когда кончу, напишу подробнее.

Увидав тебя, хотел бы ясно представить себе твою жизнь со всеми трудностями.

18 сент. 43

Мой любимый Томик.

Вот мы увиделись. Это свидание — как бы прорыв в иной мир, когда прошло, то не знаешь, было оно или нет. Главное и не спросил и не сказал, но это, очевидно, и невозможно при таких условиях. После визита был *rassemblement general*⁴⁹. Услали о. Андрея. Я все под впечатлением того, как мой Томик готовился к визиту, волновался. Жду с нетерпением письма, чтобы узнать, какое впечатление произвело свидание. Первые два дня мне стало еще тяжелее мое заключение. Как-то реальнее переживалась нелепость нашей разлуки с человеческой стороны. А теперь, пожалуй, свидание служит на пользу. Оно прервало счет дней с февраля, начался новый счет с сознанием, что он, вероятно, будет кратче. Я не сумел понять твоего душевного состояния. Письма больше мне давали, чем свидание. Очевидно, потому, что сама обстановка его в данный момент создала особое душевное состояние, закрывшее основное. На следующий день я получил твою чудную посылку, мы пировали и молились перед едой за тебя. При осмотре *eau de cologne* был в опасности, но был спасен посредством юмора. Меня смутил огромный кусок масла мыслью о том, что знают ли мои птицы такие богатства. Для меня сейчас самое главное — это ваше благополучие. Очень прошу побольше из пожертвованных для меня продуктов оставлять себе. <...>

Вторую страницу этого письма покажи Владыке Митрополиту⁵⁰ <...>

2 октября 1943

Мой любимый Томик.

Я снова вошел в лагерную колею, которая была поколеблена свиданием. Ты не должен судить о моем состоянии по впечатлениям во время свидания. Оно взбудоражило. Вообще-то есть постоянная тяжесть из-за разлуки, но нет смятенности, очень мало нервности. Жизнь размеренная. Если бы она продолжилась очень долго в тех же условиях как сейчас, нет оснований бояться, что эта жизнь может принести вред. Самое главное, это почти ежедневное причащение Святых Таин, постоянные богословские занятия. К мелким трудностям жизни в одной комнате с людьми я привык.

Все дело в тебе. Твоя жизнь сложнее. Ты представляешь себе мою жизнь как главное испытание, в действительности же я за проволокой огражден от всех тягот жизни и опасностей, которые вокруг тебя. На тебе главная задача — не сдать. Я усердно молюсь за моих птичек. Унывать нет оснований. Ведь больше половины испытания пройдено. Вопрос нескольких месяцев, которые с каждым днем сокращаются.

Что касается меня, то мне кажется, что я выйду из лагеря в лучшей форме, чем был до него, потому что последние месяцы были мне не по силам. Атмосфера, в которой протекала работа, была слишком напряженна. Поэтому по выходе я смогу быть для тебя лучшей поддержкой в жизни. У меня, кажется, нет страха перед жизнью. <...> В прошлом письме забыл упомянуть об о. А., что наша церковь в большом дортуаре устроена и спасена благодаря ему — у нас пытались ее отобрать. Пиши про церковные новости. Есть ли общения с Сер. Л.⁵¹.

В прошлое воскресенье наш церковный хор выступал на лагерном концерте. Пели 1) Архиерейское «Достойно» 2) «Со святыми упокой» 3) «Святой Боже» и «Кресту Твоему поклоняемся» 4) «Ангел вопияше». Говорят, публике понравилось. Камертон очень пригодился. Я по воскресеньям не

служу более ранних литургий из-за темноты. Теперь служу каждое третье воскресенье и 2 раза на неделе. <...>

7–8 ноября

Канун именин

Мой очень любимый Томзик, как вы живете, мои птички? Для меня утешение, что вы в тепле. Сегодня и мы затопили печку. Не знаю, как будет с топливом, во всяком случае не будет сырости. Томик, долгота сидения начинает тяготить сильнее, чем раньше, но в уныние не впадаю. Стараюсь заниматься. Повидай, пожалуйста, Владыку через несколько дней. <...> Спроси Владыку, имеет ли он сведения о том, каково суждение о нас русской церковной власти?

Спокойной ночи, мои птички, завтра допишу, помолюсь о вас (я в церкви), благословлю вас запрестольным крестом и лягу, пока не потушили свет (тушат в 10 ч.). Мой любимый Томик, завтра мои именины, буду молитвенно с вами и друзьями, с которыми будешь, наверно, объединяться. <...> Пришли черных Waterman чернил, это важно для моих записок по Новому Завету. Психологически готовлюсь на зимовку и стараюсь не поддаваться мечтам выйти до весны. Томик, время скоро пройдет, только бы морально победить, а это мы сделаем с Божьей помощью. Томзик, вот выборки, которые я сделал, чтобы Ты прочел:

Иак. 1, 2–5; 2, 20–21

Рим. 8, 18

1 Кор. 10, 3

2 Кор. 1, 3–5, 4–17; 8, 1–2

Еф. 6, 8

Флп. 1, 29

Кол. 4, 2

Фес. 5, 16–19

1 Тим. 6, 12

2 Тим. 2, 3–7; 3, 12

Евр. 2, 4–12; 13, 2–14.

Из всех Псалмов я выбрал:

Пс. 18, 22, 26, 28, 30, 31, 33, 38, 41, 44, 45, 56, 61, 62, 64, 65, 68, 70, 83, 90, 95, 120, 138, 146, 148.

Их я читаю как мое молитвенное правило, главным образом во время Аррел'а.

Стараюсь представить себе, как вы живете, как копошатся по дому детки <...> Мрачные мысли гони молитвой Иисусовой. Часто причащайся Святых Таин. Думай о будущей, энергичной жизни и работе для Церкви. Настоящее испытание пролетит, как сон. У меня новое занятие: игра в шахматы. Замечательно помогает вырываться из обстановки. <...> Ладик, мой любимый, я жду от тебя письма, скорей научись писать. Я очень надеюсь скоро быть с вами, усердно молюсь за вас, спасибо, что ты с Томкиным молишься за меня. Наверно, вашими молитвами Бог мне помогает в лагере. На этой бумаге я ничего не могу нарисовать как следует. Храни вас Господь, мои любимые птички. Ваша Собака.

P. S. (*рисунки*) Это дом, в котором мы живем. Наше окно посередине.

Прошу прислать мне ваши фото. Хочу иметь понятие о современном виде Павкина.

20.11.43

Мой дорогой, маленький Томик.

Устраиваем новую церковь, т. к. наша отобрана под жилое помещение. Новая – в деревянном отдельном бараке на плацу, где служат католики. Перегородкой отделена часть барака. Церковь получилась вроде кламарской, побольше размером, светлое дерево. Завтра в воскресенье будем в первый раз там служить. С улицы, если встать около памятника, можно при открытых дверях хорошо услышать пение. <...>

Воспроизведение письма о. Димитрия от 8 ноября 1943 г.

Меня беспокоит указ о регистрации латвийских подданных. Как твои дела в этой связи? Конечно, надо ждать последнего срока. Нельзя ли *Refugie russe*⁵²? Сегодня полтора часа стояли на холоде. Моя одежда вполне достаточна, мерзнут ноги, несмотря на 2 пары шерстяных носков. Единственный способ — топтаться на месте. В комнате мы протапливаем 1 раз в день, готовя ужин. Целый день очень холодно, я много времени провожу на постели, окутав ноги, ложусь окончательно около 9 час., в 10 тушат. С нетерпением жду твоего письма вообще и, в частности, по поводу церковных дел. Если Владыка ответил, что не имеет сведений о церковном положении, то очень прошу съездить к нему снова, т. к. сведения у него теперь должны быть. <...>

Мой любимый Томик, не унываешь ли? Скоро все будет позади и много большого и интересного впереди (мои письма жги)⁵³ <...>

Служили в новой церкви. Она гораздо лучше прежней. Вместо кроватей иконостас из таких же светлых досок, как стены. Хорошо уединяться. Меньше мерзнут ноги (пол деревянный). <...>

Спасибо, Томик, за икону, это лучшая, которую я когда бы то ни было имел. Она висит над кроватью. Когда служу, ставлю на престол. В составе наших русских нет перемен. <...> Вскоре, впрочем, будет *Depart*⁵⁴. С каждым разом надежда остаться возрастает. Но все же неудобно. Как Бог даст. Храни тебя Господь и моих птичек. Нежно целую вас <...>

13 декабря 1943

Мой нежно любимый Томик.

Нас неожиданно назначили сегодня к отправке, очевидно, в Германию. Едут Юра, о. Андрей, Анатолий и ряд русских: Клубов, Ждановский, Макаров, Сколзузов, Оникей, Диаконов, Ткаченко, Мезинцев, Гаврилов.

У меня полное сознание совершающейся воли Божьей и начала нового церковного послушания. Остается о. Димит-

рий, которому прислали антиминс и т. д. Жаль Федора Тимофеевича, который грустит о нашем отъезде. Для меня единственным тяжелым моментом является то, как примет новое испытание мой Томик. Для меня ясно, что расстояние духовное не увеличится. Граница не имеет значения. Все скоро кончится, и мы будем вместе. В Германии я буду в большей безопасности, здесь намечались трудности. К нам начали относиться с подозрением. Там мы смешаемся с массой незнакомого народа.

Обещай мне, мой Томик, напрочь все духовные силы, чтобы быть в мире и молитвенной уверенности о Божьем попечении о нас. Часто причащайся Святых Таин. Будь все время с людьми, могущими тебя поддержать. Не давай унынию и раздраженности пускать корни и беги скорее на исповедь к ближайшему священнику. Бывай у отца Сергия. Храни свой мир ради того, чтобы дети это трудное время пережили без депрессии, которая может отразиться на всей жизни. Тоже ради меня, чтобы, когда вернусь, мы бы вместе начали радостную, энергичную жизнь. Я вернусь с большим жизненным опытом, вероятно, с новыми духовными силами, но будет и усталость от пережитого. Я буду ждать большей поддержки. Верю, что все будет хорошо. Утешь меня своей бодростью. В этом весь залог моего настоящего благополучия, ибо я ко всему готов, кроме вашего страдания и печали.

Надеюсь, что вскоре наладится связь. Наверно, дадут написать открытку <...>

Мой любимый родной Томик, Ладик и Павлик, обнимаю вас и благословляю. Каждый вечер, ложась, целую иконку, которую ты прислала (*неразб.*), глазу фотографии, будто бы вас. Я так близко чувствую ваше присутствие, любовь, заботу. С нами Христос. Все окружающее так неважно по сравнению с Его к нам любовью.

Радуйтесь, птицы, скоро увидимся.

Ваш бодро Димский.

Письмо к митрополиту Евлогию⁵⁵

18.09.1943

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко.

Большое Вам спасибо за подярасник. Спасибо за Ваше доброе отношение к Тамаре и ко мне, что является большим утешением в нашем испытании. Благодарю Бога за Его великую милость ко всем нам. Мы с большой радостью узнали о созыве собора и избрании Патриарха. Имеет ли это событие какое-либо отражение в нашей заграничной церковной жизни? Нам стало известно, что Русская Церковь предлагает заграничному духовенству и мирянам соединиться с нею, причем отсрочка нашего решения в ожидании наступления более благоприятного времени приведет к отказу со стороны Русской Церкви нас принять. Диктуется это решение невозможностью при будущих нормальных условиях произвести отбор духовенства по признаку искреннего отношения к Русской Церкви, а не оппортунистическому. Мне чрезвычайно интересно было бы узнать Ваши, Владыко, соображения по этому вопросу. Как жаль, что нельзя сесть на метро и приехать к Вам. Спасибо, Владыко, что Вы, несмотря на нездоровье, приехали в нашу церковь на Покров. Слава Богу, наши церковные дела, как я слышал, идут хорошо и все довольны о. Стефаном⁵⁶. Здесь у нас тоже маленькая церковная община. Позавчера было присоединение одного русского из протестантов. Объединяющим началом является о. Андрей, который пользуется в лагере уважением как русских, так и французов. За несколько месяцев совместной жизни я хорошо его узнал и очень его ценю как человека, заслуживающего доверия. Была группа греков, человек в 20, служили службу для них частью по-французски, частью по-гречески. Их, к счастью, освободили. Свободное время стараюсь посвятить изучению Священного Писания. Через месяц надеюсь закончить чтение курса по Евангелию. Мои слушатели Ф.Т. и Юра Скобцов.

День проходит очень быстро. Последнее время сидение стало как-то тяготить больше, чем раньше, ведь уже 7 месяцев как мы за проволокой. Вот, Владыко, приблизительное описание нашей жизни. Церковь у нас большая. В ней может поместиться чел. 100. Она была только однажды полна, когда мы служили литургию на французском языке, 14 июля. Вообще же посещают ее ежедневно 7–8 чел. из 20 русских.

Еще раз прошу Ваших молитв, дорогой Владыко, и Вашего благословения. Дай Вам Господь сил и здоровья —
Любящий Вас священник Димитрий.

---

¹ Письмо Н.А. Бердяева о. Димитрию Клепину (без даты), архив Е.Д. Клепониной-Аржаковской.

² Брат Димитрия, Николай Андреевич Клепинин (1899–1941), собирал материал о гонениях на Церковь в Советском Союзе.

³ О. Александр Ельчанинов.

⁴ Анна Федоровна Шумкина.

⁵ Нина Николаевна — жена Николая Андреевича Клепинина, Соня — их дочь.

⁶ Феодосий Георгиевич Спасский — друг и сокурсник Димитрия по Богословскому институту.

⁷ На улице Монпарнас, дом 11, в Париже помещался центр РСХД и ИМКИ, там была и церковь.

О. Лев Жилле, французский католический священник, ставший православным, служил на французском и на славянском языках. Он многое сделал своими книгами и беседами для православия во Франции и Великобритании.

⁸ Ирина Васильевна Степанова, в браке Окунева, — двоюродная сестра Димитрия. Работала в ИМКЕ, после войны уехала с мужем в Америку, где преподавала в университете, в Бостоне.

⁹ Тамара Федоровна Баймакова, в будущем жена Димитрия, жила в доме Н.А. Бердяева.

¹⁰ Леопардом называли у Клепониных тетку Анну Николаевну Гиппиус, младшую сестру Зинаиды Николаевны. Сестры Гиппиус приходились двоюродными сестрами матери Димитрия.

¹¹ Опубл.: Вестник РСХД. II–III. 1993. № 168. С. 93–96.

¹² Коломбель, городок в Нормандии, где жил и служил друг и сокурник Димитрия о. Михаил Соколов.

¹³ Архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской.

¹⁴ О. Димитрий был назначен митрополитом Евлогием настоятелем лурмельской церкви при общежитии матери Марии (см. *Слово митрополита Евлогия на собрании памяти о. Димитрия Клепинина*, раздел СВИДЕТЕЛЬСТВА), сменив архиепископа Киприана (Керна), углубившегося в исследовательскую и преподавательскую работу в Богословском Сергиевском институте.

¹⁵ Архив о. Сергия Гаккеля (Великобритания).

¹⁶ Архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской. Выборочно опубл.: Христианос (Рига). 1999. № VIII.

¹⁷ См. также раздел СВИДЕТЕЛЬСТВА, *Письма протоиерея Сергия Булгакова к Т.Ф. Клепининой в период ареста и мученичества о. Димитрия*.

¹⁸ Письмо о. Димитрия от 2 июня 1943 г., написанное в канун Вознесения. Тамара Федоровна, по получении писем о. Димитрия, делала выписки из них и пересылала их о. Сергию.

¹⁹ Павел Клепинин, сын о. Димитрия.

²⁰ Ferdinand Prat (1857–1938) — иезуит, автор книги «Жизнь и учение Иисуса Христа».

²¹ Юра Скобцов — сын матери Марии.

²² Кейфер — Юрий Павлович Казачкин.

²³ Романвилль — форт к северо-востоку от Парижа, во время оккупации — тюрьма, первое место заключения о. Димитрия и матери Марии.

²⁴ О. Михаил Бельский — священник, участвовавший в работе объединения «Православное Дело».

²⁵ На улице Петель в Париже был основан приход «Трех Святителей», центр церковной жизни русских православных, находившихся в юрисдикции митрополита Сергия Страгородского.

²⁶ Любимые мои. Наше состояние зависит от вашего. Напишите маме, что у меня все хорошо и что думаю я лишь о вас. Нежно-пренежно целую бабушку, папу, Жана, О.М. Я тронут вашими заботами обо мне, но не обделяйте себя. Храни вас Господь. Будьте счастливы. Пошлите мне ваши фотографии в посылке. Тебе, Жан, поручаю бабушку. Я тебе доверяю и горжусь тобой.

²⁷ Louis Claude Fillon — комментатор Библии (XIX в.).

²⁸Анатолий Висковский — помощник матери Марии, вырученный ею из психиатрической больницы.

²⁹Федор Тимофеевич Пьянов.

³⁰Переключка.

³¹Гестапо грозило арестом и Т.Ф. Клепининой. С.С. Куломзина предоставила семье о. Димитрия свой загородный дом в Viroflay, где она жила до конца войны.

³²Андрей Николаевич Клепинин, отец о. Димитрия, работал в Сербии. Под конец жизни перебрался к дочери в Париж. Умер в 1954 г. См. его свидетельство о смерти сына (раздел СВИДЕТЕЛЬСТВА).

³³Псаломщик лурмельской церкви.

³⁴Елена Клепинина, дочь о. Димитрия.

³⁵Юра Скобцов был уже посвящен митрополитом Евлогием в псаломщики. О. Димитрий готовил его, по его желанию, к священству.

³⁶Следует перечень имен с номерами заключенных.

³⁷Андрей Врасский, протопресвитер, погиб в заключении.

³⁸Серафим (Ляде) — митрополит, член Зарубежного Синода, проводник прогерманской политики. Окормлял православных христиан на территориях, оккупированных Германией.

³⁹Сергий (Воскресенский), митрополит Виленский и Литовский, управлял православными приходами и монастырями в Прибалтике.

⁴⁰На улице Дарю в Париже находится кафедральный собор Русского экзархата Вселенского Патриархата, центр церковной жизни русских православных, находившихся в юрисдикции митр. Евлогия.

⁴¹О. Сергий Четвериков — церковный писатель, духовник Русского Студенческого Христианского Движения, один из учителей и покровителей о. Димитрия.

⁴²Федор Тимофеевич Пьянов.

⁴³Софья Алексеевна Пьянова.

⁴⁴Сектор лагеря.

⁴⁵Имеются в виду дети о. Димитрия.

⁴⁶Юрий Павлович Казачкин, инженер-строитель, был направлен в Бухенвальд для постройки новых бараков. Он встретил о. Димитрия в деканате, когда он в свою очередь был депортирован в Бухенвальд.

⁴⁷Юдифь Леопольдовна Казачкина нашла убежище в Viroflay у Тамары Федоровны.

⁴⁸Имеются в виду дети о. Димитрия.

⁴⁹ Общий сбор.

⁵⁰ См. письмо к митрополиту Евлогию от 18.09.1943.

⁵¹ Еп. Серафим Ляде. О. Димитрия беспокоят смутные слухи о возможном соединении митрополита Евлогия с правыми карловацкими церковными деятелями, которые придерживались пронацистских настроений.

⁵² У Тамары Федоровны, выехавшей из Риги, был латвийский паспорт. Немцы установили в 1943 г. регистрацию латвийских подданных, но Т.Ф. не пошла регистрироваться.

⁵³ О. Димитрий остерегался обысков у жены. Т.Ф. не сочла нужным уничтожить письма мужа и опубликовала выдержки из них в «Вестнике РСХД» (1993. № 168. С. 96–98).

⁵⁴ Этап.

⁵⁵ Письмо вложено 2-й страницей в письмо к жене от 18.09.43.

⁵⁶ О. Стефан Книжников.

Воспоминания
Свидетельства
Почитание

Воспоминания родственников

Запись А.Н. Клепинина¹

Это было в 1944 г., осенью. Я лежал в больнице (родник Бор), одинокий, 72-летний старик, получивший незадолго до начала моей болезни известие о смерти сына в Германии.

Легко себе представить состояние души такого человека. К счастью, у меня не было чувства злобы к людям, погубившим моего сына, и это мне облегчало нести свой крест. Не могу искренно сказать, что я простил своим «должникам», но, повторяю, злобы не было.

Мы горюем и плачем о наших любимых, ушедших в другой мир, но, в сущности, мы жалеем себя, а не их. Вера в этот другой мир должна бы нам подсказать, что если есть твердая уверенность в том, что жизнь нашего любимого усопшего была такова, что нет ни малейшего сомнения в его спасении и получении от Господа вечной жизни, то мы должны бы почувствовать и пережить не горе, а радость. Но мы слабы, и без помощи свыше не можем примириться со своим положением.

Вот в каком состоянии я был тогда. Болезнь уже прошла, я выходил каждый день на прогулку и в скором времени должен был выписаться из больницы.

В один из последних дней утром я лежал в постели. К большому сожалению, не могу припомнить, о чем я думал; могу лишь твердо утверждать, что психологически и физически был в совершенно нормальном состоянии, когда со мной произошло мгновенно необычайное явление: я как бы разделился на два существа. Физическими своими глазами ясно видел лежащих в палате больных, через окно — знакомый пейзаж, где я каждый день гулял, а внутри все осветилось ярким ярким светом, таким, какого не бывает на земле.

Это не солнечный свет, не электрический, не какой-либо другой земной. Поэтому скептический человеческий ум не может сказать, что это фантазия, что я себе представил, выдумал. Как мог я выдумать то, чего не знаю, никогда не видал и чего никакими человеческими словами передать невозможно. Но, конечно, наша слабая и недостаточная вера в чудо в конце концов, может быть, нашла бы какое-нибудь человеческое объяснение, если бы, к счастью, не было бы самого главного, а именно: в это мгновение, когда так ясно почувствовалось бытие души, ощутил такое счастье и радость, которое никакими человеческими словами передать невозможно...

Я знаю земное счастье и радость хорошо. Господь милосердный дал мне их в моей жизни в избылии. Я знаю чудо исцеления (все знаменитые врачи предсказывали, что я буду горбатым); познал чудо спасения два раза в жизни от смерти и страшного ранения. Знаю радость и счастье семейной жизни, радость от удачи в работе, творчестве и полного благополучия жизни. Все это доступно человеческому разуму, и все это можно рассказать. То же, что я почувствовал в то мгновение, не поддается человеческому разуму. Это то, что сказал Христос, — *«радость совершенная»*.

Скептический ум опять вопрошает: может ли обычный грешный человек получить такое счастье — чудо? Но на это есть тоже ответ Христа: «Не здоровые, а больные нуждаются во врачах» или: «Я пришел призвать грешников, а не праведников». И еще одно: мог ли старый отец, горюющий о потере сына, думать и представлять себя счастливым?

Воспоминания Е.Д. Клепининой-Аржаковской²

Сегодня исполнилось сорок лет со дня кончины моего отца, священника Димитрия Клепинина, умученного в немецком концлагере «Дора» 9 февраля 1944 г. Мне тогда было непол-

ных 6 лет. Но мне кажется, что детская любящая память по-своему верна: она сохраняет лишь отрывки, но со всеми подробностями, в т. ч. духовными.

...Я вижу отца в церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Лурмеле, выходящего из царских врат с чашей. Я на руках у матери, жду очереди, чтобы причаститься, и чувствую гордость, что священник — мой отец, поэтому начинаю шалить, стараясь привлечь его внимание. Но он мне делает знак, глаза его становятся все строже-строже, и мне — стыдно.

А вот он, наоборот, очень веселый: с развевающейся рысью он бегаёт по двору Лурмеля с ребятами русской школы. Они играют в коршуна, и я с восторгом и ревностью смотрю на их игру, меня к ним не пускают, я маленькая. А теперь

О. Димитрий, Тамара Федоровна и Ладик в доме Н.А. Бердяева

отец играет со мной, у нас в комнате он стоит на табуретке, он мне кажется гигантом, с его рук спускается белая птица из бумаги, которую он для меня смастерил. Я долго была уверена, что все «папы» — священники, и рассказала однажды сказку, где птенчик летит за своим папой и клювом тащит его за ряску домой!

И вот удивительное явление: воспитанная в церковной среде, окруженная друзьями отца, священниками (как отец Никон, будущий епископ), псаломщиками (как Алексей Бабджан), регентами (как Федор Паторжинский), хористами, прихожанами нашего прихода; впитав все божественное как естественное течение от Отца Вседержителя через отца-служителя, я восприняла его смерть как непосредственное возвращение в лоно Отца, в рай. Меня больше взволновало горе мамы, чем отсутствие папы. Вышло так, как будто он остался навсегда в алтаре и не выходит к своей пастве, но это не грустно. Ведь он там, где Бог, и продолжает Ему служить.

Выходило так, что все прихожане и наша родня разделяли мое мнение. Все вспоминали его с такой любовью, с такой благодарностью, что грусть их была легка, как наша скорбь по распятому Христу, о Котором мы знаем, что Он воскрес.

---

¹ Клепинин Андрей Николаевич, отец о. Димитрия.

² Дочь о. Димитрия и Тамары Федоровны Клепининых.

Текст, написанный 4 февраля 1984 г., в день сорокалетия гибели о. Димитрия Клепинина.

Воспоминания друзей

С.С. Куломзина¹

Про одного священника

Об о. Димитрии Клепинине

Со студенческих лет нас связывали глубокие дружеские отношения, и я испытывала сильное его влияние.

Он был худощавым, небольшого роста, невзрачным... В его наружности не было ничего героического. Сквозь очки в стальной оправе глядели близорукие глаза, слегка косящие, зубы были неровные, нос «картошкой». Когда он еще

В лагере девочек. О. Сергей Четвериков и его чада.

В верхнем ряду – семинарист Димитрий Клепинин

был студентом Богословского института, он бывал в летних лагерях девочек в качестве псаломщика и регента хора, и девочки сочинили о нем песенку:

Есть у нас один мужчина,
Это наш любимый Дима.

Почему мы все его так любили? У него было удивительное чувство юмора, он был прост, чрезвычайно скромнен и очень добр, и он всегда интересовался судьбой людей, с которыми он сталкивался. И сквозь личность этого остроумного и скромного человека, которого мы знали, просвечивала искра того, что я не могу иначе назвать как «святость». В нем была мудрость, близость к Богу, нежная сила любви. <...>

Никогда не забуду нашего первого лагерного богослужения. По неопытности мы думали, что наших несколько поющих девочек и приехавший с о. Сергием Четвериковым семинарист Дима Клепинин составят хор. Но не тут-то было... Наш семинарист был неопытным регентом, а девочки, конечно, ничего не знали — песнопения всенощной менее знакомы, чем песнопения литургии. Бедный хор по несколько раз принимался за какое-нибудь песнопение, путался, фальшивил, останавливался опять и опять, ничего не получалось... Собравшиеся в церкви девочки начали хихикать, посмеиваться. Мы еле дождались конца. Маня Зернова, выходя из церкви, сказала: «Нет, это невозможно... Это просто кощунственно, — нельзя завтра служить литургию. Попросим о. Сергия подождать со службами, пока хор не споется...» Мы все с ней согласились, но тут к нам подбежала одна из самых маленьких девочек, Ирина Вишнякова, и заговорила: «Как чудно, как замечательно! Завтра день моего рождения, и вот у нас теперь церковь, и будет служба, и я смогу причащаться во время первой службы! Ах, как хорошо все выходит!» Маня Зернова грустно взглянула на меня: «Ничего не поделаешь... Придется служить... Ведь не можем же мы так огорчить ее...»

Дима выбрал пятерых девочек, трое из которых учились в детских приютах и пели в церковном хоре, и отправился с ними на берег моря разучивать песнопения. По крайней мере два часа вдалеке раздавались жалобные голоса. Однако в воскресенье утром в церкви маленький хор пел, не сбиваясь, вполне удовлетворительно, и сияющая Ирина причащалась, и все ее поздравляли. <...>

Димитрий окончил Богословский институт в Париже в 1930 г., но прошло 7 лет, прежде чем он смог принять священство. В 1937 г. он женился и был рукоположен.

В Париже в это время жила необычная монахиня — мать Мария. Оригинальность ее заключалась в том, что она не походила на обычный стиль традиционной православной монахини ни в одежде, ни в образе жизни.

О. Димитрий появился в Покровском храме общежития в 1939 г., накануне войны, в осенний дождливый день, промокший, но невозмутимый. Его серо-голубые глаза близоруко взглянули на необычайную мать Марию, немного неуверенно, т. к. он сам не был по натуре агрессивным. Никто не мог предвидеть в этот момент, что им обоим предназначено было мученически погибнуть за общее дело.

Началась Вторая мировая война, полная трагических событий во всей Европе. Париж был оккупирован немцами. Через несколько месяцев стало не хватать продуктов питания, топлива и необходимых предметов. Больше всего страдали неимущие, а Лурмель был убежищем для бедных. Самым ужасным было преследование нацистами евреев.

Мать Мария стала активной участницей Сопротивления. Это отвечало ее энергии и бесстрашному характеру. Одновременно о. Димитрий предпринял свою акцию «крещения из жалости». Однажды он пришел к матери Марии за советом и своим обычным скромным тоном спросил: «Как мне поступить с людьми, приходящими ко мне за свидетельством о крещении, но признающимися, что они неверующие?»

Мать Мария не отвечала. «Я полагаю, — спокойно сказал о. Димитрий, — что милостивый Христос дал бы мне это свидетельство, если бы я был в подобном положении. Я тоже должен исполнить их просьбу». О. Димитрий никогда не крестил никого, если человек не желал искренно стать христианином. Но он выдавал евреям свидетельства о крещении, число которых вскоре достигло несколько десятков. <...>

С.П. Жаба²

За други своя...

Свидетельство

Тот самый праведник, без которого не стоит ни село, ни город, ни вся земля наша...

Можно сказать не обинуясь: для тех, кто знал о. Димитрия Клепинина, встреча с ним была подлинным духовным событием. Те, в чьей памяти он живет (а в особенности его многочисленные духовные дети), его помнят и знают: он был подлинным праведником, исполненным Правды Христовой. При строгой взыскательности к себе, не было в нем суровости к ближним. Но кто встречал его взор, слышал его тихую, неторопливую речь, сам становился требовательным к себе. <...>

О. Димитрий был духовным «будителем», бесконечно скромным пастырем, не искавшим ничего для себя, а все лишь для дела Христова. Быть может, потому он и стал настоятелем храма «Православного Дела», созданного матерью Марией как раз для победы заповедей Христовых в жизни, и за его великую скромность и полное бесстрашие о. Димитрия можно было бы назвать капитаном Тушиным Воинства Небесного.

О каждом человеке — замысел Божий. Так же, как и мать Мария, о. Димитрий этот замысел выполнил.

Знаменательно сложилась судьба о. Димитрия. Его ду-

ховным отцом был о. Сергей Четвериков — и вера, светлая, непобедимая, привела его к мученическому концу. А его крестным отцом был Д.С. Мережковский — и нелегким путем пришел о. Димитрий ко Христу... <...>

Письмо, написанное о. Димитрием к другу³, несколько знакомит нас с душевным миром о. Димитрия и проливает свет на его пастырское служение. Он пишет:

«Характерно, что в будущем веке не будет веры и надежды, останется только, освобожденная от всего прикладного, — Любовь. Она несомненно есть содержание жизни, т. к. жизнь сотворена Любовью и заключается в возвращении к первооснове — Любви. Все остальное есть испытание воли к этому возвращению. Все положительное вырастает из Любви, все отрицательное — неправильное выражение Любви — паразит на теле Любви. Такова сущность всякого греха, а следствие его — страдание, отдаление от Любви».

Как не вспомнить: «Любовь, которая движет солнцем и другими звездами». Может быть, не многие знают, что митрополит Евлогий советовал своим духовным детям: «Когда я умру — исповедуйтесь у о. Димитрия».

Мы знаем, что о. Димитрий особенно чтил св. Филиппа, митрополита Московского, исповедника правды, заступника за гонимых, мученика. Но был и дугой святитель, на которого о. Димитрий ссылался, особенно в дни оккупации: св. Иоанн Златоуст.

Св. Иоанн Златоуст укрыл в храме и спас своего ненавистника, евнуха императрицы, который искал погубить святителя злой клеветой. Но евнух сам впал в немилость, должен был быть схвачен и казнен. И Иоанн Златоуст, с большой опасностью для себя, не отказал своему злейшему врагу в священном праве убежища.

О. Димитрий как бы предвидел свой мученический конец. В том же письме к другу мы читаем:

«Особенно ярко идея любви как самоцели выражается в мученичестве. Св. Игнатий Богоносец в своей молитве перед мучениями

просит зверей, чтобы они смолотили его тело, чтобы оно превратилось в зерно, дабы стать Хлебом Христовым. Показателен тропарь мученицам:

“...Тебе, Женише мой, люблю и ТЕБЕ ИЩУЩИ, страдальчествовую и срастинаюся, и спогребаяю Крещению Твоему, и стражду Тебе ради, яко да царствую в Тебе и умираю за Тя, да и живу с Тобою; но яко жертву непорочную прими мя, с любовью пожержуюся Тебе...”»⁴

О.В. Татаринова⁵

Из письма

Женева

4 ноября 1995

<...>

О. Димитрия я любила так, как мало или даже почти никого в жизни. Без всяких социальных теорий, он был просто добрый человек, и для него каждый был человеком. И такого шарма, личного и человеческого, как у него, я просто не видела. В первый раз я узнала о нем еще в Варне... Поэтому, когда мне в Движении показали Диму Клепинина, я сейчас же заинтересовалась.

Я совершенно нечувствительна к внешней красоте людей, но тут я сразу же подумала: какой некрасивый молодой человек. Борода его впоследствии очень скрасила... Познакомил меня с ним наш общий друг, тоже мной очень любимый, Феодосий Спасский. Его шарм так меня сразу очаровал, что о некрасивости я совершенно забыла. Дима стал у нас бывать, и он часто был «кухонным мужиком» в девичьем лагере РСХД. Там он стал другом нашей молодости. Помню, как-то раз я встретила его в городе и спрашиваю: «Дима, са ва?»⁶ Он отвечает: «Нет, еще не са ва, но совет». Вот это выражение «совет» так и осталось у нас с Надей ходячим словом. Его женитьба всех нас очень удивила. Тамара Федоровна была

для нас «высокопоставленная чиновница УМСА». После их свадьбы началась наша настоящая дружба. <...>

О. Димитрий развил большую приходскую работу на Лурмель. <...>

Я навсегда запомнила его урок смирения, данный мне у него на исповеди. Второй такой урок от него я получила, когда узнала, что, приходя причащать одну старушку (которая жила одна, в страшной грязи и беспорядке), о. Димитрий прежде всего наводил порядок, т. к. считал, что просто не может Святые Дары дать в такой грязи.

Другое свидетельство от малознакомой мне женщины (не помню ни ее имени, ни фамилии), которая рассказала мне, что недавно потеряла очень любимого мужа и единственный человек, который по-настоящему ее утешил и поддержал, был случайный отпевавший ее мужа священник. Сама она была очень малоцерковная. Я заинтересовалась именем священника, и она ответила мне — о. Димитрий Клепинин. А сколько у него, наверное, было таких случайных встреч.

<...> Помогая евреям, о. Димитрий исполнял свой священнический долг. Помню, как-то мы шли вместе с Бабаджаном⁷, и он, попросив у него сигаретку, как-то завуалировано сказал, что ему страшно. Это, однако, не помешало ему открыто исповедовать Христа. <...> Если о. Димитрия причислят к лику святых, то он будет одним из моих любимых и чтимых святых. Я и так молось его памяти. <...>

Ф.Г. Спасский⁸

Об о. Димитрии

Слово к 25-летию Сергиевского Богословского института

Дмитрий Андреевич Клепинин, память которого отмечалась в Париже несколькими собраниями, отличался удивительной ясностью чистого духа и способностью все сводить

к простоте. Эта ясная простота была его основным качеством, мешавшим ему в учении, но весьма помогавшим в пастырской деятельности. Простота эта была связана с большой живостью ума, умевшего найти в трагических и смешных обстоятельствах их суть. Это им и руководило во всей его деятельности. Раз приняв и определив для себя эту основу, он шел безбоязненно, мужественно и прямо. Его смерть в заключении во время войны, в отрыве от семьи и бесчисленных друзей, при всей ее трагичности, увенчала целостный образ о. Димитрия, от начала и до кончины пронесшего свой Божий дар неповрежденным.

Введенский храм на Оливье-де-Сэрр, лето 1937 г.

Слева направо: сидят — Ф. Г. Спасский с сыновьями, о. Сергей Четвериков, о. Димитрий Клепинин; стоят — о. Георгий Сериков, матушка Ергина и др.

Никто из нас не был столь взыскан любовью выдающихся архипастырей, как о. Димитрий. Митрополиты Евлогий, Антоний и другие старые архиереи в Югославии провидели в нем неоспоримое пастырское дарование, развившееся на наших глазах под руководством старца о. Сергия Четверикова и под влиянием о. Сергия Булгакова.

С.Б. Пиленко⁹
Воспоминания

У храма Покрова Пресвятой Богородицы была маленькая пристройка, в которой вначале сделали ризницу. О. Димитрий как-то сказал, что хорошо бы тут устроить церковку во имя великого русского святого, митрополита Филиппа Московского, удушенного Малютой Скуратовым. Ни Василий Блаженный, ни митрополит Филипп не боялись говорить правду Иоанну Грозному, и бывали времена, когда они его удерживали от жестокостей, а св. Филипп и пострадал за правду.

Церковь вышла маленькая, но славная. Опять пришла на помощь сестра Иоанна, написав иконы для иконостаса — Спасителя, Божьей Матери и св. митрополита Филиппа. Мать Мария вышла замечательные по тонкости работы ризы на эти иконы из мелкого бисера. Все три иконы — в деревянных киотах под стеклом. В иконостасе — только одна дверь в алтарь, на ней изображен Архангел, тоже работы матери Марии. Царские врата с изображением св. Василия Великого и Иоанна Златоуста, а также триптих над царскими вратами, пожертвованный Игорем Платоновичем Демидовым, очень удались Софье Александровне Оцуп.

О. Димитрий очень любил служить в этой церкви, и в дни, когда бывало мало народа, особенно зимой, часто служил в ней. Там было тепло и уютно. Мать Мария и о. Димитрий мечтали при первой возможности соединить обе

церкви аркой и увеличить. Я помню, как они вымеряли, на сколько удлинить малую церковь, где пробить арку и т. д.

Однажды ко мне пришел о. Димитрий и, смущаясь, сказал: «Случайно продаются церковные вещи и в том числе большая чаша для Святых Даров. Наша стала мала. Вот бы хорошо приобрести, но найдутся ли у нас такие деньги?» Сейчас же мы все трое (о. Димитрий, мать Мария и я) пошли за чашей и бесконечно радовались, что она будет у нас в церкви для Святых Даров, а не на камине или на столе с цветами у какого-нибудь богатого иностранца.

В последние годы какой-то особенный мир царил в нашей церкви, и даже во время войны и всяких ужасов что-то высокодуховное. Любовь к ближнему, желание помочь несчастным (что и делалось). У о. Димитрия было много духовных детей, которым он помогал переносить тяжесть житейских горестей.

О. Димитрий, болезненный и слабый, никогда не отказывался от каких-либо треб. Иногда бывало в день трое похорон, и все на разных кладбищах, и все больше бедняков, и он всех сопровождает, а на дворе — снег или дождь. Вернется домой, поест что-нибудь, а тут опять уже привезли покойника, и вновь едет.

Мать Мария и о. Димитрий никогда не думали о себе, но всегда о других. О. Димитрий почти каждую неделю устраивал чтения для старушек «Православного Дела».

Увезли немцы мать Марию, о. Димитрия, Юру, и хотя война прекратилась, но с ними исчезло что-то светлое, любящее и доброе.

---

¹ Софья Сергеевна Куломзина-Шидловская — член РСХД, православный педагог, автор книг «Священная история в рассказах для детей» (переиздано в Москве в 1998 г.), «О летних детских лагерях» (переиздано в Москве в 1995 г.). Приводится фрагмент из кн.: Koulomzin

Sophie. Many Worlds: A Russian Life. NY, 1980. P. 153–155, 226–229 (*пер. с англ.*).

² Сергей Павлович Жаба — член объединения «Православное Дело», литератор.

Свидетельство опубл.: Вестник РСХД (Париж). 1980. № 131. С. 333–341. Приводятся фрагменты.

³ См. раздел ПЕРЕПИСКА, *Письма Дмитрия Клепинина к С.С. Шидловской.*

⁴ *Op. cit.*

⁵ Ольга Васильевна Татаринова — одна из насельниц общежития на Лурмель, основанного матерью Марией. Выдержки из письма, адресованного Е.Д. Клепининой-Аржаковской.

⁶ *Ca va? (фр.)* — Как дела?

⁷ Алексей Аронович Бабаджан — псаломщик лурмельского прихода.

⁸ Феодосий Георгиевич Спасский — друг и сокурсник о. Димитрия по парижскому Богословскому институту, регент Введенской церкви.

Слово опубл.: Церковный Вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1950. № 4. С. 21–22.

⁹ Софья Борисовна Пиленко — мать монахини Марии, которую все называли просто Бабушка. Машинопись из архива С.В. Медведевой.

Свидетельства духовных лиц

Митрополит Евлогий¹

Слово на собрании памяти о. Дмитрия Клепинина

Мы все горько оплакиваем безвременную, трагическую, почти насильственную смерть о. Дмитрия Клепинина, всеми нами любимого и уважаемого молодого пастыря. Настоящее собрание посвящено его светлой памяти. Хочется и мне, его епископу, сказать несколько слов, положить свой скромный цветок на его неведомую нам и дорожную могилу.

Я познакомился с ним со времени его поступления в наш Богословский институт. В число студентов первого выпуска поступил юноша несколько оригинальный, очень скромный, застенчивый и по внешности неуклюжий, несколько угловатый, мешковатый, из тех, кого в общежитии называют «медвежонок». Ничем он не выделялся, и мы не подозревали, что в этом «медвежонок» таится богатая духовная сила.

Несколько ближе меня познакомила с ним его тетка, сестра его умершей матери, блаженной памяти Анна Николаевна Гиппиус, ныне почившая, женщина высокого христианского качества, праведница и в жизни такая одинокая... Мне кажется, она имела большое духовное влияние на Дмитрия Клепинина и очень его любила. Эти два одиноких существа в моем представлении как-то стояли рядом, близко друг к другу. Она называла его уничижительным именем Димка, и сначала меня это несколько шокировало, но когда я разглядел, с какой любовью произносится это слово, то примирился с этим. Разговоры с А.Н. заставили меня несколько внимательнее присмотреться к студенту Клепинину.

Вскоре представился другой случай, обративший на него мое внимание. К нам в институт приехал в гости митрополит Антоний, бывший Киевский. Мы его встретили по чину;

по окончании молебствия студенты стали подходить к нему под благословение. Когда дошла очередь до Д. Клепинина, он со всего размаха большим монашесственным поклоном — бух ему в ноги. Признаться, мне это не понравилось, зачем это оригинальничанье, подумал я. Да к тому же это было не эстетично: в коротком пиджаке и узких брюках... Но владыка Антоний посмотрел на это глубже. «Смотри, — сказал он мне, — какой церковный студент, чтобы не было никакой ошибки в чине поклонов»². Конечно, он был прав, и я стал еще внимательнее к студенту Клепину...

Я не берусь характеризовать всю студенческую его жизнь. Я наблюдал ее всегда издали и не знал ее подробностей. Я рисую лишь некоторые характерные эпизоды.

Перехожу к обстоятельствам его женитьбы, или, точнее, его сватовства, когда он подумал идти в священники. Уже А.Н. Гиппиус намекала мне, что в этом отношении у него предвидятся трудности, так как он плохой кавалер, а такие типы не очень нравятся современным девушкам. Вскоре это и обнаружилось, он никак не мог найти себе невесты. Старались в этом деле помочь ему некоторые его друзья, даже я, несмотря на все несоответствие этого моему сану, принять в этом участие. Но все напрасно. Наконец слышу, что Клепинин уезжает в Америку. Ну, думаю, поехал искать себе невесту за море или, обескураженный неудачами, совсем убежал далеко за океан от всяких невест. Но оказалось, я ошибся; он там еще немного поучился, расширив круг своих знаний, и вернулся обратно. И вот здесь Господь явил ему Свою милость и послал ему такую прекрасную во всех отношениях подружку жизни, которая дала ему счастливую семью. Мы все хорошо знали и сердечно любили супругу Дмитрия Тамару Федоровну за ее золотое сердце, которое она отдала своему мужу, создала ему тихий семейный очаг, дала двух прекрасных деток и вообще пошла с ним нога в ногу по всему жизненному пути, по пути пастырства и, наконец, по страдаль-

ческому пути, так трагически закончившемуся. А какие чудные письма писал он ей из своего заточения, как утешал ее, как нуждался в молитве. Да, несомненно, она скрасила его одинокую жизнь и в самом заточении, и, умирая, он благословлял ее имя и ей поручал двух своих малюток.

В пастырском отношении Господь судил о. Димитрию получить приход необычный, особенный и, скажу, очень трудный. Во главе прихода стояла известная монахиня мать Мария, увы, теперь заточенная, человек огромной энергии, с широким размахом воли, не всегда укладывавшимся в рамки церковной дисциплины. На этой почве возникали уже не раз конфликты с бывшими настоятелями. Признаюсь, не без тревоги я назначал его на это место. Как он, молодой и неопытный, будет налаживать с нею свои отношения, думалось мне. Своею сильной личностью она совсем заслонит, затмит этого скромного и смиренного батюшку. И тут я, к моему великому утешению, очень ошибся. Через некоторое время я узнаю, что между о. Димитрием и матерью Марией устанавливается прочный дружественный контакт. Я был, конечно, страшно рад. На чем покоился этот контакт? На взаимном понимании, на взаимном уважении и еще на одном редком качестве, которым Господь щедро одарил о. Димитрия, — на его полном самоотречении и полном отсутствии житейского самолюбия. Он был как-то совсем не чувствительным к этому самолюбию, и эта высокая, очень редкая христианская черта делала его неуязвимым и непобедимым; она как магнит притягивала к нему сердца людей, и скоро он, молодой иерей, становится любимым и популярным духовником для наиболее трудной части нашей паствы, для интеллигенции, которая потянулась к нему, потому что от него веяло духом Христовым, потому что почувствовала в нем Христов образ, ту воду живую, которой так жаждут души человеческие и без которой они так страдают, засыхают.

Эта высокая христианская добродетель самоотречения особенно ярко проявилась в нем в последние дни его жизни на свободе, перед самым его арестом. Сначала была арестована только мать Мария, но он добровольно счел нужным заявить, что он во всем солидарен с ней. Никто от него не требовал такого заявления, да оно, по существу, было не совсем правильно. Мать Мария, по экспансивности своего характера, часто была неосторожна в своих словах и позволяла себе резкие выражения по адресу немцев, отец же Дмитрий, всегда ровный и спокойный, к тому же священник, конечно, таких резких выражений никогда не употреблял и, однако, после ареста матери Марии во всем солидаризировался с нею и принял на себя ответственность за все ее слова и деяния. Что это такое? Не донкихотство ли? Или самоотверженное желание разделить ее участь, не оставить ее одну в трудную минуту? Думаю, последнее. Но в таком случае какая высота самоотречения, какой подвиг пастырского самоотвержения! Тут во всей своей красоте, во всем величии сказала душа доброго пастыря о. Дмитрия, положившего жизнь свою за други своя. Да помянет его Господь во Царствии Своем!

Протоиерей В.В. Зеньковский³

Мои воспоминания об о. Дмитрии Клепинине

Я знал о. Дмитрия с начала 1922 г., когда в Белграде, где я тогда был профессором, образовался кружок (религиозно-философский), в центре которого стояла семья Зерновых. Собственно, до лета 1922 г. в кружке постоянных участников было всего 7, но оба брата Клепинина (старший — Николай и младший — Дмитрий) уже тогда были знакомы мне. ...Когда кружок разросся, в него вошел, как постоянный член, старший Клепинин. Я стал изредка посещать семью Клепи-

ниных и здесь узнал достаточно близко Софью Александровну Клепинину (мать) и изредка встречал отца, Андрея Николаевича (он служил где-то в провинции). Тут же узнал Димитрия, которого все звали тогда Димой. Ему было, вероятно, лет 16–17, но он производил впечатление мальчика несколько отсталого, медленно соображающего. Впечатление он оставлял исключительно приятное – это был симпатичный, несколько застенчивый, малоговорливый, но очень добрый, кроткий и искренний мальчик.

...Незадолго до того как я переехал в Прагу, скончалась Софья Александровна Клепинина. Все члены кружка были на похоронах ее, все провожали тело на кладбище. Был

Димитрий Клепинин и В.В. Зеньковский (стоят).
Сидят: А.С. Четверикова, С.С. Шидловская, М.М. Зернова и др.
Лето 1935 г.

и я, — и в дружной, высокоинтеллигентной семье Клепининых сразу что-то основное оборвалось.

Я уехал в Прагу, и среди частых писем, которые писала дорогая мне белградская молодежь, время от времени приходили и письма от Димы. Очень хорошо помню его несколько неуклюжий почерк с очень большими буквами; письмо всегда бывало краткое, но — странное дело — всегда бывало одним из самых содержательных. Зависело это от того, что в своем кратком письме Дима обычно писал не ординарные фразы, а две-три из своих мыслей или переживаний, и всегда это бывало так глубоко, неожиданно, всегда так подлинно, ибо исходило из самого нутра, что эти письма выделялись очень резко и запоминались мне.

Прошло еще 2 года. В Париже возник Богословский институт, и в него, среди других, попал Дима, среднее образование было закончено им в Константинополе. По своему чрезвычайно общительному, веселому и доброму характеру Дима Клепинин был всеобщим любимцем. Он хорошо пел, учился средне, но и тогда, в институте, обращал на себя внимание присущий ему вдумчивостью и глубиной. А еще больше — своим своеобразием; в нем все было подлинное, настоящее. Вот уж о нем поистине можно было сказать: *Mon verre est petit, mais je bois dans mon verre*⁴.

Это впечатление «малости» и «оригинальности» бывало всегда первым, а скромность, добродушие, укрывавшие личность Димы, как будто его укрепляли. Но всегда, всегда, если вспыхивал разговор с Димой, сразу становилось ясно — «малость» и скромность были просто внешней формой.

Как студент, Дима отличался медленностью работы, как будто ему не давалось легко учение, но, вместе с тем, его отличала серьезность его богословских интересов.

По окончании института перед Димой встал вопрос о священстве, которого он жаждал всей душой, но перед священством встал вопрос о женитьбе. Много потерпел искренних

и напрасных терзаний Дима, прежде чем женился, — но когда он наконец женился, перед ним сразу открылась возможность священства. В году между окончанием Института и священством (если не ошибаюсь, протекло 7 лет) Диме приходилось много и тяжело работать. Довольно много в этот же период времени он служил в храме РСХД певчим и псаломщиком. Почти каждое лето он ездил работать в летние лагеря (девочек), где был всеобщим любимцем по легкости характера, незлобивости и добродушию, по чрезвычайной услужливости и ответственности.

Наконец, Дима стал священником, в той же церкви РСХД. Служил он первое время очень медленно, всегда боясь быть неточным. Он не терпел скопления людей в алтаре — это ему мешало сосредоточиться, убедительно просил меня (я тогда был старостой церкви) приносить просфоры один раз перед проскомидией, другой раз — перед самой Херувимской. Все, что могло поколебать его внимание, он тщательно устранил. Его медлительность, его крайняя чувствительность ко внешней обстановке вытекали у него из очень глубокого корня — из потребности сосредоточиться перед Престолом. Мне запомнились его проповеди — краткие, состоящие из одной-двух мыслей, но шедшие от глубины души. И проповеди произносились им из того сакраментального подъема, в котором он пребывал. Очень скоро о нем стали говорить как о прекрасном исповеднике. Мне пришлось всего два раза исповедоваться у о. Димитрия, но обе исповеди оставили след в памяти и в сердце: его наставления дышали духовной пронизательностью. И как в юности, так и теперь, в священстве, он был скуп на слова, но вкладывал в слова то, что чувствовал. Вспомнил я и то, что всегда, когда предстояло помолиться о ком-либо больном, он перед соответственным молением выходил из алтаря и говорил два слова молящимся, прося их вместе с ним помолиться о больном.

Очень скоро он получил самостоятельный приход, настоятелем в церкви Покрова Богородицы на рю Лурмель, и его пастырские дары развернулись во всей силе. Несколько его духовных детей по церкви на Оливье-де-Серр не захотели с ним расстаться и перешли с ним на рю Лурмель. Хотя до этого о. Димитрий бедствовал чрезвычайно (особенно больно было видеть его убогую обстановку, когда родилась девочка), но переселение на рю Лурмель в первое время не улучшило его положения. Большая комната, предоставленная о. Димитрию, не могла, конечно, идти в сравнение с малой комнатухой, в какой он раньше жил, но, кроме этого, его положение материально было действительно тяжелым. Но это нисколько не понижало пастырское рвение о. Димитрия — наоборот, оно разрасталось в нем с необыкновенной силой, его имя стало уже многими произноситься с особым уважением к нему. Помню, как митрополит Евлогий мне сказал однажды (это было в 1941 г.): «О. Димитрий, хоть и молодой священник, а замечательный духовник, и я от многих, многих знаю об этом».

Когда я решил принять священство, о. Димитрий отнесся к этому с чрезвычайным воодушевлением, все торопил меня поскорее принять священство. Он приходил ко мне по собственной инициативе, звал к себе, постоянно говорил о священстве. И здесь его формулы и взгляды, скупно выраженные в словах, были всегда глубоки по мысли (вспоминаются его верные слова, например: «руки священника не принадлежат ему»). В священстве я не имел возможности часто видаться с о. Димитрием, но встречи с ним всегда были исключительно ценны и содержательны. Осенью 1942 г., по инициативе его и о. Киприана, мы с о. Виктором и с ними стали устраивать молитвенные собрания нас, священников. После чтения молитв (обычно малого повечерья) мы обсуждали вопросы, которые накопились у каждого. Позже присоединился к нам о. Лев Липеровский, еще позже о. Ми-

хаил Соколов, был о. Константин Забржицкий. С февраля 1943 г., когда о. Димитрий был арестован, мы собирались не раз (эти молитвенные собрания заглохли лишь в январе 1944 г., когда состоялось последнее собрание), но отсутствие о. Димитрия их обесцвечивало. Они ему были нужны, и он им был нужен. Всегда чувствовалось, что пастырское дело не только захватывало его, не только крепло и росло, но что оно было в самом центре его духовной жизни...

Когда в связи с арестом о. Димитрия мне пришлось некоторое время заменять его в его церкви, я с особой силой почувствовал, каким действительно замечательным, я готов сказать — необыкновенным, пастырем он был. Не только с одной любовью и благодарностью вспоминаю я о. Димитрия, но и со светлой радостью, что в нем больше, чем в других священниках, открывалась мне тайна Церкви.

Вечная память незабвенному о. Димитрию.

Протоиерей Борис Старк⁵

Воспоминания

Где-то в мае 1944 г. мы совершили соборное заочное отпевание нашего друга, священника Димитрия Клепинина. С этим человеком очень многое меня связывало. На Сергиев день, 8 октября 1927 г., нас обоих, а также профессора Л.А. Зандера и Костю Струве, на Сергиевском подворье владыка Евлогий поставил в чтецы. Когда мы жили в местечке Монжерон и у нас на чердаке был устроен домовый храм, часто приезжал к нам служить архимандрит Никон и привозил с собой в качестве псаломщика Диму Клепинина, что нас сдружило еще больше.

Приблизительно одновременно мы приняли сан дьякона, а затем священства и были очень близки. Затем он с женой Тамарой вошел в Свято-Троицкое братство, настояте-

лем которого выбрали меня после смерти основателя братства и его первого настоятеля, протоиерея Александра Калашникова. Мы оба были близки с о. Никоном, и вообще мы как-то очень симпатизировали друг другу. Но, конечно, о. Димитрий был гораздо образованнее меня, так как окончил Сергиевское подворье и институт, а кроме того, и в церковной практике он разбирался гораздо лучше меня, долгое время будучи псаломщиком подворья, а потом служа в доме матери Марии (Скобцовой), где службы были ежедневно. Как-то, помню, мы были вместе на одном из религиозных съездов, и выяснилось, что повседневную вечерню многие плохо знают, так как на приходах служат в основном всенощные бдения под праздники. Он шуточно попрекнул нас: «Ах вы, праздничные попы!»

Запомнился мне очень один с ним разговор... Мы шли из церкви РСХД по улице Оливье-де-Серр (РСХД — это Русское Студенческое Христианское Движение, к которому до войны мы оба были очень близки). О. Димитрий говорит мне: «Ты видишь, какие начинаются гонения на евреев? Еще нет того, что делается в Германии, но надо ждать, что и у нас будет нечто подобное, и мы заранее должны знать, что нам делать!» Мы оба были убеждены, что в случае нужды надо будет помогать евреям, как крещеным, так и некрещеным, но ищущим нашей помощи. Мне, как живущему в Русском Доме Сент-Женевьев-де-Буа, меньше было поводов и возможностей это намерение применить в жизнь (хотя и в Сент-Женевьев кое-что делалось в этом плане), а вот о. Димитрий, живший в центре Парижа и служивший в церкви общегития «Православное Дело», основанного матерью Марией, был в самой гуще событий, и ему с матерью Марией пришлось не только много делать, чтобы спасти евреев во время оккупации, но и погибнуть за это.

Он был арестован вместе с матерью Марией и ее молодым сыном Юрой, почти мальчиком, потом сослан и погиб

в одном из лагерей. Я не знаю даже даты его кончины. Очевидцы, которые спаслись от смерти, но были с ним в лагере, говорили, что он всегда подбадривал остальных, служил в лагере литургию и причащал остальных своих соотечественников. На одном из допросов, еще до лагеря, его спросили, как он так старается ради жидов. Он, взяв свой наперсный крест в руки, спросил: «А об Этом Жиде вы слышали?», за что был жестоко избит. Память об этом скромном праведнике для нас, его друзей, священна.

---

¹ Париж, 1944. Слово опубл.: Вестник РСХД. 1993. № 168. С. 86–89.

² Владыка Антоний хорошо знал Дмитрия Клепинина по Белграду, где долгое время жили Клепинины.

³ Слово протоиерея В.В. Зеньковского, произнесенное на собрании в память умершего в концентрационном лагере в Бухенвальде о. Дмитрия Клепинина, настоятеля церкви Покрова и священника «Православного Дела».

⁴ Мой талант невелик, но я ничего ни у кого не заимствую (*пер. с фр.*).

⁵ Российский Архив. М., 1994. С. 596–597 «По страницам синодика».

Свидетельства духовных детей

М. Кравченко¹

Воспоминания духовной дочери об о. Димитрии

О. Димитрий был необыкновенно прост той особой простотой, которая граничит с мудростью; к каждому человеку подходил прямо и легко, как ребенок. Не то чтобы не знал зла, но игнорировал его сознательно, всегда полагая центр тяжести на лучшем, возможном, еще не осуществленном, но данном. Первая встреча: идет навстречу нам, с горы (на г. Olivier de Serres) небольшой чернобородый человечек в рясе. Поравнялся, взглянул странно-искоса, прошел. Кто это? Новый священник? Кто такой? Как-то случайно пошла я к нему на исповедь и сразу пленилась его простотой и ласковостью. Я много горького тогда переживала, он стал меня лечить, и лечение его состояло в отвлечении меня от моего горя указанием на горе чужое, на необходимость действенной помощи другим. И на сцене появилась «расторгуевская нянька» — замечательная русская старушка, завезенная в Париж из Москвы богатым купцом. В Париже нянька сохранила всю самобытность московского уклада. Все у нее было степенно, домовито, чинно особым русским чином, и так патриархально, что слюнки текли. Ходила в прюнелевых сапожках, козынке, кофточке навыпуск. Была богомольна, гостеприимна, незлобива и совершенно беззащитна. Она была безграмотна. Вот к этой няньке нянькой приставил меня о. Димитрий, и отсюда началось наше с ним сближение. Он радовался нашей дружбе и добродушно смеялся моим о ней рассказам. Помню, как мы как-то поспорили о ней. Я сказала, что няньке очень трудно объясниться здесь и понять окружающее, а о. Димитрий ответил, что у простых людей есть и простой подход и что ей легче с консьержкой, лавочником, сапожни-

ком и пр., чем русскому интеллигенту с французом его класса. Здесь требуется сложная работа приспособления, а там все просто, т. к. дело касается насущного, т. е. того уровня, где все равны, будь то профессор, рабочий или лавочник.

Помню еще, как помогал мне о. Димитрий спасти одного впавшего в грехи и отчаяние человека, пьяницу. Ночей не спал, поджидая его у дверей гостиницы, на улице, у ворот. Больного лечил легко и осторожно — дружбой и любовью. Давал попить св. воды, выносил просфору, но к причастию не допускал, пока «не улягутся страсти». Мы служили молебны об его исцелении — и оно совершилось, и начало его совпало с Преображением Господним, праздником, который о. Димитрий любил особенно.

Он был очень умен, склад ума его был, как мне кажется, сократический. На труднейшие вопросы отвечал просто, часто в форме вопросительной же, и сказанное им запечатлевалось особенно в памяти.

Моя память сохранила мне несколько таких ответов. Помню, каялась я на исповеди, что в церкви слишком все замечаю: и лица, и позы, и даже цвет одежды молящихся, — а он, подумав, сказал: «А как же возможно иначе?» В другой раз я пришла сильно расстроенная и стала его упрекать за излишнюю мягкость и попустительство. А он, потрепав меня по плечу, сказал: «А вы думали, что я безгрешен?»

Он никогда не корил, не обличал, всегда как бы сам извинялся за грехи своих «детей» и любил их всех равной, ласковой любовью. Строгий к себе, он был необычайно снисходителен к другим: никогда не возлагал на других «бремя тяжкое», не требовал невозможного, не наказывал, а жалел. За все время нашего знакомства я никогда не слышала от него слова осуждения, раздраженного или даже огорченного отзыва о ком-либо.

Поражала в о. Димитрии его необыкновенная готовность: в любой момент этот необыкновенно занятой чело-

век отрывался от своих многочисленных дел и спешил на помощь. <...>

Помню, как однажды он радостно сообщил мне, что назначен на Lougmel, к матери Марии. Больше всего его радовала возможность самостоятельной работы. Я сказала: «Какой большой человеческий материал пройдет через ваши руки! Как бы хорошо, если бы вы могли записывать». Но он с сожалением ответил, что на это у него никогда не хватит времени.

Жившие возле него знают, какой непомерный труд нес этот физически слабый человек: большой и трудный приход со всеми физическими и моральными нуждами, со всей сложностью человеческих взаимоотношений лег на его плечи. И этот не знавший покоя человек каялся перед своими духовными детьми в нерадивости, небрежении, забывчивости, лени, а между тем не было случая нужды, в которой он не пришел бы на помощь, не было больного, которого он не посетил, не было прихожанина, жизнь которого он не знал бы точно и глубоко. Он настаивал на том, что человеку нужно помочь не только духовно, но и физически и что голодному трудно понимать отвлеченное. Как мучился он за старух, живущих в доме, за их безрадостное существование! Как упрекал себя за то, что по недостатку времени не мог заняться ими, порадовать или хотя бы посмешить их.

В годы войны, гонений и всяческих испытаний о. Димитрий для многих явился опорой и многих спас. «Если человек, застигнутый грозой, забежит в церковь, чтобы укрыться от нее, имею ли я право не впустить его?» — ответил он на вопрос: «Уверены ли вы, что все эти люди искренние?» И еще: «Разве мы спрашиваем у человека, стучащегося в нашу дверь в чаянии спасения, кто он?»

На собрании кружка, где объяснял он литургию, помню поразительное по простоте и ясности объяснение слов: «Милость мира — жертва хваления»: лучшая жертва, приносимая

человечеством Богу, есть милость, т. е. любовь. И эту милость о. Димитрий явил в своей жизни максимально. И недаром написал он на вратах церкви слова, могущие служить девизом его духовной деятельности: «Всех причащающихся Крови и Тела Твоего объедини». Эта заповедь объединения есть то, что завещал нам о. Димитрий, и мне хочется обратиться к духовным детям о. Димитрия, незнакомым мне, но близким по духовному братству: сохраним связь между нами.

О. Димитрий был еще молод — всего 39 лет. Он не успел ничего написать, не оставил после себя произведений, но лучшее его произведение — его к нам любовь — осталось и живет.

Будем же воистину его духовными детьми, чтобы не умерла для русских людей память об удивительном человеке, чудесном священнике, добром и самоотверженном пастыре, добровольно и мученически погибшем за «друзья своя».

Слово духовной дочери покойного о. Димитрия Клепинина

На собрании памяти матери Марии и ее сподвижников в 1968 г.²

...Многие его лучше и ближе знали и больше могут о нем сказать. Для меня он останется как осуществление двойного идеала — христианина и православного священника, — и эти два качества он осуществил до предела: отдача себя другим и мученическая смерть.

Приезжавший в Париж несколько лет назад англичанин, собиравший материал для книги³ о матери Марии, об о. Димитрии и их сотрудниках, спросил меня, не знаю ли я кого-нибудь, кого о. Димитрий спас. Нет, я не могла дать ни одного имени. Ведь все это делалось так втайне. Англичанин, конечно, имел в виду «Резистанс». Он, кажется, так и не нашел никого, но позже, когда он ушел, я сообразила, что

о. Димитрий спас меня, только это спасение было не совсем то, чего ждал англичанин. Я все же написала ему вдогонку.

Вот история моего спасения. Она имеет значение как свидетельство. Прошу простить его личный характер. О. Димитрию пришлось извлекать меня из состояния горькой безнадежности. Не дай Бог человеку увидеть воочию свою черноту, стать лицом к лицу со злом, которое он причинил, и с невозможностью его поправить. Это — состояние адское. О. Димитрий взялся за мое лечение. Это выражалось в неослабной заботе и попечении. Он научил меня молиться, он молился за меня, молился со мной, лечил меня Церковью. Он приобщил меня к жизни Церкви. Он всем существом своим — не поучениями — дал мне понять, что такое любовь. Он возился со мной, как мать с ребенком, а ведь это был чрезвычайно занятой человек.

А потом, когда мне полегчало, он придумал гениальное средство отвлечь меня от моих страданий, заставив меня заняться другим, включив меня в цепь страданий других...

В санаториях, убежищах, госпиталях десятки и десятки русских туберкулезных, других больных, хронических больных, стариков, томились брошенные, забытые, в ужасных условиях. Время было тяжелое — оккупация, голод. Было не до них. О. Димитрий взялся за это дело. Для него как бы не существовало трудностей, он их преодолевал даже с каким-то задором. Не было денег, не было припасов, не было сообщения... Но была удивительная мать Феодосия, которая нанялась прачкой в буржуазный дом и приносила нам свои заработки. Были и другие жертвователи — и дело пошло.

Кого только мы не навещали! В убежищах, санаториях, меблированных комнатах, в отелях четвертого разряда жили одинокие, больные, беспомощные, старые. Были и нестарые люди, никому не нужные, в большинстве случаев озлобленные, потерявшие надежду... И у о. Димитрия был дар их открывать и находить тех, кого общество именует «подонками».

Так началась новая эпоха моей жизни, и меня эти «подонки» спасли.

О. Димитрий — скромный, даже застенчивый человек, связанный в движениях и словах, простой до того, что многим он казался недалеким. А ведь он был необыкновенно умен, тем умом, который выше того, что обыкновенно называют умом. Он был мудр.

И вот я вижу, как покидаю госпиталь, где скончался близкий мне человек после несчастного случая. О. Димитрий бежит, он спешит, я едва поспеваю за ним. Но в моем отчаянии все спрашиваю его:

— Но где же он сейчас?

— Как я могу вам на это ответить?

— Но он не исчез совсем?

— Как можно исчезнуть!..

Он мало говорил, не проповедовал, не учил. Он не был красноречив. Его проповедь — это его жизнь. Ко Христу он пришел после мучительной борьбы, как большинство русских интеллигентов той эпохи. Об этом он говорит в своем письме к другу:

«Я в первый раз понял значение страданий, когда осознал, что все, на что я надеялся в жизни, ушло от меня... Почти всякий человек переживал в жизни такой острый момент опустошения или кризиса. Но радость посетила меня, когда на память пришли слова Спасителя: "Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы". Я пришел на могилу моей матери с тяжелым игом житейским, и все казалось таким запутанным и безысходным, и нашел легкое бремя Христово. Не знаю более счастливого момента моей жизни и благодарю за все, что Бог дал мне перенести. После этого я иначе устроил свою жизнь, и легче было отстранить всю запутанность разных обстоятельств... Сознаю свою неблагодарность к Богу... Но и в унынии и малодушии не могу не признать, что жизнь — прекрасна»⁴.

Это пишет человек, переживший тяжелую драму. Какова эта драма? Вероятно, здесь сплелось личное и общественное, свое и общее, а главное, мука еще не освободившейся от страстей души, жаждущей Бога. Никакой позы, абсолютная искренность. И уже тогда, в тридцатых годах, было достигнуто то равновесие и тот покой, которые чувствовались в о. Димитрии.

Найдя Бога, он ухватился за Него всеми силами. А они у него были немалые. Ему недостаточно было себя осознавать христианином — надо было стать священником. Ставши священником, надо было стать мучеником. Сознательно или бессознательно, он ищет завершение этого пути. Я встречаю его у остановки трамвая. Он ждет. Идет дождь. Он промок и сообщает мне с радостью, что его переводят на ул. Лурмель, к матери Марии. Перед ним новые горизонты. Он счастлив... Свет, идущий от него, был так ощутим.

Тут завязываются узлы его пути. Почти неизбежно было то, что случилось. Мог ли он не участвовать в деле спасения гонимых?

Ф.Т. Пьянов⁵

Исповедник

Тема эта слишком деликатная, слишком личная, но я не могу умолчать, не сказав несколько слов об о. Димитрии как духовном отце. Помню, он неоднократно мне говорил, что лучшим его наставником по исповеди были о. Феодосий, много поучительного дали ему владыка Антоний и владыка Евлогий. Учил его архиепископ Вениамин. Несомненно, о. Александр Ельчанинов помогал ему.

В чем дело? О. Димитрий — не строгий исповедник, он был, скорее, строг к себе. Для меня он был не только духовный отец, но, не ошибусь, друг и товарищ по несчастью.

Никогда ни в каких случаях он не морализировал, он, как всякий духовный отец, помогал, вживался в трудности исповедующегося, разделял эти трудности, брал на себя бремя их, практически помогая кающейся душе стоять обнаженной перед Богом, Любовь Которого никогда ни при каких условиях не оставляет своим милосердием.

Я часто думал и думаю, почему правило перед исповедью нас не вводит до конца полного, искреннего покаяния, отращения от греха. Ведь слова правила по своей значительности неповторимы, их трудно воспроизвести, ибо они созданы были великими святыми, сознававшими свою греховность перед Богом. Как странно. Я поэтому, быть может, примитивно скажу. Человек сознательно, или по небрежности, или подсознательно не хочет открыть свою душу Богу, свою немощь, наготу, а ведь Богу нужна только наша отдача Ему. О. Димитрий помогал, помогал тем, что сам открывал свою душу перед Богом в присутствии исповедующегося. Скажут, это соблазн. Нет, действующий всюду и на всех Христос говорит, что там, где двое или трое во имя Мое, там и Я среди вас. Исповедь своих грехов есть стояние перед Христом, пострадавшим за нас. Другое: как безмерно тяжело иногда вынести свои страдания, особенно моральные, одному, как радостно их высказать Богу и разделить с другим. О. Димитрий разделял их. <...>

Мне он был дорог как духовный отец, не знавший и не сознававший, быть может, что он давал, а вернее, Бог давал при помощи его. Не думаю, что это только мое мнение. Я об этом говорил с Юрой иногда, и он мне подтверждал. <...>

---

¹ Письмо Т.Ф. Клепининой от 24 декабря 1953 г. Опубл.: Вестник РСХД. 1993. II–III. № 168. С. 89–93.

² Духовная дочь, засвидетельствовавшая об о. Димитрии как пастырско-духовнике, не назвала своего имени.

³ Имеется в виду Т. Стретон Смит, написавший впоследствии книгу «*The rebel nun, the moving story of Mother Maria of Paris*» (London: Souvenir Press, 1965).

⁴ См. полный текст: *Письма Дмитрия Клепинина к С.С. Шидловской* в разделе ПЕРЕПИСКА.

⁵ Воспоминания Ф.Т. Пьянова, духовного сына о. Димитрия, прихожанина лурмельскоой церкви и свидетеля его пастырского служения в концлагере. Отрывок из воспоминаний, написанных после возвращения из концлагеря Бухенвальд (архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской).

Свидетельства о мученичестве

Ф.Т. Пьянов¹

Памяти о. Димитрия Клепинина

Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее.

Мк. 8, 34–35

Страшные, таинственные слова Спасителя; парадоксальные слова для естественного, грешного человека. Эти слова вполне применимы и приложимы к жизненному пути священника о. Димитрия Клепинина. В феврале месяце 1944 г. в концентрационном лагере «Дора» о. Димитрий погиб; он умер от воспаления легких на грязном полу, в углу т. н. «приемного покоя» лагеря, где не было ни лекарств, ни ухода, ни постелей. Вечером или в ночь он умер и, вероятно под утро, был увезен с другими покойниками в крематорий лагеря Бухенвальда. В то время покойников из лагеря «Дора» сжигали в Бухенвальде.

Лагерь «Дора» был страшный лагерь. В 1944 г. Бухенвальд поставлял в «Дору» живую силу. Нам говорили, что в 1944 г. из 1000 человек через 2–3 недели оставалось живыми 200 человек, и то больные. Заключенные в Бухенвальде боялись отправки в «Дору». <...>

В жизни он казался простым священником, ничем не отличавшимся от других. А между тем это был замечательный человек и священник. В чем же его замечательность? Я знал Диму Клепинина, а затем о. Димитрия в течение 23 лет, и узнал и понял его по-настоящему только за год до его смерти. Мы провели вместе около года в лагере Компьень.

Без преувеличения скажу, что год, проведенный с ним, для меня была милость Божия; я не жалею этого года.

Основные, последние вопросы жизни человек решает сам лично, и только Бог может в этом помочь — Бог открывается человеку. Но из опыта с о. Димитрием я могу спокойно утверждать, что Бог может говорить и через человека. Из опыта с ним я понял, какую огромную духовную, душевную, моральную помощь может оказать другим человек как друг, товарищ и духовник. О. Димитрий, а может быть, и сам его простой образ дал мне ответы на многие мучительные вопросы жизни, которые казались раньше неразрешимыми или были простым интеллектуальным упражнением, не претворенным в жизнь. Сейчас, на свободе, я часто скорблю о постепенной утере того, что Бог мне дал получить от о. Димитрия.

В чем дело? Очень трудно объяснить все это, особенно же раскрыть внутренний образ и мир другого человека. О. Димитрий был человек глубочайшей веры в Живого Бога, именно Живого Бога. Я думаю, что есть вера в Бога как отвлеченное, неживое понятие. Такая вера в приложении к жизни бывает иногда страшной, более того, такая вера может быть разрушительной, особенно для другой души. Дело в том, что живое отношение к Богу у о. Димитрия непосредственно, просто переключалось в жизнь — к живому человеку — особенно к несчастному, ко всякой душе, «скорбящей и озлобленной». В этом у него было много общего с покойной матерью Марией.

Мне скажут, что каждый христианин и священник должен так поступать. Верно. В том-то и дело, что мы, называющиеся христианами, так не поступаем. Те, кто знал о. Димитрия, согласятся с тем, что о. Димитрий отдавался другому человеку без остатка, и это было связано с его отношением к Богу — как Творцу, Живому Богу, Богу Любви. Другими словами, это была та самая любовь, о которой говорит апостол

Иоанн: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Не случайно о. Димитрий отдал свою жизнь, и именно он отдал свою жизнь за человека, за друзей своих, ибо такая была его вера в Бога. В этом случае образ Христа был для него жизненным, живым путем. Я помню, в конце февраля 1943 г. нас привезли из крепости Романвиль в гестапо на рю де Соссе. Нас собрали около 400 человек во дворе. Из окон выглядывали накрашенные стенографистки – немки, француженки, русские; о. Димитрий в порванной рясе стал предметом насмешек, один эсэсовец начал толкать и бить о. Димитрия, называя его «юде». Юра Скобцов, стоявший рядом, начал плакать. О. Димитрий, утешая его, стал говорить, что Христос претерпел бóльшие издевательства. Если о. Димитрий принимал личные оскорбления смиренно, то оскорбления других, наоборот, он переживал мучительно, даже до физической боли. Часто и, может быть, больше, мы все были оскорбляемы и избиваемы не только немцами, а и своими пленными товарищами. Это позор концентрационных лагерей.

По возвращении из лагеря я иногда слышу: «Как жалко, что он (о. Димитрий) бессмысленно погиб, не подумав ни о семье, ни о приходе, ни о самом себе». Для человека, не знающего Христа, простительно такое замечание, но для христианина эти слова звучат кощунственно. О. Димитрий, мать Мария, Фондаминский, Юра и другие погибли как мученики за веру в Бога, за то, что они отдавали себя, свои души другому человеку. В том-то и бессмыслица в этом мире, что люди отдают свою жизнь за отвлеченные идеи, иллюзорные призраки или за деньги, а не отдают ее Живому Богу. Церковь в этом мире существует и будет существовать, ибо она живет Кровью Праведника Христа и Кровью Его последователей – мучеников. В нынешнюю безрелигиозную, крайне дехристианизированную эпоху как раз Церковь

и оживляется, ибо в ней есть мученики, память о которых так высоко чтилась и чтится Церковью и всем христианским миром.

Перед смертью о. Димитрий, в грязном арестантском халате, бритый, в руке держал открытку, в первый раз выданную для писания близким. Он уже писать не мог, но если бы и писал, то только выразил бы свою горячую любовь к своей жене, своим маленьким детям. Как ни горячо он их любил, все же путь гибели он избрал по глубокой вере, любовно, добровольно, ибо в этом и был его Крест, заповеданный Христом.

По воспоминаниям Ю.П. Казачкина²

В декабре 1943 г. о. Димитрий, о. Андрей Врасский, иподьякон Юра Скобцов и Юрий Павлович Казачкин еще были в лагере Компьень. Там было очень голодно, но жили все же по-человечески, как люди, лишённые свободы. Но не ждали ничего доброго в будущем. Комендатура разрешала иметь свою одежду, даже поощряла, чтоб заключенные получали от родных и друзей вещевые посылки, так как вся хорошая одежда, белье и сапоги после отправки заключенных в немецкие лагеря шла в Германию. Над заключенными не издевались, работать их не заставляли, переключки были не особенно продолжительными, и во время этих переключек можно было стоять свободно, даже играть в карманные шахматы.

Время от времени отправлялись по спискам партии в Германию, и это были самые тяжелые минуты лагерной жизни в Компьень. О жизни в германских лагерях уже кое-что было известно. Стоять и ждать, когда читались эти списки, вызовут или не вызовут, остаешься ли еще пожить в относительно благополучии или нет, было очень мучительно.

В конце декабря о. Андрей Врасский, Юра Скобцов и Юрий Павлович Казачкин были вызваны по списку для отправки в неизвестном направлении (т. е. в Германию), т. к. никому из заключенных не говорилось, куда их вывозят. Узнавали они об этом лишь по прибытии на место назначения.

Все трое попали в Бухенвальд. Лагерь Бухенвальд был одним из самых страшных лагерей в национал-социалистической Германии. Он был организован при приходе к власти Гитлера. Среди заключенных было много немцев, арестованных еще в 1934 г., был среди этих заключенных и Тельман, обвиненный в поджоге Рейхстага. Лагерная жизнь была давно налажена с чисто немецкой предусмотрительностью: был карантин, госпиталь (das Revier), отделение для отдыха (die Schonung), души, уборная с проточной водой, большая немецкая библиотека, дортуары с нарами в два или три этажа, между нарами был установлен целый ряд громкоговорителей, соединенных с приемником в центральной башне, так что заключенные в свободный час между вечерней переключкой и сном могли каждый вечер слушать симфонические концерты. Внутренняя жизнь заключенных была всецело возложена на самоуправление. В Бухенвальде она находилась в руках политических заключенных, носивших красные значки, в отличие от уголовных с зелеными значками, и была вполне приемлема, т. к. политические заключенные старались, по возможности, в управлении быть справедливыми. Лишь стража находилась в руках немецкой полиции.

О. Андрей, Юрий Павлович и Юра, приехав в Бухенвальд, как и все вновь прибывшие, попали в карантин. Находящиеся в бараках карантина не имели права общаться с другими заключенными и ходили на работу в местные каменоломни, откуда они должны были носить на себе камни в лагерь для построек. Юрий Павлович, как специалист (геодезист), попал в более благоприятные условия, на постройку новых бараков. Правда, ему приходилось носить мешки

с цементом, но брал его на работу свободный мастер-немец, который относился к своим рабочим, главным образом, как к рабочей силе, а не как к заключенным. Самым тяжелым в лагерной жизни были переключки, которые продолжались невероятно долго, на дворе, в любую погоду два раза в день, и заключенные ждали отправки на какую-нибудь работу вне лагеря, куда их возили на камьонах, до такой степени тесно прижатых друг к другу, что буквально нельзя было пошевелиться. Для отправки на такие работы заключенных собирали на дворе лагеря для переключки и ожидания камьонов. Иногда случалось, что они простаивали целый день на ветру, холоде, дожде или снегу, в конце концов их так никуда и не отправляли.

Не лучше было с медицинскими осмотрами и баней. Привезут, например, аппарат радиоскопии для проверки легких. Все должны раздеться и выстраиваться на дворе в ожидании осмотра, какая бы ни была погода. Новопривезенные первым делом отправлялись сперва в баню, потом в бассейн для дезинфекции с невероятно едким раствором, потом каждого брили с ног до головы и выдавали одежду. Одежда была сборная штатская, м. б., с покойников, но более или менее теплая и прочная. Души были хорошо оборудованы, но раздеваться и одеваться опять-таки приходилось на холоде.

О. Димитрия привезли в Бухенвальд лишь в январе, незадолго до отправки о. Андрея, Димы и Юрия Павловича в лагерь «Дора». Так что виделись они в Бухенвальде совсем недолго.

По сравнению с Бухенвальдом лагерь «Дора» был настоящим адом. Первоначально он состоял из громадного подземелья, где собирались части для бомб U 2. Под землей же и спали, и жили в помещениях, где нары поднимались друг над другом в 10 этажей. Многие из первых заключенных этого лагеря по несколько месяцев не видели света Божия.

Когда о. Андрей, Юра и Юрий Павлович попали в лагерь «Дора», вновь прибывших уже помещали не в подземелье,

но во вновь строящихся бараках, которые подразделялись на карантинные, Revier, Schonung и т. д. Все это было в самом плачевном состоянии. Дорога еще не была проложена, вокруг уже выстроенных и еще строящихся бараков была непролазная грязь, жилые бараки, Revier и Schonung были переполнены. В лагере «Дора» у вновь прибывших отнимали их одежду и выдавали уже настоящую арестантскую одежду из плохого холодного материала и парусиновые сапоги на деревянных подметках. Снаружи была грязь, внутри требовалось соблюдать абсолютную чистоту, за которой должны были следить сами заключенные. У дверей бараков при возвращении с работы всегда стояла ругань, нередко сопровождаемая побоями. К парусиновой обуви прилипала в обильном количестве грязь. Очищать ее было нечем, и тем не менее ее необходимо было очищать. Приходилось очищать руками. Пока внутренней жизнью лагеря заведовали политические заключенные, все это было еще приемлемо. Но когда власть перешла в руки уголовных, которые покровительствовали только своим, то жизнь в лагере стала настоящим адом. Не лучше было и с баней. Определенного места для складывания одежды не было, и после бани на холоде иногда очень долго приходилось искать свою одежду в общей куче. К тому же настали холодные времена года.

Заключенные, у которых была какая-нибудь специальность, находились в сравнительно привилегированных условиях; зато люди без технической специальности должны были делать самую тяжелую работу: носить на себе для постройки бараков тяжелые плиты (на каждую плиту полагалось по 4 человека). Юрий Павлович получил работу по нивелировке местности и по прокладке улиц и дорог в лагере. Только благодаря этому он получил возможность свободно передвигаться по лагерю и входить в любой барак. Таким образом, когда в лагерь «Дора» привезли новую партию заключенных, в числе которых был о. Димитрий, Юрий Павлович

смог его навещать в карантинном бараке в свободный час перед сном и дать ему нужные наставления, что в лагерной жизни очень полезно, пока вновь прибывший не успел еще осмотреться и приспособиться к новым условиям жизни.

О. Димитрий не имел никакой технической специальности, и его поставили на самую тяжелую работу — носить плиты для барачков. По вечерам, в свободный час, Ю.П. его навещал. Вокруг него уже образовалась группа людей под его духовной опекой, как это началось с детства и прошло через всю его жизнь. Среди этих людей было немало советской молодежи, почувствовавшей в нем огонь живой веры и любви и пришедшей к нему искать ласки и утешения. Но от тяжелой работы о. Димитрий стал быстро сдавать. Как-то раз в его присутствии Юра говорит Юрию Павловичу: «Я боюсь, что Дима не выдержит этой жизни», — на что о. Димитрий ответил с улыбкой: «Выдержу, но недолго». Тут опять проявился его обычный милый юмор, но уже с оттенком грусти. Он уже, должно быть, почувствовал, что жизнь его приближается к концу.

Юрий Павлович попытался прийти ему на помощь. В лагере был русский барон, попавший туда не за политические взгляды и имевший влияние на распределение работы. Юрий Павлович попросил его поставить о. Димитрия на какую-нибудь более легкую работу. Барон согласился и вызвал надсмотрщика, в ведении которого находился о. Димитрий. Он сказал надсмотрщику, указав на Диму, у которого был ужасно утомленный вид, вид дряхлого старика: «Слушайте, вы бы дали этому старику более легкую работу; работа, которую вы ему даете, ему не по силам. Надсмотрщик было согласился, но спросил о. Димитрия: «Сколько вам лет?» Но о. Димитрий, зная, что Юрий Павлович за него хлопот, не захотел, или, вернее, не смог по чистоте своего сердца соврать и в этом критическом в его жизни случае и сказал надсмотрщику свой действительный возраст. Тогда

надсмотрщик ответил барону: «Какой же он старик? Ему всего 39. Он вполне может делать положенную ему работу».

За короткое свое пребывание в лагере «Дора» о. Димитрий, видя, как особенно плохо обращаются с советскими военнопленными, и в этом случае поступил, как поступал всю свою жизнь. Помочь этим обиженным более других заключенным он ничем не мог, но и пройти мимо этой несправедливости он тоже не мог. И он взял и срезал со своего арестантского костюма нашивку, указывающую, что он прислан из Франции, и вместо нее нашил нашивку, которую носили советские военнопленные.

Когда он был еще в лагере Компьень, Тамара Федоровна просила за него пастора Петерса. Он обещался хлопотать об его освобождении, но при условии, что о. Димитрий заявит о том, что был назначен священником при доме матери Марии и что деятельность его ограничивалась его священническими обязанностями. Говоря это, пастор Петерс хотел, чтоб о. Димитрий совершенно отмежевался от деятельности матери Марии. В тайной переписке, которую Тамара Федоровна имела в это время с о. Димитрием, она ему это сообщила. Ответ о. Димитрия был категорический: тогда и не нужно хлопотать.

Вскоре после этого должна была состояться отправка части заключенных, к которой принадлежал о. Димитрий, на работы вне лагеря. Группу эту продержали целый день на ледяном ветру в их легких арестантских одеждах и в конце концов никуда не отправили. Несколько дней спустя, когда Юрий Павлович встретил о. Димитрия, который был уже серьезно болен, он сказал ему: «Душа моя томится. Я чувствую, что Бог меня оставил...» Юрий Павлович стал тогда просить доктора лагеря, чтоб его положили в лазарет. Но лазарет был уже переполнен, умирающие лежали на полу. Тогда его положили в Schonung и прислали к нему доктора. Как рассказал после этого Юрию Павловичу сам о. Димитрий,

доктор спросил его, кто он, какая его профессия и т. д. Когда же о. Димитрий сказал ему, что он священник, доктор ответил ему: «Если вы священник, то вы не должны терять мужества и должны показывать пример другим». О. Димитрий, с детства жалевший других, почувствовал всю жалость этого бесполезного увещевания, хотя доктор совсем не имел намерения его огорчить. Он просто ничего не мог для него сделать и, по всей вероятности, подумал, что говорит ему последние слова утешения... На самом деле эти слова были для о. Димитрия тем, что переполняет чашу страдания. «Других спасал, спаси самого себя». Чтобы спасти других, он не пощадил ни себя, ни того, что было ему дороже своей собственной жизни: не пожалел ни жены своей, ни детей, которым он из заточения писал такие нежные письма: «Если, Бог даст, вернусь, как славно заживем». Для них берег он свои последние силы, свое последнее дыхание жизни. Это была не жажда жизни ради жизни, а продолжение того же подвига беспредельной любви. Желание сохранить жизнь для своих было теперь для других таким же примером, как и предшествовавшая ему жертва собой и своими.

Вскоре после этого Юрий Павлович снова навестил о. Димитрия и принес ему полагавшуюся ему открытку, чтобы написать жене и детям.

Schonung представляла собой картину, ничем не уступавшую видениям Дантовского ада. Она была переполнена не людьми, а скелетами, обтянутыми кожей. Все они сидели прямо на полу плечом к плечу за недостатком места. Солома под ними была пропитана извержениями болящих дизентерией, т. к. они уже не имели силы выходить в уборную при каждой потребности. Помещение было насыщено удушливым запахом этих извержений, так что и здоровый человек задышался, входя в Schonung.

Ю.П. подошел к о. Димитрию, протянул ему открытку к нашим сказать несколько добрых слов. О. Димитрий дышал

с большим трудом. Открытки он не взял, зная, что он уже не может ничего написать и что пришел его последний час. Он только с трудом проговорил: «Не могу говорить». Юрий Павлович ушел, и уже больше о. Димитрия не видел. <...>

Монахиня Мария (Иглинская)

Свидетельство

Православный монастырь Покрова Божьей Матери, Бюсси-ан-От, Франция –
Записано Е.Д. Клепининой-Аржаковской со слов монахини Марии (Иглинской) 5 декабря 1994 г.³

Монахиня Мария (Иглинская) – русская и православная по линии матери – родилась в Женеве, где получила музыкальное образование и была регентом церковного хора местного православного собора. После смерти своих родителей она постриглась в монахини и подвизалась в православном монастыре Покрова Божьей Матери в Бюсси (Bussy en Othe, Бургундия), где игуменья монастыря мать Евдокия (Мещерякова) вверила ей руководство монашеским хором.

5 декабря 1994 г. узнав, что я являюсь дочерью о. Димитрия Клепинина, она пришла ко мне и рассказала следующее:

«Однажды в наш монастырь приезжал больной человек, русский по происхождению. Его сопровождал его товарищ, который также был болен. Обоим удалось выйти из концлагеря, избежав смерти. Этот человек был Капо⁴ в концентрационном лагере «Дора» в Харце, то есть ему было дано право обрушивать удары дубинкой на спины своих союзников. Он согласился на эту «работу» потому, что, очутившись в этом подземном тоннеле, где изготовляли ракеты U 2, он решил, что это единственный способ выжить. Заключение в тоннеле «Дора» могли надеяться остаться в живых не более 15 дней.

Благодаря ему друзья о. Димитрия Клепинина могли общаться со своим пастырем. Этот человек также находился

в «шонунг» (помещении для освобожденных от работы по болезни) в момент смерти о. Димитрия. Изможденный священник позвал Капо и попросил перекрестить его, взяв его руку, не имея сил сделать это самостоятельно. В этот момент он отдал Господу душу»⁵.

«У человека, рассказавшего мне это, — продолжала монахиня Мария, — были больные нервы, надо полагать, из-за всего увиденного и из-за совершенных ужасов. У него был темный блуждающий взгляд. Однажды он даже рассердился на меня, упрекнув, что я убираю его комнату слишком медленно.

Но я, после его приезда и его свидетельства о православном священнике, ежедневно молюсь о. Димитрию. Ибо это святой, отдавший людям свою жизнь».

Протоиерей Сергей Булгаков
Письма к Т.Ф. Клепининой

*В период ареста и мученичества о. Димитрия*⁶

После ареста и депортации о. Димитрия его жена Тамара поддерживала переписку с о. Сергием Булгаковым, с которым семья Клепининых имела сильную духовную связь⁷, и пересылала ему письма, полученные от мужа из заточения⁸.

Приводимые ниже фрагменты из писем о. Сергия, адресованные Тамаре Федоровне, являются своего рода свидетельством о. Сергия о мученическом пастырском подвиге о. Димитрия. Одновременно письма выражают деятельное сострадание о. Сергия Булгакова о. Димитрию, его соузникам и его близким, являясь волнующим свидетельством их молитвенной связи.

18 февр. 1943⁹

Дорогая Тамара Федоровна!

Хочется Вам сказать, насколько я сердцем и молитвой с Вами и вместе со многими, духовно и дружески связанными с Вашим мужем, которого Господь избрал исповедником

Своего Имени в наши дни. Да укрепит Вас Господь и да пошлет Вам радость нового соединения с Вашим мужем, и да даст Вам силы разделить с ним по-своему крест его. Призываю благословение Божие на Вас и на деток Ваших и скорблю, что расстояние делает Вас для меня недосягаемой для личной встречи.

С любовью Ваш о. С.

Р. С. Я слышал, что о. Дима закурил. Пошлите же ему со следующей посылкой этот пакет табачного зелья.

31.05. 1943¹⁰

Дорогая Тамара Федоровна!

Сегодня получил Ваше письмо с дорогими приложениями. Как я рад ему и им, и как Вам благодарен за письмо, и за память, и больше всего рад, что в болезни и скорби нашей наступил просвет, и будем надеяться на светлую радость в грядущем. А уж нечего говорить о том, какова эта выстрадавшая радость... Когда все случилось, то было двойное чувство. За себя, что не разделяешь их судьбы, но и за них, чувство если не гордости, то духовного уважения, что они есть, что Господь их избрал, что все было, как было, и в прошлом, и в настоящем. И за Вас, что так достойно и мужественно приняли все. И с надеждою сердечною, самоукорением возносил и возношу каждодневную о всех молитву Господу. Спасибо Вам за то, что через К.В.¹¹ держите нас в курсе обо всем, до Вас доходящем.

И как много творческих связей дается в этих, как будто случайных встречах, которые Господь им посылает¹². Шлю от себя братскую любовь и молитву. Благодарю Вас. <...>

Конечно, письмо Ваше немедленно сообщил о. Киприану¹³, о. Иоанну и др. Это такая радость для всех. Храни Вас и деток Ваших Господь! Было так тревожно за Вас, когда Вы поделились своей скорбью, теперь она уже здравует на лоне природы¹⁴.

Как отраднo это чувство литургической связи, которую Вы с ним испытываете, и очень хорошо, что ищете поддержки в частом причащении. Еще раз благословляю Вас.

С любовью ваш о. С.

<...> Ваши места я когда-то посещал и знаю, как там хорошо¹⁵.

23.06.43

Дорогая Тамара Федоровна!

Простите, что так поздно благодарю Вас за Ваше приветствие ко дню 25-тилетия моего священства, так меня тронувшее, с приложением писем о. Димы. Получилось впечатлительное, что и он был у меня вместе с Вами в этот дорогой час. Я его встретил в первый раз в Белграде в 1923 г. на вокзале, когда некий мне неизвестный мальчик мне принес газету и этим как-то запечатлел себя в моем сердце благодарной памятью. Остальное – Париж – Вам известно, как и те страницы Вашей взаимной биографии, когда я <...> пытался быть «для всех всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»¹⁶, как это делает теперь подвигом своего пастырского служения Ваш муж. Каждодневно молитвенно помню его и Вашу семью, да укрепит Вас Господь на Вашем тернистом пути. <...> Призываю на Вас и на Ваших деток благословение Божие.

Ваш о. С.

1/14.10.1943

Дорогая Тамара Федоровна!

Возвращаю Вам врученную сегодня записку о. Димитрия <...>

Благословляю Вас в день Вашего престольного праздника¹⁷ и счастлив, что мог в этот день совершить божественную литургию в лурмельском храме после почти 5-летнего перерыва, а в частности, последовать приглашению о. Димы,

у которого всегда было это желание¹⁸. Благословляю деток Ваших.

С любовью Ваш о. С.

2 декабря 1943

Дорогая Тамара Федоровна!

Спешу Вам ответить через Константина Васильевича. Во-первых, рясю Диме *пошлите вне всякого сомнения*. Ему она пригодится, а я ее уже давно не ношу и в ней не нуждаюсь. А шарф, очевидно, как раз нужен, я очень рад. И у меня есть другой, так что не думайте. <...>

Да благословит Вас и Ваших деток Господь. Молюсь о Диме и всех его близких повседневно, как умею.

Ваш о. С.

21 дек. 1943

Париж

Дорогая Тамара Федоровна!

Только сегодня я узнал о постигшем Вас новом испытании¹⁹. Всем сердцем с Вами и молю Господа лишь сохранить в здравии и благополучии Вашего любимого, избранника Божьего, удостоенного высшего звания. Хочется надеяться, что это не будет хуже, судя по дошедшим до меня данным, дай Бог и Вам справиться с новым испытанием с тем же мужеством, которое Вы проявляете и проявляли до сих пор. Шлю благословение Вам и деткам Вашим.

С любовью ваш о. С.

12.01.44/30.12.43

Париж

Дорогая Т.Ф., только что получил копию письма о Диме²⁰. Бесконечно умилен и потрясен, радуюсь и утешаюсь на этот образ исповедника, в вере обретающего мужество. Вижу в этом плод духовный его мученичества, и да пошлет

Господь Вам силы выдержать такой же плод духовный от Вашего мученичества, которое по-своему не легче, если только не труднее, его креста. С Новым годом, да принесет он радость <...>

Всегда молюсь о всех Вас, как о самых близких и дорогих. Благословляю Вас на Новое Лето благодати Божией с упованием, которое вдохновляет Диму, что в этом году будете вместе, и с радостью и благодарением Богу вспоминать о перенесенных скорбях. Боже, умножь в нас веру!

Благословляю Вас и деток Ваших.

С любовью Ваш о. С.

Екатерина Рейтлингер

Свидетельство об отпевании о. Димитрия

Письмо к сестре Иоанне (Ю.Н. Рейтлингер)²¹

Рада, что будешь писать портрет покойного о. Димитрия. Я была на его отпевании. Было очень много народу (если принять во внимание, как трудно сейчас путешествие), и удивительно – совершенно несказуемо – стало в храме после того, как Владыка прочел отпускную молитву (когда Церковь, отпуская ему все грехи, как бы напутствуя и благословляя, отпускает его в тот мир, к Господу). В храме стало как-то божественно радостно, светло и торжественно, – словно в Пасху. Вдова его была тоже совсем необыкновенная вдова: без слез, тихая, светлая, сильная и точно тоже какая-то пасхальная... Я таких вдов не видала. Подумала: так христиане и должны провожать своих братьев, своих дорогих близких...

Т. Имбер

О. Димитрий, православный священник

Он не был красивым: волосы его были плохо причесаны, борода всклокочена, в рясе, выдавшей виды. Кроме того, он страдал легким косоглазием. Однако он выделялся среди всех такой лучезарностью, что, думая сейчас о нем, я вижу его красивым.

У него был нежный голос. Я думаю, что у него были действительно красивые бледные руки, <...> настоящие руки интеллигента. Позднее я узнала, что он был слаб здоровьем.

Я вспоминаю его держащим маленькие карточки, на которые он наклеивал фотографии своих «прихожан»²³. Я думаю, что некоторые из них, — с отрешенными и искаженными чертами лица, — могли бы стать его настоящими прихожанами. Но он сам этого не хотел²⁴.

Я познакомилась с ним случайно, в разгар оккупации в 1942 г. Мне нужны были фиктивные документы для моей близкой подруги. Она была русской, и мой приятель Л. порекомендовал мне пойти от его имени к этому православному священнику. «Это святой человек, — сказал он мне, — он даст вам ценный совет».

Я отправилась в глубь коридора по направлению к небольшой серой двери и постучала. Дверь тотчас открылась. Я увидела на пороге молодого священника (ему было 37 лет), смотревшего на меня.

«Я пришла по рекомендации мсье Л.», — начала я.

«Я его не знаю», — ответил он.

Смутившись, я сказала: «Тогда, может быть Вы знаете его друга, мсье Р. Он нам говорил о вас...»

«Я не знаю и мсье Р», — ответил он.

В то тревожное время нужно было все время приходиться к людям «от кого-то». Неосторожное слово могло стоить жизни. Смутившись окончательно, я открыла рот, чтобы

пробормотать извинения и уйти, — но он не дал мне на это время:

«Входите, — сказал он, — так входите же. Раз вы пришли ко мне, значит, у вас есть в том нужда». И он улыбнулся немного смущенно и ласково, словно извиняясь, и приглашающим жестом приоткрыл передо мной шире небольшую серую дверь.

Я очутилась в маленькой, очень узкой комнате, выбеленной известью, с письменным студенческим столом, книгами, церковными фотографиями и очень узким и твердым диванчиком. И на этом диванчике, во всю его длину лежал огромный плюшевый медведь шоколадного цвета, с добродушной и лукавой мордашкой и большим голубым бантом вокруг шеи. Я не знаю, как это объяснить, но именно благодаря этому мишке я смогла, не колеблясь, сказать со всей откровенностью то, что привело меня к нему.

Он доброжелательно выслушал меня, не пропустив ни слова из того, что я сказала. Затем он объяснил то, что он может сделать, и то, что, напротив, опасно и легкомысленно. Бумага, которую я просила, не имела никакой ценности, если она не была официально зарегистрирована Церковью, а это сделать было невозможно. Поэтому он мне дал другую бумагу, которая, должна сказать, его ко многому обязывала. Он спокойно сказал:

«Я думаю, что за мной скоро придут. Они начинают подзревать меня».

Выходя, уже на пороге, я спросила:

«У вас есть дети?»

Его взгляд на мгновение с нежностью остановился на большом мишке шоколадного цвета, и он ответил: «Дочка. Ей четыре года». Затем он снова посмотрел на меня своим нежным и немного застенчивым взглядом: «А у вас?» Не знаю почему, отвечая, я почувствовала, как слезы поднимаются к горлу: «У меня тоже дочка... Ей шесть...»

Через несколько дней я видела его еще раз — я должна была принести ему фотографию моей приятельницы. «Чтоб я смог узнать ее в случае очной ставки», — объяснил он. И тогда я впервые увидела его знаменитую картотеку, составленную из карточек с фотографиями, целые религиозные *curriculum vitae*²⁵, которые он, как мне кажется, заучивал наизусть. Сколько Финкельштейнов, Гольдбергов, Абрамовичей скрывались здесь под славянскими именами? Когда речь шла о женщинах, часто встречались еврейские имена, но тогда все эти супруги не-арийцев оказывались урожденными Петровыми, Ивановыми, Глебовыми. Так он надеялся спасти одновременно женщин и их мужей и детей, которые оказывались по супружеству или по происхождению арийцами. <...>

Звание Праведника Мира

В начале 1980-х гг. два видных еврейских общественных деятеля, Лев Поляков и Георгий Веллерс, решили ходатайствовать перед иерусалимским институтом «Яд Вашем» о присуждении матери Марии и о. Димитрию звания Праведников Мира. Они обратились к вдове о. Димитрия, прося ее найти евреев, спасенных благодаря помощи членов «Православного Дела», и попросить их письменно засвидетельствовать о том, что именно выдача документов о крещении или укрытие в домах «Православного Дела» спасли их от уничтожения. Тамаре Федоровне Клепининой было неудобно этим заниматься, и к тому же многие уцелевшие евреи разъехались по всему свету. Тогда Поляков и Веллерс сами принялись за поиски и собрали увесистый сборник документов на рассмотрение института «Яд Вашем».

15 июля 1986 г. вдова и дочь о. Димитрия Клепинина были приглашены в посольство Израиля в Париже, где генеральный консул вручил им аттестаты на имя матери Марии

Дерево № Д-514 (вверху)

Церемония посадки деревьев на Аллее Праведников Мира (внизу)

и о. Димитрия. В это же лето Елена Клепинина и ее дочери Татьяна и Светлана посетили Иерусалим, где была устроена тожественная церемония, в ходе которой были посажены два дерева на аллее Праведников Мира.

После войны, по свидетельствам спасенных матерью Марией и о. Димитрием евреев, иерусалимский институт «Яд Вашем» начал собирать материалы о них. Мать Мария и о. Димитрий были признаны Праведниками Мира. В Иерусалиме, на Аллее Праведников Мира, есть деревья-памятники с именами обоих мучеников.

Т.А. Жирмунская²⁶

Место поминовения

Всякий, кто берется изучать жизнь матери Марии и ее сподвижников, заранее знает: он будет свидетелем великолепного взлета духа и обыденного до жути уничтожения плоти. Елизавета Юрьевна, ее сын Юрий, о. Димитрий Клепинин, духовный их брат И.И. Фондаминский окончили свои дни в лагерях смерти. Все участвовали в Соппротивлении, и все за это заплатились. <...>

От внука о. Димитрия, Антона Аржаковского, я узнала: дьявольская затея гитлеровцев — изгладить самый след пребывания на земле удивительной монахини в миру и достойного священника — не осуществилась. Нашлось место для их поминовения. На земле обетованной...

В саду «Яд Вашем» грандиозного мемориала жертв Второй мировой войны, на одной из окраин Иерусалима, есть Аллея Праведников. Вернее, весь мемориальный сад — это Аллея Праведников: тысячи деревьев посажены в память тех, кто, не будучи сам евреем, помогал еврейскому народу в годину жесточайшего геноцида полувековой давности.

YAD VASHEM
THE HOLOCAUST MARTYRS AND HEROES
REMEMBRANCE AUTHORITY
HAR HAZIKARON, JERUSALEM

יד ושם
רשות הזיכרון
לשואה ולגבורה
הר הזיכרון, ירושלים

תעודה ATTESTATION

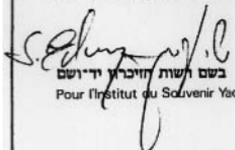
Pere Dimitri Klepinine

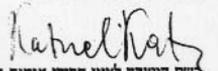
שם נפשו בכפי להצלת יהודים בתקופת השואה.
AU PERIL DE SA VIE A SAUVE DES JUIFS PENDANT
L'HOLOCAUSTE

נטע עץ בשדרת חסידי אומות העולם
A PLANTE UN ARBRE DANS L'ALLEE DES JUSTES

LE 14 Août 1987

ביום י"ט אב תשמ"ז

בשם רשות הזיכרון יד ושם
Pour l'Institut du Souvenir Yad Vashem

בשם תועדה לציון חסידי אומות העולם
Pour la Commission des Justes

...ונתתי להם בביתי ובחומותי יד ושם... אשר לא יכרת. ישעיהו נ"ו
...JE LEUR DONNERAI UNE PLACE ET UN NOM... QUI NE PERIRA PAS... ESAIE, 56

Аттестат института «Яд Вашем»
на имя священника Димитрия Клепинина
за спасение евреев с риском для собственной жизни

В музейном офисе нам дали контурный план сада, где крестиками поместили искомые деревья, указав их номера: Д-511 и Д-514. <...>

...Два дерева. На крутом косогоре. Волнуются на ветру, серебрясь листьями. С трудом веря глазам своим, считываю вслух с табличек: мать Мария – Елизавета Скобцова; о. Димитрий Клепинин. <...>

Как объяснить это неизъяснимое? У этих двоих нет ни могил, ни холмика, ни урны с прахом не осталось. Как в стихах русского поэта, их зарыли в шар земной, и он стал для них усыпальницей. Две невесомые горстки пепла прибавились к могучим доисторическим породам, слагающим земную кору. Но тут устроено место поминовения, есть жердочка для души. Говорят же верующие, что у бессмертной души долгое время сохраняется связь с землей.

Разворачиваемся и смотрим вдаль. Чудо какое-то! Отсюда виден весь Иерусалим, сновиденный город, белый на голубом, в солнечном сиянии, в удивительной перспективе.

Да это же почти видение Небесного Иерусалима, горнего града Бога Живого, каким он представляется апостолам – упование рода христианского...

Помяни, Господи, во Царствии Твоем Небесном злодейски убиенных мать Марию и о. Димитрия, и прости им вся согрешения, и сподоби их вечныя жизни.

Н.К. Ружина²⁷

Евангелие о. Димитрия

В нашей семье много лет как дорогая реликвия хранится Евангелие. Старая книга, которую много читали, – об этом говорят похожие на высохшие лепестки цветов листочки с неповторимым запахом, не определимым словами. Наверное, это запах самого времени.

Свидетельства о мученичестве

В послевоенном 46-м году мы были среди первых вернувшихся из эмиграции на родину. Тогда и привезла с собой в Кишинев это Евангелие мама. Потом передала его мне, а я, в свою очередь, сыну Димитрию. Завещая хранить, пересказала историю семейной святости, которая связана с именем замечательного человека — православного священника

EGLISE ORTHODOXE
de l'intercession de la Sainte-Vierge
77, Rue de Lourmel, Paris - 15^e

TEL. : LECOURNE 83 00
N 95.

Extrait du registre des baptêmes
en l'année 1940

Date de de naissance baptême	Prénom du baptisé	Nom et prénom des parents	Nom et prénom des parrains	Qui a célébré le baptême
	Natalie	Cyrille Roujine de religion orthodoxe et sa femme Mablea née Cusnier	Vladimir Sipourjensky Vera Timofeff.	Prêtre Dimitri Klépimov

Cet extrait a été délivré par le
recteur de l'Eglise de l'Intercession
de la Sainte Vierge Mmes de
Lourmel Paris XV
le 16 DEC 1942 à Paris
Prêtre Dimitri Klépinov

Tous jours signature

Свидетельство о крещении,
выданное о. Димитрием Наталье Ружиной

МЕТРИЧЕСКАЯ КНИГА, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СѢТКА РОДИВШИХСЯ		МѢСЯЦЪ И ДНЬ		Имена родившихся	Званіи, яма, бѣчество и фамилія родителей и какіеже покровительства
МѢСЯЦЪ РОДА	ДЕНЬ РОДА	РОЖДЕНІЯ	КРИПІЯ		
13	—	27 II 1910	10 II 1940	Александръ. Въ нам. св. Александра Медв. 30авт.	Всиг. рти. вѣр. мѣстн. Александръ Горюхи, сынъ Максима Горюха и вѣв. Славяно вѣрост. и его зак. мѣстн. Марія, урожд. Позиной, присоединенъ къ св. правосл. церкви, посредникомъ т. крестный и мѣропопозаніи и оставленъ на приемъ мѣстн. Всиг. рти. вѣр. мѣстн. Павелъ Горюха, сынъ Максима Горюха, правосл. вѣр. и его зак. мѣстн. Марія, урожд. Позиной, присоединенъ къ св. правосл. церкви посред. т. крестный и мѣропопозаніи, и оставленъ на примѣн. и мѣстн.
14	—	30 VII 1899	10 II 1940	Павелъ Въ нам. св. Ан. Павл. (29 Янв.)	Всиг. рти. вѣр. мѣстн. Александръ Горюха, сынъ Максима Горюха, правосл. вѣр. и зак. его мѣстн. Марія, урожд. Позиной, присоединенъ къ св. правосл. церкви посред. т. крестный и мѣропопозаніи, и оставленъ на примѣн. и мѣстн.
15	—	5 XI 1896	10 II 1940	Нѣйтъ Въ нам. св. Ан. Петра (29 Янв.)	Всиг. рти. вѣр. мѣстн. Александръ Горюха, сынъ Максима Горюха, правосл. вѣр. и зак. его мѣстн. Марія, урожд. Позиной, присоединенъ къ св. правосл. церкви посред. т. крестный и мѣроп. и карел. и мѣстн. мѣстн.
16	—	9 II 1894	10 II 1940	Левъ Въ нам. св. Лова Наимъ Рич. (18 Февр.)	Всиг. рти. вѣр. мѣстн. Левъ Горюха, сынъ Максима Горюха, правосл. вѣр. и зак. его мѣстн. Марія, урожд. Позиной, присоединенъ къ св. правосл. церкви посред. т. крестный и мѣропопозаніи, и оставленъ на примѣн. мѣстн.
—	9	14 III 1910	12 II 1940	Марія Въ нам. крест. Марія (26 Января)	Всигоревъ рти. вѣр. мѣстн. Александръ Горюха, сынъ Максима Горюха, правосл. вѣр. и зак. его мѣстн. Марія, урожд. Позиной, присоединенъ къ св. правосл. церкви посред. т. крестный и мѣроп. и карел. и мѣстн. мѣстн.
—	10	6 I 1918	16 II 1940	Софійа Въ нам. св. Луз. Софійа (17 Сент.)	Всигоревъ рти. вѣр. мѣстн. и Софійа, дочь Александръ Матеева, правосл. вѣрост. и сибирск. по вѣр. мѣстн. Фучерова (Fouchon) Катюша, вѣр. росск., присоединена къ св. правосл. церкви посредникомъ т. крестный и мѣроп. и карел. и мѣстн. мѣстн.
—	11	3 IV 1902	18 II 1940	Анна Въ нам. св. прор. Анна (30 Февр.)	Всиг. рти. вѣр. мѣстн. Естемля Романенко присоединена къ св. правосл. церкви посред. т. крестный и мѣроп. и карел. и мѣстн. мѣстн.

Звѣны, Яма, Отчество и фамилія воспріявшихъ	Кто совершилъ таинство крещенія	Рекорикаждо сендѣтной записи по жelanію
Василий Григорьевич Заблавишин Надежда Андреевна Заблавишина	Алексеемъ Димитріемъ Клейменовымъ	
Андрей Ивановичъ Васильевъ. Ольга Романовна Клементова	Алексеемъ Димитріемъ Клейменовымъ	
Тимея Георгиевна Свободова Монахиня Марія Свободова	Алексеемъ Димитріемъ Клейменовымъ	
Федоръ Сергеевичъ Поповичъ Мина Татьяна Федоровна Киселина	Алексеемъ Димитріемъ Клейменовымъ	

Димитрия Клепинина <...>

В церкви на Лурмель, в оккупированном Париже, в 41-м году о. Димитрий служил молебен о спасении России. Суровы были лица прихожан. Многие плакали. Перед алтарем не только православные, не только верующие. В то тяжелое время людей привело туда стремление побыть в кругу своих соотечественников, услышать родной, один на всех русский язык.

Потом о. Димитрий дал свое благословение. Мама вспоминала, как пошла и она со мной, годовалой. Он заметил нас еще до того, как мы приблизились. Чуть улыбнулись добрые глаза за стеклами круглых очков. Он широко перекрестил меня.

О. Димитрия мама знала давно. Она была дружна с его родной сестрой Татьяной²⁸, бывала в ее доме, куда часто приходил и он. Однажды, возвращаясь с работы в сельскохозяйственном институте на бульваре Мюра, мама нашла под дверью записку: «Маша, я должен немедленно встретиться с Вами. Д. Клепинин».

Он знал, что мой отец, украинец из-под Черкасс, Кирилл Саввович Ружин, член Французской компартии, арестован петеновской жандармерией в 1939 г. и сослан в лагерь в Северную Африку. Знал, что мама, отказавшись носить желтую звезду, перешла на нелегальное положение и связана с группой Сопротивления, он полагал, что свидетельство о крещении может стать своего рода охранной грамотой, если не для матери, то хотя бы для ребенка. Он был глубоко верующим человеком, прекрасно относился к ней; поэтому-то и просил ее о позволении совершить обряд. Тем не менее немало подобных свидетельств были выданы о. Димитрием и без его совершения.

Тогда-то к нам и попало Евангелие.

Маму действительно несколько раз вырочал листочек с грифом Русской Православной Церкви на ул. Лурмель, в которой был засвидетельствован факт моего крещения. Этому человеку не только я — десятки людей обязаны жизнью. А сам

он, с верой в высшую справедливость, любовь, добро, осознанно повторил мученическую судьбу Того, Кому свято служил.

После публикации статьи Наталья Кирилловна Ружина поддерживала переписку с внуком о. Димитрия Антоном Сергеевичем Аржаковским (Москва) и с дочерью о. Димитрия Еленой Димитриевной Клепининой-Аржаковской (Париж).

Ниже приводятся выдержки из ее писем.

* * *

А.С. Аржаковскому (Москва)
от 13 августа 1990 г.

Хочу Вам сказать, и можете мне поверить, что культ, даже не культ, а святое почитание имени и памяти о. Димитрия в нашей семье существовал всегда, сколько я помню себя. Мама очень часто рассказывала мне о нем. Кстати, когда она прочла мою статью, была очень взволнована и вспомнила еще, как он помогал ей в оккупированном Париже вместе с мужем Татьяны Покровской перетаскивать мои вещи в Бонди. Мама всю войну проносила в сумочке его записку, заканчивающуюся словами: «Да спасет Вас Матерь Божья!»

Наталья Ружина (Кишинев).

* * *

Е.Д. Клепининой-Аржаковской (Париж)
от 22 декабря 1991 г.

Дорогая Елена Димитриевна.

Меня очень радует связь людей и времен. За это я благодарна своей судьбе. Отец Димитрий — это икона, на которую я молюсь. Он, именно он, спас жизнь мне и Наташе.

Когда мне тяжело, я обращаюсь к нему.

М.М. Ружина, мать Натальи Ружиной (Кишинев).

* * *

Надпись рукой о. Димитрия на подаренном семье Ружиных Евангелии²⁹ от 28 декабря 1941 г.: *Придите ко мне, все*

труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 28–30).

Георгий Раевский³⁰

О. Димитрию Клепинину

Твоей душе, прямой и смелой,
Примером ставшей для других
И духу преданной всецело —
Я посвящаю этот стих.

В жестокие и злые годы,
Когда предательство и месть
Топтали светлый лик свободы,
Ты людям нес благую весть

С таким спокойствием и силой,
С такой глубокой простотой,
Как будто небо оградило
Тебя незримою броней.

Среди огня, и мглы, и дыма
В жестокой буре бытия
Ты шел к отверженным, гонимым,
И твердая рука Твоя

Их неизменно выводила
Из круга демонской вражды,
И кроткая Твоя любила
Душа их бедных черты.

Но тем, кто любит сумрак ночи,
Невыносим и страшен свет,
Их злобы червь ревниво точит,
От них пощады чистым нет.

И бросили Тебя в темницу..
Но и оттуда слышу я,
Как дивною, большою птицей
Поет хвалы душа Твоя.

Приходской праздник в церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Лурмель. Владыку Евлогия ведут под руку настоятель прихода о. Димитрий Клепинин и поэт Георгий Раевский. 15 октября 1939 г.

И песнь ея из заточенья
По-прежнему доходит к нам,
Неся любовь и утешенье
Земли измученным сынам.

Теперь, когда Тебя не стало,
Когда остались мы во мгле,
Еще бедней и глуше стало
На нашей горестной земле.

Но есть большое утешенье
В глубоком веденье для нас,
Что часом был преображенья
Твой смертный, Твой последний час.

Что не печаль и не тревогу,
Но дар смиренной и простой
Любви вознес Ты прямо к Богу
Освобожденною Душой.

Не нам из тьмы, отсюда, снизу,
Не нам молиться за Тебя!
Твою сияющую ризу
Мы видим, помня и любя.

И просим: нас, осиротелых
И в эти бедственные дни
Оставшихся в земных пределах,
Твоей молитвой осени!

Мирра Лот-Бородина³¹
Памяти о. Димитрия Клепинина

Величье духа, дар бесценный,
Не всем и каждому здесь дан.
Тому, кто, т а м благословенный,
Родился свыше, был избран.

Его узнать и нам возможно,
Стоит он над толпой людской,
В нем воля блага неприметна,
И чужд он суете мирской.

Но близок он и к человеку,
Ему помочь готов всегда,
И служит сам, и светит веку
Как путеводная звезда.

Таков он был, простой, безвестный,
Любви свидетель до конца,
Так благодатию небесной
Здесь удостоился венца.

Мы все его не позабудем,
Как образ жизни во Христе,
Хранить ту память свято будем
В ее чистейшей красоте.

Апрель 1951 г.

Из «Журнала Московской Патриархии»

В статье, опубликованной в 1983 г. в английской версии «*Журнала Московской Патриархии*»³², посвященной служению епископа Сергия Пражского, помощника митрополита Евлогия, содержится информация относительно о. Димитрия:

«Однако сфера деятельности владыки Сергия не ограничивалась пределами Чехословакии. Он неоднократно работал во Франции, Германии и Италии и бывал с визитами в Швейцарии и Финляндии. Во время одного из своих визитов в Париж владыка Сергей совместно с митрополитом Евлогием рукоположил в пресвитеры Димитрия Клепинина³³. Впоследствии Димитрий Клепинин стал известным священником и принял деятельное участие в работе объединения «Православное Дело». Он умер мученической смертью в нацистском концентрационном лагере».

---

¹ Федор Тимофеевич Пьянов, друг, единомышленник, союзник о. Димитрия, вернувшийся из концлагеря Бухенвальд. Автор уникальных воспоминаний об о. Димитрии, матери Марии, работе объединения «Православное Дело».

Предлагаемый отрывок — *Слово*, произнесенное 30 апреля 1946 г. на вечере памяти о. Димитрия. Оpubл.: *Вестник Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопротивления во Франции* (Париж). 1946. С. 6–8.

² Юрий Павлович Казачкин — друг и союзник о. Димитрия, член Лурмельской группы.

О. Димитрий часто упоминает его в письмах из концлагеря (см. раздел ПЕРЕПИСКА), называя его в конспиративных целях Кейфером. Юрию Павловичу посчастливилось выжить и вернуться домой. Приведенные воспоминания о совместной лагерной жизни записаны со слов Юрия Павловича монахиней Елизаветой (Медведевой) и Р. С. Клячкиной (архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской).

³ Архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской (*пер. с фр.*).

⁴ Капо — надзиратель из пленных.

⁵ О. Димитрий умер ночью с 8 на 9 февраля 1944 в возрасте 39 лет.

- ⁶ Архив дочери о. Димитрия, Елены Димитриевны Клепининой-Аржаковской (Париж).
- ⁷ Сохранились письма к о. Сергию, написанные совместно о. Димитрием и Тamarой Федоровной («...Вы для нас особенно близки», «...мы много о Вас думаем...») (от 1 октября 1939 г.).
- ⁸ См. раздел ПЕРЕПИСКИ (*Письма к жене из лагеря Компьень*).
- ⁹ Письмо написано через несколько дней после ареста о. Димитрия (11 февраля 1943 г.).
- ¹⁰ Письмо написано вскоре после отправки о. Димитрия в концлагерь Компьень, где он находился до середины декабря 1943 г.
- ¹¹ К.В. — Константин Васильевич Мочульский.
- ¹² Речь идет о последней встрече матери Марии и ее сына Юры в этапном лагере Компьень в апреле 1943 г. Описание этой встречи приводит в своих воспоминаниях И.Н. Вебстер: см. ее свидетельство в материалах о матери Марии (Скобцовой).
- ¹³ О. Киприан (Керн) — монах, богослов, автор ряда работ («Евхаристия», «Православное пастырское служение» и др.), профессор Сергиевского института в Париже. Был настоятелем лурмельского прихода до о. Димитрия.
- ¹⁴ Речь идет о тяжелой болезни дочери.
- ¹⁵ Т.Ф. вследствие угроз гестапо была вынуждена скрываться под Парижем в местечке Viroflay.
- ¹⁶ 1 Кор. 9, 22.
- ¹⁷ Лурмельский храм был посвящен празднику Покрова Пресвятой Богородицы.
- ¹⁸ О. Сергей Булгаков по просьбе о. Димитрия время от времени служил в лурмельской церкви.
- ¹⁹ 16 декабря о. Димитрий и Юра Скобцов были переправлены в концлагерь Бухенвальд.
- ²⁰ Последнее письмо о. Димитрия от 13 декабря 1943 г., написанное перед отправкой в Бухенвальд (см. раздел ПЕРЕПИСКИ, *Письма к жене из лагеря Компьень*).
- ²¹ Сестра Иоанна (в миру, — Юлия Николаевна Рейтлингер) — духовная дочь о. Сергия Булгакова, известная в эмиграции иконописица, расписавшая совместно с матерью Марией основанные ею храмы на Villa de Saхе и Lourmel.
- Отпевание о. Димитрия состоялось в кафедральном соборе Александра Невского в 1944 г.

²² Imbert T., *Pretre Orthodoxe* (пер. с фр.). Архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской (неопубл.).

²³ Фотографии евреев, которым о. Димитрий выдавал ложные свидетельства о крещении, чтобы спасти их от преследований гитлеровцев.

²⁴ Речь идет о том, что о. Димитрий не хотел принужденного крещения, вызванного экстренными обстоятельствами.

²⁵ un curriculum vitae – личный листок с автобиографией.

²⁶ Тамара Александровна Жирмунская – московский литератор, поэт, автор поэмы «Мать Мария». Свидетельство приводится из кн. Т.А. Жирмунской «Мы – счастливые люди» (М., 1996. С. 161–163).

²⁷ Наталья Кирилловна Ружина – журналист, проживает в Кишиневе. В статье «Евангелие о. Димитрия» рассказала историю спасения своей семьи, связанную с деятельностью о. Димитрия во время оккупации в Париже, и прислала фотокопию свидетельства о крещении. Статья опубл.: Славянский вестник. 1990. 12 июля. С. 7.

²⁸ Татьяна Андреевна Клепинина, в замужестве Покровская, во время войны работала в движении Сопротивления.

²⁹ Надпись сделана на французском.

³⁰ Георгий Раевский – псевдоним поэта Георгия Авдеевича Оцуца, проживавшего в лурмельском общежитии, видного участника парижской литературной жизни 30-х гг. (см.: Терапиано Ю. *Встречи*. Париж, 1965).

³¹ Мирра Ивановна Лот-Бородина (1882–1957), дочь академика И.П. Бородина, племянница композитора А.П. Бородина, жена французского медиевиста Ф. Лота. Историк, поэт, богослов.

³² Life and Ministry of Archbishop Sergy (Korolyov) by N. Nikilin // The Journal of the Moscow Patriarchal. 1983. № 4. С. 24 (пер. с англ.).

³³ Рукоположение Димитрия Клепинина в дьяконы, а затем в священники состоялось в 1937 г. в Александро-Невском кафедральном соборе в Париже. Свою пастырскую деятельность о. Димитрий начал в Введенском храме РСХД на Оливье-де-Серр и продолжил в лурмельском приходе Покрова Божьей Матери.

Послесловие

Мать Ольга (Слезкина)¹

Мои воспоминания об о. Димитрии Клепинине

Познакомилась я с о. Димитрием (в то время — Димой Клепининым) в 1934 г. на съезде РСХД. Месяц или больше встречались мы с ним ежедневно. В то время Дима Клепинин по утрам чистил овощи для всего лагеря. Как всегда, он был молчалив и скромен. Но так было приятно посидеть около него. Но вдруг его спокойствие сменялось интересными и полными юмора рассказами. И тогда мы очень веселились. В продолжение всего лагеря он всегда был готов помогать, и в церкви, и где только нужна была его помощь. Это мое первое воспоминание о нем.

Потом мы виделись, когда он был в священническом сане. Он приходил ежедневно во время Великого поста в нижний храм собора и служил повечерие и утреню. В это время я еще ходила в школу и по окончании занятий бежала в собор на эти службы, и так было умирительно, как служил о. Димитрий. Присутствующих было очень мало. Хорошо помню Елену Гирс, будущую монахиню Екатерину. Весь пост мы были в этой общей молитве. Но кроме этой молитвы я очень ценила доброту о. Димитрия. Можно было его попросить о любой услуге. Он как-то кротко и радостно на все соглашался.

...Написанного очень мало, но передать ту любовь, которая излучалась от о. Димитрия, очень трудно.

Мемориальная доска

9 февраля 2003 года, 60 лет спустя после ареста, была открыта мемориальная доска на доме 77 по улице Лурмель в Пари-

же в память о матери Марии и отце Димитрии. На мраморе выгравированы следующие слова:

«Здесь стоял дом и церковь Покрова Пресвятой Богородицы, основанные “Православным Делом” в помощь обездоленным и где трудились мать Мария Скобцова (1891–1945) и отец Димитрий Клепинин (1904–1944). Арестованные гестапо в 1943 году за помощь евреям, они погибли в изгнании».

Во время торжественного открытия доски, при большом стечении народа, было зачитано слово епископа Гавриила (де Вильдера), экзарха Вселенского Патриарха, местоблюстителя архиепископа Русских Православных Церквей:

«Мы сегодня чтим память матери Марии Скобцовой, отца Димитрия Клепинина и всех членов общины, которые здесь жили и приняли участие в защите гонимых братьев. Эта доска увековечивает память тех, кто отдал свою жизнь ради этого подвига. После русской революции мать Мария и ее близкие сами стали беженцами. Как многие их соотечественники, они бежали и нашли прибежище во Франции. Здесь, в Париже, и родилась эта община, материально убогая, но духовно богатая.

Митрополит Антоний (Блум) однажды сказал: “Из-за революции мы потеряли Христа на наших блистательных иконах, в роскошных соборах, но мы Его обрели в бедном, отверженном, гонимом человеке”. Именно это и случилось на духовном пути матери Марии. Она без усталости объезжала Париж и всю Францию в поисках осиротевших, обнищавших своих соотечественников и, окружая их любовью и состраданием, давала им приют. Так совершала она Таинство Брата и, помогая ближнему, служила Христу. *“То, что делаете малым сим, вы Мне это делаете”.*

Во время оккупации мать Мария узнала в гонимом еврейском народе страждущего Слугу Господня, и она стала делать все возможное, чтобы помочь преследуемым. Ненавис-

ти она отвечала любовью, безразличию — милосердием. Так жили и погибли мать Мария, ее сын Юрий, отец Димитрий Клепинин и соратники “Православного Дела”.

Эта мемориальная доска — не только память о мрачном периоде нашего прошлого и героического подвига малой группы православных христиан, она также является призывом к каждому из нас, как верующим, так и неверующим. Ибо сегодня тоже стучатся в наши двери эмигранты из Восточной Европы, Африки, Азии, не говоря о наших бездомных и наркоманах. Как бы сегодня поступили мать Мария, отец Димитрий и их духовные чада? Я думаю, что мы знаем ответ. Поэтому я молюсь и надеюсь, что всякий проходящий здесь и читающий эти имена, осознает свое призвание и свою ответственность. Поступим же в духе матери Марии! Тогда окружающее нас общество станет прообразом рая и хоть немного приблизится к нам Царствие Божие».

---

¹ Игуменья обители Покрова Пресвятой Богородицы, Бюсси-ан-От, Бургундия (Франция).

Приложения

Основные даты жизни и деятельности

о. Димитрия

- 1904 *14 апр.* Рождение Димитрия в Пятигорске. Отец – Андрей Николаевич Клепинин, мать – Софья Александровна Степанова
- 1906 Переезд семьи в Одессу. Домашнее образование, обучение в гимназии, реальном училище
- 1919 Гражданская война. Арест матери. Служба Димитрия в Добровольческом флоте
- 1921 Семья устраивается в Константинополе. Обучение Димитрия в американском колледже
- 1922 Переезд семьи в Белград. Посещение «Ковчега» семьи Зерновых
Знакомство с о. Алексеем Нелюбовым и с владыкой Вениамином
- 1922 Смерть Софьи Александровны
- 1924 Димитрий поступает в Богословский институт преп. Сергия в Париже
- 1925–1928 Работа в Русском Студенческом Христианском Движении
- 1929 Димитрий получает диплом Сергиевского института и стипендию для обучения в богословской гимназии в Нью-Йорке
Париж. Знакомство с Т.Ф. Баймаковой
- 1930 Работает чернорабочим, прислуживает в разных церквях, поет в церковном хоре
- 1931 Работа на Борских медных приисках
Знакомство с о. Сергием Четвериковым, помощь в служении
- 1932 Работа в Югославии

- 1934 Возвращение в Париж, работа мойщиком окон и полов, регентование в хоре, прислуживание в разных приходах
- 1937 *Июль*. Женитьба на Т.Ф. Баймаковой.
Авг. Рукоположен митрополитом Евлогием и митрополитом Сергием Пражским в священники в соборе Св. Александра Невского
Назначен в приход Введенской церкви
- 1938 Рождение дочери Елены
- 1939 Назначен митрополитом Евлогием настоятелем Покровской церкви на ул. Лурмель при общежитии матери Марии (Скобцовой)
Сент. Война. Активное участие в работе объединения «Православное Дело»
- 1940 *Июнь*. Немецкая оккупация Парижа. О. Димитрий обслуживает русских больных, оказывает помощь евреям, выдает им свидетельства о крещении. Отпевания в лурмельской церкви
- 1942 *Авг.* Рождение сына Павла
11 нояб. Оккупация немцами всей Франции. О. Димитрий отдает в лурмельском общежитии свою комнату еврейской семье
- 1943 *11 февр.* — *27 апр.* Арест. Романвиль. Допросы
27 апр. — *15 дек.* Концлагерь Компьень
16 декабря. Отправка в концлагерь Бухенвальд
- 1944 *Сер. января.* Отправка в концлагерь «Дора»
С 8 на 9 февр. Смерть от воспаления легких и истощения

Комментарий к церковной ситуации 1943 г.¹

В середине 1943 г. узники получают обнадеживающие известия:

8 сентября в Москве Сталин разрешает собрание Собора русских православных епископов, которые избирают митрополита Сергия СТРАГОРОДСКОГО Патриархом Московским и всея Руси. Этот Собор распространяет пастырское письмо, адресованное *христианам всего мира*, призывающее их объединить все силы для победы над гитлеризмом.

Эта новость достигает узников Компьяна, и письма о. Димитрия отражают его надежду относительно будущего епархии, находящейся под управлением митрополита Евлогия ГЕОРГИЕВСКОГО.

10 июня 1930 г. митрополит московский Сергей СТРАГОРОДСКИЙ отменил назначение митрополита ЕВЛОГИЯ в качестве экзарха Патриарха ТИХОНА, и тем самым с 17 февраля 1931 г. митрополит Евлогий стал подчиняться Вселенскому Патриарху в Константинополе. Это присоединение рассматривалось как временное до созыва Собора в Москве.

12 лет спустя восстановление патриаршества в Москве, обещания недавно созданного Священного Синода вновь открыть богословские школы открывает новые перспективы, на которые часть верующих Православной Церкви в эмиграции (и тем более жертвы немецкой оккупации) смотрят с надеждой; к тому же эмигранты правого крыла не скрывают своей симпатии к немцам, в которых они видят освободителей России от «гидры безбожного коммунизма».

В частности, это позиция карловчан в лице епископа Анастасия ГРИБАНОВСКОГО, наследника митрополита Антония ХРАПОВИЦКОГО, умершего в 1936 г. Епископ АНАСТАСИЙ в 1938 г. послал Гитлеру благодарственную телеграмму за помощь, которую канцлер оказал православным

приходам Германии, и уверил в тексте телеграммы в своих постоянных молитвах о нем. Епископ Серафим ЛЯДЕ, также принадлежащий к группе карловчан, пронацистские симпатии которого были хорошо известны, в 1943 г. старается приблизиться к митрополиту Евлогию. Об этом узнают узники, и это их тем более волнует, что эти новости появляются в тенденциозном виде, поданные цензурой для пропаганды немецкой оккупационной власти. Важно не забывать и о том, что единственная газета во Франции, разрешенная немцами на русском языке, издавалась Жеребковым, известным пронацистским деятелем.

О. Димитрий надеется, что его епископ владыка ЕВЛОГИЙ сумеет обеспечить свою независимость по отношению к консерваторским течениям и к коллаборационистам, а также надеется, что он воссоединится с Москвой.

---

¹ К письму о. Димитрия из заточения от 27 июня 1943 г. (см. раздел ПЕРЕПИСКА).

Содержание

<i>От составителей</i>	5
Материалы к житию священномученика Дмитрия	
Детство	9
Эмиграция	12
Духовное образование	15
Служение	20
Мученичество	25
Наследие о. Дмитрия	
«Сердце и ум в молитве Иисусовой» (<i>Отрывок</i>).....	36
Дневник Дмитрия Клепинина	38
Проповеди.....	86
Проповедь в приходе Покрова Пресвятой Богородицы ...	86
На похоронах Константина Бальмонта.....	87
Духовные беседы.....	89
О чуде.....	89
Переписка	93
Письма Дмитрия Клепинина к С.С. Шидловской	93
Письмо к о. Сергию Булгакову	111
Письмо к С.В. Медведевой.....	112
Письма к жене из лагеря Компъень.....	113
Письмо к митрополиту Евлогию.....	140
Воспоминания. Свидетельства. Почитание	
Воспоминания родственников	147
Запись А.Н. Клепинина	147
Воспоминания Е.Д. Клепининой-Аржаковской	148
Воспоминания друзей	151
С.С. Куломзина. Про одного священника	151
С.П. Жаба. За други своя... ..	154
О.В. Татафинова. Из письма	156
Ф.Г. Спасский. Об о. Дмитрии.....	157
С.Б. Пиленко. Воспоминания	159

Содержание

Свидетельства духовных лиц	162
<i>Митрополит Евлогий.</i> Слово на собрании памяти о. Димитрия Клепинина	162
<i>Протоиерей В.В. Зеньковский.</i> Мои воспоминания об о. Димитрии Клепинине	165
<i>Протоиерей Борис Старк.</i> Воспоминания	170
Свидетельства духовных детей	173
<i>М. Кравченко.</i> Воспоминания духовной дочери об о. Димитрии	173
Слово духовной дочери покойного о. Димитрия Клепинина	176
<i>Ф.Т. Пьянов.</i> Исповедник	179
Свидетельства о мученичестве	182
<i>Ф.Т. Пьянов.</i> Памяти о. Димитрия Клепинина	182
По воспоминаниям Ю.П. Казачкина	185
<i>Монахиня Мария (Иглинская).</i> Свидетельство	192
<i>Протоиерей Сергей Булгаков.</i> Письма к Т.Ф. Клепининой ...	193
<i>Екатерина Рейтлингер.</i> Свидетельство об отпевании о. Димитрия	197
<i>Т. Имбер.</i> О. Димитрий, православный священник	198
Звание Праведника Мира	200
<i>Т.А. Жирмунская.</i> Место поминания	202
<i>Н.К. Ружина.</i> Евангелие о. Димитрия	204
<i>Георгий Раевский.</i> О. Димитрию Клепинину	210
<i>Миффа Лот-Бородина.</i> Памяти о. Димитрия Клепинина	213
Из «Журнала Московской Патриархии»	214
Послесловие	217
<i>Мать Ольга (Слезкина).</i> Мои воспоминания об о. Димитрии Клепинине	217
Мемориальная доска	217
Приложения	220
Основные даты жизни и деятельности о. Димитрия	220
Комментарий к церковной ситуации 1943 г.	222

Жизнь и житие священника Димитрия Клепини-
Ж48 на.1904–1944 / Сост. Т.В. Викторова, Н.А. Струве. – М.:
Русский путь, 2004. – 228 с., ил.

ISBN 5-85887-179-8

Книга о православном священнике Димитрии Клепинине
(1904–1944), мученически скончавшемся в концлагере и прославлен-
ном в лике святых в 2004 г.

ББК 86.372

Жизнь и житие
священника Димитрия Клепинина
1904–1944

Составители

Т.В. Викторова, Н.А. Стрuve

Редактор *Т.А. Соколова*

Оформление *П.А. Сandomирский*

Подписано в печать 01.12.2004
Формат 60x90/16. Тираж 1 000 экз.

ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радицевская, д. 2
Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Сайт в Интернете: www.rp-net.ru

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,
141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14